

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Бабурин С.В. — начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С.П. — ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Кругликов Л.Л. — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Беляева Л.И. — профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л.М. — профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Тимофеев Ю.Ю. — начальник правового управления ФСИН России, кандидат юридических наук;

Ищенко Е.П. — заведующий кафедрой криминологии Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Поздняков В.М. — профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Попов В.В. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации;

Старостин С.А. — профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Трофимов В.Ю. — начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гаврилов Б.Я. — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук;

Бекбатыров Н.Ж. — начальник Академии комитета уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан, кандидат юридических наук;

Зубкова В.И. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Крымов А.А. — начальник Академии права и управления ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Кузьминых А.Л. — доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

Лапшин В.Ф. — начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Нагорных Р.В. — директор филиала Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в г. Вологде, кандидат юридических наук, доцент;

Оботурова Н.С. — заместитель начальника института по учебной работе ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент;

Попова И.Н. — начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Софийчук Н.В. — заместитель директора филиала Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в г. Вологде по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Спасенников Б.А. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Трунигер Л. — директор Высшей школы социальной работы г. Ольтен (Швейцария), доктор, профессор;

Шабанов В.Б. — заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, доктор юридических наук, профессор;

Шахов О.А. — начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент

Решением Президиума ВАК 22.10.10 журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика

Журнал выходит четыре раза в год

ISSN 2076-4162

№ 4 (20)

Вологда 2012

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ 4

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Р.А. РОМАШОВ

Амнистия и помилование как виды государственного прощения вины 4

Б.А. СПАСЕННИКОВ

Общественно опасные деяния больных психически-ми расстройствами 8

В.Ф. ЛАПШИН

Проблемные вопросы квалификации посяга-тельств, нарушающих правила оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней и (или) жемчуга 11

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Н.Н. КИРИЛОВСКАЯ

Правовая позиция Европейского суда по правам че-ловека по толкованию категории «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение» 16

Н.И. НАРЫШКИНА

Функционирование тюрем в Российском государстве и Великом княжестве Литовском в XV–XVII вв.: срав-нительно-правовое исследование 22

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Р.В. НАГОРНЫХ

К вопросу о понятии механизма административно-правового регулирования и его реализации в сфере государственной правоохранительной службы 26

Е.В. УХОВА, Л.А. КОЛПАКОВА

Совершенствование уголовно-процессуальной дея-тельности органов и учреждений уголовно-исполни-тельской системы в стадии возбуждения уголовного дела 33

А.В. КОРЕПИНА

Ротация сотрудников органов внутренних дел 39

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ . . 44

Э.В. ЗАУТОРОВА

О реализации программы «ART-метод тренировки социальной компетенции» в исправительных учреж-дениях ФСИН России 44

А.Н. БАЛАМУТ

Психологическая помощь осужденным к пожизнен-ному лишению свободы: современное состояние, проблемы и перспективы 48

Ш. ШНУР

Возможности социальной работы в разрешении кон-фликта между оказанием помощи осужденным и кон-тролем за их поведением в УИС 52

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ 55

Г.Н. ОБОТУРОВА

Научно-инновационная деятельность: понятие, ос-новные направления, результаты и ценности 55

О.В. КОШКО, Н.Ю. ТРУДОВ

«Провалы» рынка и «провалы» государства: достиже-ние институционального баланса 60

Д.В. ШИБАЕВ

Организационно-правовые и технические аспекты применения технологии видеоконференцсвязи в ар-битражных судах Российской Федерации 66

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ 69

С.Е. ПРОЛЕТЕНКОВА

Использование системного подхода в администра-тивно-правовом исследовании религиозного экстре-мизма 69

С.А. ПАВЛОВСКИЙ

К вопросу о концепции федерального закона «О норма-тивных правовых актах Российской Федерации» 73

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 77

А.Л. КУЗЬМИНЫХ

Международное право и «узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц 77

А.Р. ПАВЛУШКОВ

Колодники Святейшего Синода: правовой статус и государственное юридическое оформление 81

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ 86

О.М. ЧЕРНЫШОВА

Реформа в пенитенциарных учреждениях Германии 86

А.В. БАРЫШЕВА

О зарубежной практике социальной работы по проф-ориентации несовершеннолетних осужденных 89

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ 94

Е.Л. СУЧКОВА, Е.Ф. ШТЕФАН

Влияние субкультуры осужденных на ценностно-мо-тивационную сферу сотрудников УИС 94

РЕЦЕНЗИИ 97

В.М. ПОЗДНЯКОВ

Рецензия на учебное пособие «Психологическая под-готовка сотрудников УИС к действиям в экстремаль-ных ситуациях», подготовленное кандидатом психо-логических наук, доцентом А.Н. Баламутом 97

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ 97

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ 99

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 100

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF JURISDICTION	4	TOPICAL ISSUES OF ECONOMICS, MANAGEMENT AND TECHNOLOGY	55
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY		G.N. OBOTUROVA	
R.A. ROMASHOV		Research and innovation: concepts, basic trends, results and values	55
Amnesty and pardon as the types of state pardon of guilt	4	O.V. KOSHKO, N.U. TRUDOV	
B.A. SPASENNIKOV		Market failure and state failure: achieving of the institutional balance	60
Socially dangerous acts committed by people with mental disorders	8	D.V. SHIBAEV	
V.F. LAPSHIN		Legal Organizing and Technical Aspects of Application Videoconference Communication in Courts of Arbitration of Russian Federation	66
The issues of offences breaking the turnover rules for precious metals, natural jewels and (or) pearls	11	DISCUSSION IS WELCOME	69
CRIMINAL EXECUTIVE LAW		S.E. PROLETENKOVA	
N.N. KIRILOVSKAY		The systems approach to the study of religious extremism	69
Juridical position European Court of human rights by interpretation category «inhuman or humiliation dignity treatment»	16	S.A. PAVLOVSKYI	
N.I. NARYSHKINA		To the question of the Concept of the Federal law «About the normative legal acts of the Russian Federation» ..	73
The functioning of prisons in Russia and the Grand Duchy of Lithuania in the XV-XVII centuries: comparative legal study	22	HISTORY PAGES	77
CRIMINAL COURT PROCEDURE AND ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY		A.L. KUZMINYKH	
R.V. NAGORNYKH		International law and prisoners of war: the problem of legal protection prisoners of war and interned persons	77
To a question of concept of the mechanism of administrative and legal regulation and its realization in the sphere of the public law-enforcement service	26	A.P. PAVLUSHKOV	
E.V. UHOVA, L.A. KOLPAKOVA		Kolodniky (arrested persons) of the Apostolic Synod: the legal status and legal implementation	81
The criminal procedure improvement of the organs and institutions of the penal system under initiation of criminal proceedings	33	FOREIGN EXPERIENCE	86
A.V. KOREPINA		O.M. CHERNYSHEVA	
Rotation of the enforcement officers	39	The reform of penitentiary establishments in Germany	86
TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK	44	A.V. BARYSHEVA	
E.V. ZAUTOROVA		About the foreign practice of social work in the field of career-guidance among young offenders	89
On the implementation of the program «ART-method of training social competence» in prison FPS Russia ..	44	OUR RESEARCHES	94
A.N. BALAMUT		E.L. SUCHKOVA, E. SHTEFAN	
Psychological help the prisoners sentenced to life imprisonment: current status, problems and prospects	48	Some impact of subculture of the convicted on value – motivational sphere of penal officers	94
S. SCHNUR		REVIEWS	97
Some possibilities of social work within penal system directed to solving conflict between aid to the convicted and supervision of their behavior	52	V.P. POZDNYAKOV	
		Review of the teaching aid “Psychological preparation of the prison staff for action in extreme case”, prepared of Ph.D. assistant professor A.N. Balamut	97
		NOVELTIES OF LITERATURE	97
		INFORMATION, ADVERTISEMENTS	99
		INFORMATION ABOUT THE AUTORS	101

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Амнистия и помилование как виды государственного прощения вины

Р.А. РОМАШОВ – начальник Самарского юридического института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

В статье анализируются институты амнистии и помилования в современном законодательстве и правоприменительной деятельности, выявляются их психолого-юридические аспекты и роль в реализации уголовно-правовой ответственности.

Ключевые слова: амнистия; помилование; наказание; вина; преступление.

Amnesty and pardon as the types of state pardon of guilt

R.A. ROMASHOV – director of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, doctor of Law, professor, Honored Scientist of Russian Federation

The article analyzes the development and functioning of modern law enforcement institutions of amnesty and pardon. Psychological and legal aspects of these concepts and their role in criminal justice are identified.

Key words: amnesty; pardon; punishment; guilt; crime.

В системе психологических факторов, оказывающих существенное влияние на реализацию уголовно-правовой ответственности, институт прощения вины занимает особое место, так как его использование связано с правоприменительной деятельностью высших органов государственной власти.

Прощение государством лиц, совершивших преступления и признанных виновными по приговору суда, есть акт гуманизма, свидетельствующий о готовности социума (в лице представителей государственной власти) к примирению с человеком, вино-

вым в совершении преступления, однако раскаявшимся в содеянном и стремящимся к восстановлению статуса полноправного законопослушного гражданина.

Проведение ретроспективного анализа института прощения вины позволяет выделить три основные модели восприятия соответствующего явления:

– архаико-социальную, когда прощение осуществляется собранием представителей архаической социальной организации (родом, племенем, полисом);

– сакрально-патримониальную, когда акт прощения продиктован «милостью Божьей»

и осуществляется «представителями Бога на земле» – церковью либо государем (помазанником Божьим);

– нравственно-правовую, когда акт прощения производится высшим государственным органом, выступающим от имени народа и действующим в соответствии с законодательно закрепленными предписаниями¹.

Правовая наука выделяет два вида государственного прощения за виновное деяние: помилование и амнистию.

Анализируя сложившуюся в дореволюционной России практику применения помилования, Э.Я. Немировский писал, что она «может выражаться в форме: 1) отмены, или изменения, или замены наказания, вынесенного приговором одному подсудимому, причем изменение и замена состоят в смягчении наказания, а кроме отмены возможно и восстановление в правах; 2) устранения уголовного преследования или прекращения уже возникшего преследования, так называемой аболиции; 3) прощения, или смягчения наказания, или аболиции в отношении всех осужденных или обвиняемых в определенных преступлениях – амнистии»².

Таким образом, помилование в прошлом рассматривалось как видовое понятие, в которое входили собственно помилование и амнистия. Их объединяло частичное или полное «прощение» лица, совершившего преступление.

В дальнейшем термин «помилование» стал применяться только к случаям освобождения от отбывания наказания, его смягчения или замены другим, более мягким, наказанием в процессе его исполнения и снятия судимости с конкретных лиц.

В условиях современной правовой системы России индивидуальное решение о прощении лица, осужденного за совершение преступления, принимает Президент Российской Федерации в рамках процедуры помилования.

Акт помилования обладает индивидуальным характером, так как в отличие от амнистии применяется к конкретному лицу или конкретным лицам. Он служит юридическим основанием для освобождения осужденного от отбывания наказания, замены наказания другим, более мягким, и т.д.

В юридической литературе представлено мнение о том, что помилование конкурирует с установленными в УК РФ видами освобождения от наказания (условным осуждением, условно-досрочным освобождением от наказания и т.д.)³. Это суждение представляется

ошибочным. Конкуренция возможна, скорее, между различными нормами одной и той же системы, предусмотренной УК РФ. Различная юридическая природа помилования и норм УК РФ, отличие условий, положенных в основу применения освобождения от наказания в соответствии с УК РФ и указами Президента Российской Федерации о помиловании, неодинаковая процедура реализации помилования и иных видов освобождения от наказания – все это исключает возможность конкуренции между помилованием и освобождением от наказания по УК РФ.

Необходимо подчеркнуть, что помилование нельзя понимать как ревизию, пересмотр приговора, поэтому встречавшиеся ранее в представлявшихся Президенту Российской Федерации просьбах о помиловании ссылки на «чрезмерно строгое наказание осужденного» неправомерны.

До издания Указа Президента Российской Федерации от 28.12.2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации», утвердившего положение «О порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации», существовали основные правила реализации этого института. С ходатайствами о помиловании к Президенту Российской Федерации имели право обращаться осужденные, их родные, близкие, администрации учреждений, предприятий, общественные организации и т.д. Если осужденный отбывал лишение свободы, то ходатайство могло возбуждаться и администрацией места лишения свободы. Нередко к Президенту Российской Федерации с ходатайствами о помиловании одного и того же осужденного обращались несколько лиц, учреждений и общественных организаций. Возможность подачи ходатайства о помиловании не только осужденным, но и иными лицами фактически снимала с него обязанность оправдать надлежащим поведением оказанное ему доверие.

Ходатайства о помиловании осужденных до 2002 г. поступали в Управление по делам о помиловании при Президенте Российской Федерации, которое готовило необходимую документацию для решения вопроса по существу. Эти материалы направлялись в Комиссию по вопросам помилования (общественное формирование) при Президенте Российской Федерации, которая предлагала тот или иной исход. Однако такого рода рекомендации не имели для Президента Российской Федерации обязательной силы.

В 2002 г. вместо одной упомянутой Комиссии по помилованию при Президенте Российской Федерации аналогичные органы были созданы в каждом субъекте Российской Федерации. Они предварительно рассматривают ходатайства о помиловании осужденных, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, находящихся на территории соответствующего субъекта, а также лиц, отбывавших наказание и имеющих судимость. Комиссии готовят заключения по материалам о помиловании для дальнейшего их представления высшему должностному лицу субъекта Федерации (руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Федерации). В комиссию входят не менее 11 чел. – граждан России, имеющих высшее образование, пользующихся уважением людей и имеющих безупречную репутацию. Состав комиссии утверждается главой субъекта Федерации.

Создание комиссий по помилованию во всех субъектах Российской Федерации облегчает подготовку материалов о помиловании, обеспечивает их более высокое качество, ускоряет весь процесс применения права в данной области общественных отношений.

Рассматривая институт амнистии, следует акцентировать внимание на том, что в УК РФ 1996 г. впервые включена отдельная статья, посвященная порядку объявления амнистии и правовым последствиям этого акта (ст. 84). Правом издания такого акта согласно ст. 103 Конституции Российской Федерации 1993 г. обладает Государственная дума Федерального Собрания Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 84 УК РФ амнистия объявляется в отношении неперсонифицированного круга лиц. Амнистия применяется к определенным категориям осужденных, например к женщинам, имеющим несовершеннолетних детей, мужчинам старше 60 лет, инвалидам I или II группы и т.д.

В российской юридической литературе амнистия рассматривается как гуманная необходимая мера. Среди ее положительных черт называется то, что она отвечает целям оптимизации уголовно-исполнительной системы, способствует корректировке наказания в сторону смягчения и т.п.

Будучи актами высшего органа государственной власти, амнистии имеют публично-правовой характер. Их предписания обязательны для всех органов и должност-

ных лиц, имеющих отношение к реализации уголовной ответственности, и распространяются на индивидуально не определенный круг лиц.

Безусловно, акт амнистии – специфический правовой документ, и его особенности в первую очередь связаны с порядком действия во времени. Действие акта амнистии распространяется на деяния, совершенные до его издания. Такой принцип, в общем-то, не свойственен уголовным законам. Более того, действие акта амнистии ограничено небольшими временными границами. Это, по сути, «разовый» акт. Вместе с тем названные черты непосредственно связаны с характером и целями самой амнистии, в основе которой лежит идея прощения уже совершенных преступлений.

Учитывая различный характер целей, в связи с достижением которых объявляются амнистии, следует отметить, что их содержание зависит от политических и экономических особенностей развития страны, оказывающих влияние на специфику борьбы с преступностью, что отражается на характере каждого конкретного акта амнистии, масштабе и формах его применения.

Амнистия распространяется на всех лиц, подпадающих под ее действие, вне зависимости от того, согласны ли они с ней или же не согласны. Однако, если лицо, освобожденное от уголовной ответственности в соответствии с амнистией, считает себя невиновным в инкриминируемом ему деянии, оно может обратиться в суд с требованием рассмотрения дела. Даже если суд в подобном случае придет к выводу о виновности данного лица, оно все-таки будет освобождено от уголовной ответственности по акту амнистии.

При совершении продолжаемых преступлений амнистия применима только в случае, если последний эпизод такого преступления имел место до принятия акта амнистии.

По общему правилу акт амнистии к лицам, совершившим деяние, прекращено до вступления в силу акта амнистии. Из этого правила возможны исключения. Так, актом амнистии от 01.11.1991 г. было определено, что от уголовной ответственности освобождаются лица, уклонявшиеся от военной службы, которые являлись к месту несения службы, или в ближайшее воинское управление (приемные Министерства обороны СССР и военных округов, флота, военные комиссии), или в Комитет при Президенте СССР по делам военнослужащих

для применения амнистии и дальнейшего прохождения службы (ст. 9). Следовательно, рассматриваемый акт амнистии реализовывался в отношении военнослужащих при их явке с повинной.

Акты амнистии по многолетней традиции не применяются к лицам, злостно нарушающим режимные правила отбывания наказания.

В постановлении Государственной Думы от 24.12.1997 г. о применении акта амнистии определено, что злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания в местах лишения свободы при применении акта амнистии следует считать:

а) осужденных, имеющих в течение года более трех взысканий, наложенных в письменной форме, не снятых и не погашенных в установленном порядке на день принятия решения о применении акта амнистии, а также осужденных, допустивших в течение года одно из злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания;

б) осужденных, содержащихся в колониях-поселениях и направленных в исправительные колонии других видов за злостные нарушения режима, если после вынесения постановления судьи о направлении их в учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы, они находились под стражей менее одного года на день принятия решения о применении акта амнистии (срок наказания исчисляется со дня заключения осужденного под стражу);

в) осужденных к исправительным работам, которым за злостное уклонение от отбывания наказания неотбытый срок исправительных работ был заменен судом наказанием в виде лишения свободы, если они находились под стражей менее шести месяцев на день принятия решения о применении акта об амнистии;

г) осужденных, совершивших умышленные преступления во время отбывания наказания, а также условно осужденных и осужденных, исполнение приговора которым было отсрочено;

д) осужденных, совершивших умышленное преступление в течение установленного

судом испытательного срока либо в период отсрочки;

е) осужденных, которым судом отменены условное осуждение или отсрочка исполнения приговора, если после вынесения постановления суда о направлении указанных осужденных в учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы, они находились под стражей менее одного года на день вступления в силу постановления об амнистии.

Акт амнистии определяет критерии ее применения, которые в основном не учитывают поведение осужденного в процессе исполнения наказания (за исключением злостных нарушений режима). Поэтому под амнистию подпадают нередко и лица, не вставшие на путь исправления. Такой обезличенный порядок применения амнистии является ее недостатком.

Сам по себе акт амнистии не освобождает от уголовной ответственности или наказания, не смягчает наказание и не снимает судимости. Он является формально-юридическим основанием реализации соответствующих предписаний, распространяясь на определенный неперсонифицированный круг лиц.

Освобождение от уголовной ответственности конкретных лиц на основании акта амнистии в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством определяется: на стадии возбуждения уголовного дела постановлением об отказе в его возбуждении; на стадии расследования либо в отношении дел, по которым закончено расследование, но не вынесен приговор, постановлением о прекращении уголовного дела; на стадии судебного разбирательства определением суда о прекращении уголовного дела.

Амнистия может быть реализована обвинительным приговором суда с освобождением от наказания и судимости, постановлением начальника исправительного учреждения, санкционированным прокурором, или постановлением специальной комиссии по освобождению из мест лишения свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Изюмская И.Л. Институт прощения за виновное деяние как нравственно-правовое основание освобождения от юридической ответственности (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

² Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Часть общая. Одесса, 1925. С. 221.

³ См.: Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права. М., 1999. С. 236.

¹ Sm.: Izjumskaja I.L. Institut prowenija za vinovnoe dejanie kak npravstvenno-pravovoe osnovanie osvobozhdenija ot juridicheskoj otvetstvennosti (teoretiko-pravovoj aspekt): Avtoref. dis ... kand. jurid. nauk. SPb., 2006.

² Nemirovskij Je.Ja. Sovetskoe ugotovnoe pravo. Chast' obwaja. Odessa, 1925. S. 221.

³ Sm.: Inogamova-Hegaj L.V. Konkurencija norm ugotovnogo prava. M., 1999. S. 236.

Общественно опасные деяния больных психическими расстройствами

Б.А. СПАСЕННИКОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор

В статье раскрывается природа психических расстройств в связи с их ролью в механизме преступного деяния. Рассматриваются проблемы принудительного психиатрического лечения лиц, совершивших общественно опасные деяния, и вопросы эффективного правового регулирования принудительных мер медицинского характера. Автор дает свою оценку разработанному МВД России законопроекту «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в части, касающейся применения принудительных мер медицинского характера в целях профилактики административных правонарушений и преступлений.

Ключевые слова: психические расстройства; профилактика общественно опасных деяний; принудительное психиатрическое лечение; принудительные меры медицинского характера.

Socially dangerous acts committed by people with mental disorders

B.A. SPASENNIKOV – doctor of Law, doctor of medicine, professor of the department of criminal law and criminology, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article deals with the nature, role and impact of mental disorders on the commitment of socially dangerous acts. The issues of compulsory psychiatric treatment of persons having committed socially dangerous acts and effective regulatory matters of such measures are considered in the paper. The author estimates the draft “The bases of crimes prevention system in the Russian Federation” in respect of involuntary psychiatric treatment in order to prevent misdemeanors and criminal acts.

Key words: mental disorders; socially dangerous acts prevention; involuntary treatment in psychiatric institutions; forced medical treatment.

Ранее нами были проведены исследования, которые дают основания утверждать, что игнорировать или преуменьшать роль медико-биологических корней преступности ошибочно¹. При прочих равных условиях чаще закон преступают лица, имеющие те или иные врожденные или приобретенные расстройства адаптации в обществе, обусловленные внутренними (например, генетическими и др.) и (или) внешними (травматическими, интоксикационными и др.) патологическими процессами, так как здоровая психика человека определяет возможность выбора социально приемлемого поведения в любой сложной жизненной ситуации².

В нашей стране в XXI в. регистрируется увеличение количества лиц с психическими расстройствами, играющими существенную роль в механизме (патогенезе) противоправного поведения. Это связано с возрастанием в современном мире объема

поступающей информации, темпа жизни, неопределенностью будущего в условиях рыночной экономики, действием других социальных и биологических факторов.

В основе психического расстройства лежит нарушение точного отражения головным мозгом реального мира, что влечет соответствующую дезорганизацию поведения, которое вступает в противоречие с реальными отношениями. Оно может существенно изменять отношение человека к самому себе и обществу, а также отношение общества к человеку. Психиатрическая помощь лицам, страдающим психическими расстройствами, гарантируется государством и осуществляется на основе законности. Отсутствие надлежащего регулирования принудительных мер медицинского характера способно стать одной из причин неправомерного их применения, что наносит ущерб здоровью, человеческому достоинству и правам граждан³.

Разработанным МВД России законопроектом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» предусматривается применение принудительных мер медицинского характера в целях профилактики правонарушений (административных правонарушений и преступлений).

В соответствии с действующим законодательством принудительные меры медицинского характера – меры государственного принуждения, назначаемые, продлеваемые, изменяемые и прекращаемые по решению суда лицам, которые совершили общественно опасное деяние, предусмотренное статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, в состоянии невменяемости, а также лицам, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания, либо назначаемые по решению суда лицам, виновным в совершении преступления и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, но повлиявшими на осознанно-волевой выбор поведения в момент совершения преступления, и заключающиеся в мероприятиях, направленных на излечение, восстановление психического здоровья, предотвращение совершения нового общественно опасного деяния, опасности причинения вреда себе или другим лицам, возможности причинения иного существенного вреда, соблюдение прав и законных интересов лиц, страдающих психическими расстройствами⁴.

Мерами государственного принуждения они именуется потому, что применяются по решению суда, влекут ограничение некоторых прав и свобод душевнобольного. Лечение является принудительным, поскольку проводится независимо от желания лица и его близких и от осознания пациентом необходимости и содержания такого лечения.

Действующий уголовный закон предполагает применение принудительного психиатрического лечения в целях предотвращения совершения нового общественно опасного деяния, опасности причинения вреда себе или другим лицам, возможности причинения иного существенного вреда, но лишь после установления факта совершения именно этим душевнобольным общественно опасного деяния, предусмотренного статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Применение медицинских мер в принудительном порядке обусловлено тем, что психическое расстройство приводит к нарушениям восприятия и мышления, эмоций и

воли, памяти, сознания и интеллекта, а вслед за этим поведения, социальной адаптации, в результате чего лицо становится опасным (способным нанести вред себе самому и окружающим, повторно совершить общественно опасное деяние). Дабы максимально предупредить, исключить негативные проявления такого рода в настоящем и будущем, применяются лечебно-диагностические, лечебно-профилактические меры, включающие различные способы определения причины психического расстройства, постановку диагноза и назначение комплексного индивидуализированного лечения психического расстройства, направленного на восстановление нарушенных психических функций, поведения, социальную реабилитацию лица.

Судебная практика исходит из принципиального положения о том, что психическое расстройство должно оказывать влияние на поведение лица при совершении им деяния, предусмотренного статьями Особенной части УК РФ. Например, если лицо, страдающее шизофренией (хроническим психическим расстройством), совершит преступление, предусмотренное ст. 193 УК РФ, то деяние не подпадет под п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ, так как названное хроническое психическое расстройство не влияет на осознанно-волевое поведение при невозвращении из-за границы средств в иностранной валюте. В таком случае лицо признается виновным, принудительное психиатрическое лечение не назначается, а осужденный проходит добровольное лечение у психиатра по поводу имеющегося заболевания.

В судебной практике весьма строго учитывается положение, составляющее ч. 2 ст. 443 УПК РФ. Если лицо в состоянии невменяемости совершает общественно опасное деяние небольшой тяжести, предусмотренное статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, то суд выносит постановление об отказе в применении принудительных мер медицинского характера. Поэтому предложение применять принудительное психиатрическое лечение в целях профилактики деяний душевнобольных, которые уголовный закон относит к преступлениям небольшой тяжести, также может быть признано неправомерным и необоснованным.

Применение принудительных мер медицинского характера в целях профилактики деяний средней тяжести, тяжких и особо тяжких в отношении лиц, которые страдают психическими расстройствами, но не совершили эти общественно опасные деяния, предусмотренные статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, не

имеют умысла на совершение этих деяний, также неправомерно и необоснованно.

Кодекс об административных правонарушениях не предусматривает назначения принудительного психиатрического лечения за нарушение закона в состоянии невменяемости. Отсюда следует, что неправомерной и необоснованной следует считать и законодательную инициативу по применению принудительных мер медицинского характера в целях профилактики административных правонарушений.

В законопроекте не называются виды принудительного лечения у психиатра, назначаемые в целях профилактики правонарушений. Согласно действующему уголовному закону выбор вида принудительных мер медицинского характера зависит от тяжести и прогноза психического расстройства, опасности лица для себя и окружающих⁵.

Законопроектом не закрепляются основания для продления, изменения, прекращения принудительных мер медицинского характера в системе профилактики правонарушений. В отношении лиц, признанных судом невменяемыми, принудительное лечение осуществляется вплоть до излечения, исчезновения обусловленной психическим расстройством возможности причинения существенного вреда либо опасности для себя или других лиц⁶. Если же применять принудительное лечение в целях профилактики правонарушений, то придется назначать его всем лицам, страдающим хроническими психическими расстройствами, слабоумием, иными болезненными состояниями психики, и проводить пожизненно, что опять же не может быть признано правомерным и обоснованным.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 07.04.2011 г. указывает: «В связи с вопросами, возникшими у судов при назначении, продлении, изменении и прекращении применения принудительных мер медицинского характера, а также в целях обеспечения единообразного применения законодательства при рассмотрении дел данной категории Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, постановляет: обратить внимание судов, что при осуществлении производства о применении принудительных мер медицинского

характера следует строго соблюдать Конституцию Российской Федерации, нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. При решении отдельных вопросов, связанных с применением принудительных мер медицинского характера, необходимо руководствоваться положениями Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года № 5487-1, Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 года № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», а также иных нормативных правовых актов. Разъяснить, что принудительные меры медицинского характера являются мерами уголовно-правового характера и применяются только к лицам, совершившим предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, а также к лицам, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, и лишь при условии, когда психическое расстройство связано с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц (части 1 и 2 статьи 97 УК РФ)⁷.

На наш взгляд, без внесения соответствующих изменений в УК РФ, УПК РФ применение принудительного психиатрического лечения в системе профилактики правонарушений будет противоречить законодательству.

Заметим, что законодательное оформление получили различные виды специализированной психиатрической помощи населению, в том числе недобровольное лечение у психиатра. Они при надлежащем использовании, на наш взгляд, вполне достаточны для профилактики правонарушений лиц, страдающих психическими расстройствами.

Принудительное психиатрическое лечение в целях профилактики правонарушений, как нам представляется, является разновидностью профилактического лечения «преступной болезни»⁸, что не отвечает принципу законности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Спасенников Б.А. Принудительные меры медицинского характера: история, теория, практика. СПб., 2003.

² См.: Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Психические расстройства и их уголовно-правовое значение. М., 2011.

³ См. подр.: Спасенников Б.А. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве России. М., 2011.

¹ См.: Spasennikov B.A. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera: istorija, teorija, praktika. SPb., 2003.

² См.: Spasennikov B.A., Spasennikov S.B. Psihicheskie rasstrojstva i ih ugovovno-pravovoe znachenie. M., 2011.

³ См. подр.: Spasennikov B.A. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera v ugovovnom prave Rossii. M., 2011.

⁴ См. подр.: Спасенников Б.А. Продление, изменение и прекращение принудительных мер медицинского характера в судебной практике // Российский судья. 2012. № 1. С. 9–12.

⁵ См.: Полный курс уголовного права: В 5 т. СПб., 2008. Т. 1. С. 1083–1113.

⁶ См. подр.: Спасенников Б.А. Продление, изменение и прекращение принудительных мер медицинского характера // Энциклопедия уголовного права: В 35 т. СПб., 2009. Т. 12. С. 239–326.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2011 г. № 6 // Российская газета. 2011. 20 апр.

⁸ См.: Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Состояние опьянения и его уголовно-правовое значение. М., 2011.

⁴ См. подр.: Spasennikov B.A. Prodlenie, izmenenie i prekrasenie prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera v sudebnoj praktike // Rossijskij sud'ja. 2012. № 1. S. 9–12.

⁵ См.: Polnyj kurs ugovolnogo prava: V 5 t. SPb., 2008. T. 1. S. 1083–1113.

⁶ См. подр.: Spasennikov B.A. Prodlenie, izmenenie i prekrasenie prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera // Jenciklopedija ugovolnogo prava: V 35 t. SPb., 2009. T. 12. S. 239–326.

⁷ Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 07.04.2011 g. № 6 // Rossijskaja gazeta. 2011. 20 apr.

⁸ См.: Spasennikov B.A., Spasennikov S.B. Sostojanie op'janenija i ego ugovolno-pravovoe znachenie. M., 2011.

Проблемные вопросы квалификации посягательств, нарушающих правила оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней и (или) жемчуга

В.Ф. ЛАПШИН – начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются юридически значимые признаки состава преступления, предусмотренного ст. 191 УК РФ. Раскрываются вопросы определения предмета данного преступления, особенности квалификации и отграничения от смежных составов преступных посягательств. Кроме этого, исследуется ряд коллизионных вопросов уголовного, административного и гражданского законодательства в области регламентации и охраны отношений в сфере оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней и жемчуга.

Ключевые слова: финансовые преступления; драгоценные металлы; природные драгоценные камни; жемчуг; уголовная ответственность; квалификация преступлений.

The issues of offences breaking the turnover rules for precious metals, natural jewels and (or) pearls

V.F. LAPSHIN – head of the department of criminal law and criminology, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of law sciences, docent

The article considers elements essential to the offence provided for by Article 191 of the Criminal Code of RF. It deal with the issues of defining the subject of the given offence, its peculiarities and distinctions between such crime and related bodies of criminal offences. Besides the author researches a number of conflict issues connected with criminal, administrative and civil legislation in the field of regulating and protecting the relations in the turnover of precious metals, natural jewels and pearls.

Key words: financial crimes; precious metals; natural jewels; pear; criminal responsibility; crime classification.

Современное уголовное законодательство России отличается достаточно скрупулезная регламентация уголовной ответствен-

ности за совершение общественно опасных посягательств экономической направленности. Несмотря на доминирующее в послед-

нее время мнение о нецелесообразности установления уголовно-правовых запретов в сфере экономической деятельности хозяйствующих субъектов, прерогативе гражданско-правовой ответственности в этой области¹, представляется, что именно уголовная ответственность наиболее эффективно обеспечивает защиту экономических интересов государства и общества². В этой связи стремление законодателя к расширению дифференциации уголовной ответственности за совершение экономических преступлений можно только приветствовать.

Особое место в системе экономических преступлений (гл. 22 УК РФ) занимают финансовые преступления – общественно опасные деяния, посягающие на правоотношения по образованию, распределению и использованию финансов государства, субъекта Федерации, муниципального образования, а также финансов хозяйствующих субъектов³. Как справедливо отмечается в научной литературе, устойчивость государственной финансовой системы определяется в числе прочего объемом золотовалютных резервов страны. Государственный фонд драгоценных металлов и драгоценных камней Российской Федерации и ее золотой запас являются частью золотовалютных резервов. Увеличение запасов драгоценных металлов и драгоценных камней приносит государству большую пользу в сравнении с накоплением резервов иностранной валюты, поскольку драгоценные металлы и камни в меньшей степени подвержены риску обесценения⁴. Учитывая важность укрепления финансовой безопасности страны, государство предусматривает уголовно-правовую защиту вышеуказанных общественных отношений (ст. 191 УК РФ).

Так, основным объектом преступления являются общественные отношения в области геологического изучения и разведки месторождений драгоценных металлов и природных драгоценных камней, их добычи, производства, использования и обращения. Данные отношения регламентируются Федеральным законом от 26.03.1998 г. № 41-ФЗ (в ред. от 24.07.2007 г.) «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», а также рядом иных законных и подзаконных нормативных актов: Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.06.1994 г. № 756 (в ред. от 24.08.2004 г.) «Об утверждении положения о совершении сделок с драгоценными металлами на территории Российской Федерации»,

Постановлением Правительства Российской Федерации от 28.09.2000 г. № 731 «Об утверждении Правил учета и хранения драгоценных металлов, драгоценных камней и продукции из них, а также ведения соответствующей отчетности», Постановлением Правительства Российской Федерации от 05.01.1999 г. № 8 «Об утверждении порядка отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням», приказом Роскомдрагмета от 30.10.1996 г. № 146 «О порядке отнесения изделий, содержащих драгоценные металлы, к ювелирным» и др.

Традиционно драгоценные камни и драгоценные металлы рассматривались в качестве валютных ценностей, а преступления, предметом которых они являлись, в некоторых источниках именовались валютными. Но с 18 июня 2004 г. драгоценные металлы и драгоценные камни перестали относиться к валютным ценностям, а потому нормы федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» в настоящее время не применяются к указанным общественным отношениям.

Предметом преступления признаются драгоценные металлы, природные драгоценные камни и жемчуг. При этом не могут выступать в качестве предмета преступления ювелирные и бытовые изделия, а также их лом. Официальные понятия указанных предметов приводятся в федеральном законе «О драгоценных металлах и драгоценных камнях». В частности, драгоценными металлами считаются золото, серебро, платина и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений и осмий). Драгоценные металлы могут находиться в любом состоянии, виде, в том числе самородном и аффинированном, а также в сырье, сплавах, полуфабрикатах, промышленных продуктах, химических соединениях, ювелирных и иных изделиях, монетах, ломе и отходах производства и потребления.

Драгоценные камни – это природные алмазы, изумруды, рубины, сапфиры и александриты, а также природный жемчуг в сыром (естественном) и обработанном виде. К драгоценным камням приравниваются уникальные янтарные образования в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации. Таким образом, драгоценные камни могут быть только природного происхождения, а жемчуг и уникальные янтарные образования рассматриваются в качестве их разновидностей. Драгоценные камни, признаваемые предметом престу-

пления, могут находиться в необработанном виде, в виде обработанных полуфабрикатов, которые используются, например, в качестве вставок в ювелирных изделиях, в виде ограненных драгоценных камней (в том числе бриллианты), изделий технического назначения и пр.

С учетом диспозиции ст. 191 УК РФ не могут рассматриваться в качестве предмета преступления ювелирные и бытовые изделия, а также лом этих изделий. В соответствии с приказом Роскомдрагмета от 30.10.1996 г. № 146 к ювелирным относятся изделия, изготовленные из драгоценных металлов и их сплавов с использованием различных видов художественной обработки, со вставками из драгоценных, полудрагоценных, поделочных, цветных камней и других материалов природного или искусственного происхождения или без них, применяемые в качестве различных украшений, предметов быта, предметов культа и (или) для декоративных целей, выполнения различных ритуалов и обрядов, а также памятные, юбилейные и другие знаки и медали, кроме наград, статус которых определен в соответствии с законами Российской Федерации и указами Президента Российской Федерации, и памятных монет, прошедших эмиссию. Таким образом, согласно отраслевым подзаконным нормативным актам понятие ювелирных изделий включает в себя и изделия бытового назначения. Получается, что понятия «ювелирное изделие» и «бытовое изделие, изготовленное из драгоценных металлов и (или) драгоценных камней» в действующем законодательстве Российской Федерации не разграничиваются. Ломом ювелирных и бытовых изделий признаются изделия, которые ввиду наличия производственных и иных дефектов не могут применяться по назначению.

Состав преступления является формальным. Объективная сторона включает в себя несколько альтернативных действий с драгоценными металлами, драгоценными камнями в нарушение соответствующих правил, установленных законодательством России: совершение сделки, хранение, перевозка и пересылка. Преступление считается оконченным с момента совершения в полном объеме хотя бы одного из перечисленных действий.

Совершение сделки с драгоценными металлами и (или) драгоценными камнями будет признаваться обязательным признаком объективной стороны состава только в том

случае, если имеет место нарушение установленных российским законодательством правил обращения драгоценных металлов и драгоценных камней. Таким образом, драгоценные металлы и драгоценные камни, полученные незаконно (например, в результате осуществления добычи без специального разрешения), не могут рассматриваться в качестве предметов сделок и во всех случаях признаются собственностью государства.

Момент окончания преступления в данном случае зависит от вида сделки, заключаемой сторонами. Если договор является консенсуальным (купля-продажа, мена и др.), то преступление теоретически признается оконченным с того момента, когда стороны достигли соглашения по всем существенным условиям и приняли на себя соответствующие обязательства: передать драгоценный камень, произвести оплату и т.п. Таким образом, фактическая передача предмета рассматриваемого преступления для признания последнего оконченным в данном случае не требуется. Если же заключенный договор является реальным (дарение, заем и др.), то преступление может считаться оконченным только с момента фактической передачи драгоценных металлов и (или) драгоценных камней. Данное обстоятельство имеет существенное юридическое значение, поскольку на этом основании определяется начало течения срока давности.

В том случае, когда лицо осуществляет переработку незаконно полученного драгоценного металла либо драгоценного камня, а затем реализует его в качестве ювелирного или бытового изделия, уголовная ответственность приобретателя по ст. 191 УК РФ исключается, поскольку полученные им товары не могут рассматриваться в качестве предмета преступления. Но если под видом предмета преступления продаются цветные недрагоценные металлы, искусственные камни и пр., то при наличии иных юридически значимых признаков продавец привлекается к уголовной ответственности за мошенничество, а действия покупателя квалифицируются по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 191 УК РФ.

Хранение, перевозка и пересылка драгоценных металлов и драгоценных камней как разновидность деяния, предусмотренного ст. 191 УК РФ, не связаны с нарушением каких-либо специальных правил. Этим они отличаются от совершения сделки с драгоценными металлами и драгоценными камнями.

Данные действия рассматриваются в качестве видов незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней, если владение, пользование и распоряжение ими осуществляется на незаконных основаниях. Если предмет преступления не принадлежит виновному, но он осуществляет его незаконное хранение (перевозку, пересылку), то деяние при наличии иных юридически значимых признаков квалифицируется как самостоятельное преступление по ч. 1 ст. 191 УК РФ и соучастия не образует. Хранение (перевозка, пересылка) драгоценных металлов или драгоценных камней является длящимся преступлением и признается оконченным с момента начала выполнения соответствующих действий вне зависимости от фактической продолжительности времени незаконного нахождения у виновного предмета преступления.

Хранение включает в себя совершение лицом любых действий, связанных с незаконным нахождением у него драгоценных металлов или драгоценных камней. Место хранения должно обеспечивать сохранность указанных предметов и исключать возможность свободного доступа к ним со стороны третьих лиц (жилое помещение, сейф, тайник, сейфовая комната, камера хранения и иное хранилище).

Перевозка предполагает любое перемещение предмета преступления любым транспортным средством как по территории одного населенного пункта, так и за его пределы. При перевозке драгоценные металлы или драгоценные камни не должны находиться непосредственно при виновном.

Пересылка также представляет собой перемещение драгоценных металлов или драгоценных камней в пространстве, но без непосредственного участия виновного в этом процессе. Это осуществляется, как правило, с привлечением специализированных организаций связи и сообщения: «Почта России», «Курьер», «DHL», «Zest Express», «City Express» и др., сотрудники которых не подлежат уголовной ответственности за совершение рассматриваемого преступления, если не осознавали незаконного характера пересылки драгоценных металлов и драгоценных камней.

Субъект преступления в зависимости от вида преступного посягательства может быть как общим, так и специальным. В случае совершения сделки, предметом которой выступают драгоценные металлы и (или) камни, субъект является только специальным. На данное лицо должно быть

возложено исполнение обязанностей по соблюдению специальных правил обращения драгоценных металлов и драгоценных камней, установленных законодательством Российской Федерации. Думается, что эти обязанности должны быть продублированы в локальных нормативных актах и трудовом договоре.

Хранение, перевозка и пересылка драгоценных металлов и драгоценных камней могут осуществляться общим субъектом, поскольку данные действия при таких обстоятельствах не регламентированы какими-либо законными или подзаконными нормативными актами. Это связано с тем, что лицо изначально получает драгоценные металлы и (или) драгоценные камни незаконно. В противном случае лицо, которое приобрело указанные ценности на законных основаниях, но впоследствии нарушило специальные правила обращения с ними (например, правила хранения), не подлежит уголовной ответственности по ст. 191 УК РФ, поскольку в его деянии не усматривается всех признаков соответствующего состава преступления.

Субъективная сторона преступления характеризуется только прямым умыслом. Лицо осознает недопустимость нарушения специальных правил оборота драгоценных металлов и драгоценных камней при совершении сделок с ними либо недопустимость их хранения, перевозки или пересылки, но желает совершить данные действия. Мотивы, цели и эмоции, имевшие место при совершении преступления, могут учитываться судом при назначении наказания.

Квалифицированный состав рассматриваемого уголовно наказуемого посягательства предусматривает совершение деяния в крупном размере; группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Крупный размер применительно к данному составу преступления определен в примечании к ст. 169 УК РФ. Юридическая характеристика группы лиц по предварительному сговору и организованной группы приводится в ст. 35 УК РФ.

Таким образом, норму об уголовной ответственности за незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней и (или) жемчуга можно признать одной из наиболее удачных в части соблюдения правил техники описания юридических признаков состава преступления (ч. 1 ст. 191 УК РФ). В то же время использование в ч. 2 данной нормы лишь двух квалифицирующих признаков может свиде-

тельствовать о явной недостаточности проведенной дифференциации уголовной ответственности, что обуславливает необходимость дополнительного включения в

содержание статьи признаков, указывающих на существенное увеличение степени общественной опасности преступного посягательства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подр.: Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. М., 2010. С. 194; Жалинский А.Э. О соотношении уголовного и гражданского права в сфере экономики // Государство и право. 1999. № 12. С. 50; Яковлев А.М. Законодательное определение преступлений в сфере экономической деятельности // Там же. № 11. С. 40, 41, 43 и др.

² См. об этом: Лапшин В.Ф. Финансовые преступления. М., 2009. С. 5.

³ О специфике финансов как объекта уголовно-правовой охраны см.: Ашмарина Е.М. Современная финансовая система Российской Федерации // Государство и право. 2004. № 6. С. 95; Вахрин П.И., Нешитой А.С. Финансы и кредит: Учеб. для вузов. М., 2004. С. 63; Горбунова О.Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М., 2003. С. 60–61.

⁴ См.: Кучин О.С. О проблемах квалификации нарушений правил сдачи государству драгоценных металлов и природных драгоценных камней // Право и политика. 2007. № 12. С. 39.

¹ См. подр.: Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. М., 2010. С. 194; Жалинский А.Э. О соотношении уголовного и гражданского права в сфере экономики // Государство и право. 1999. № 12. С. 50; Яковлев А.М. Законодательное определение преступлений в сфере экономической деятельности // Там же. № 11. С. 40, 41, 43 и др.

² См. об этом: Лапшин В.Ф. Финансовые преступления. М., 2009. С. 5.

³ О специфике финансов как объекта уголовно-правовой охраны см.: Ашмарина Е.М. Современная финансовая система Российской Федерации // Государство и право. 2004. № 6. С. 95; Вахрин П.И., Нешитой А.С. Финансы и кредит: Учеб. для вузов. М., 2004. С. 63; Горбунова О.Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М., 2003. С. 60–61.

⁴ См.: Кучин О.С. О проблемах квалификации нарушений правил сдачи государству драгоценных металлов и природных драгоценных камней // Право и политика. 2007. № 12. С. 39.

Правовая позиция Европейского суда по правам человека по толкованию категории «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение»

Н.Н. КИРИЛОВСКАЯ – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматривается и анализируется судебная практика Европейского суда по правам человека в части толкования категории «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение» по смыслу ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека; права человека; бесчеловечное или унижающее достоинство обращение.

Juridical position European Court of human rights by interpretation category «inhuman or humiliation dignity treatment»

N.N. KIRILOVSKAY – docent from state law department, Vologda Institute of Low end Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of law sciences, docent

The article views activity the European Court of Human Rights by interpretation category «inhuman or humiliation dignity treatment». The analysis of practice European Court of human rights, decree the European Court of Human Rights by Article 3 of the European convention for the protection of human rights and fundamental freedoms 1950 года.

Key words: European Court of human rights; human rights; inhuman or humiliation dignity treatment.

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в ст. 3 запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание. Конвенция гарантирует соблюдение данного права в отношении каждого человека, находящегося под юрисдикцией государства – члена Совета Европы¹.

Названное право включает в себя три составляющие:

- запрет пыток;
- запрет на бесчеловечное или унижающее достоинство обращение;
- запрет на бесчеловечное или унижающее достоинство наказание.

Конвенция не определяет и не характеризует ни одну из заявленных категорий. Для того чтобы установить истинный смысл конвенции в отношении их, необходимо обратиться к практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), так как именно он в данном случае выступает в роли толкователя права.

Мы остановимся лишь на уяснении смысла категории «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение», так как именно это право, по мнению суда, преимущественно нарушается представителями государственных органов в Российской Федерации. В связи с тем что основные нарушения

имеют место в учреждениях, исполняющих наказания, толкование категории логично будет осуществить на примере решений, постановлений ЕСПЧ в отношении лиц, находящихся в местах лишения свободы.

Одной из трудностей, связанных с толкованием категории «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение», является то, что не существует абстрактных стандартов, которыми можно было бы измерить конкретное обращение, а представления общества в этой сфере со временем меняются. Каждый случай следует рассматривать исходя из конкретных фактов и обстоятельств². Однако анализ практики Европейского суда по правам человека в отношении нарушений ст. 3 конвенции позволил сформулировать ряд общих положений по вопросу формирования его правовой позиции относительно содержания категории «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение».

Первое положение касается формирования содержательной характеристики категории «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение».

По мнению суда, унижающее достоинство обращение – это ненадлежащее обращение, достигающее минимального уровня жестокости. Обращение может быть расценено как унижающее достоинство в случаях, когда вызывает у жертвы чувство страха, мучений или неполноценности, способное унижить ее достоинство и, возможно, сломать ее физическое и психологическое сопротивление³.

Оценка указанного минимального уровня жестокости относительна и проводится с учетом ряда факторов. При этом в ходе определения ненадлежащего обращения суд учитывает кумулятивный эффект всех факторов⁴. Суд обращает внимание на то, преследовало ли такое обращение цель унижить или оскорбить данное лицо, а также на то, оказали ли его последствия негативное воздействие на личность потерпевшего, несовместимое со ст. 3 конвенции.

Все факторы, о которых идет речь, можно условно подразделить на две группы: основные и дополнительные. К числу основных ЕСПЧ относит:

1. Физическое насилие, которое является самым первым признаком и главным критерием определения ненадлежащего обращения, достигающего минимального уровня жестокости. Однако лишь в единичных случаях фиксируется причинение физической боли заявителю по смыслу ст. 3 конвенции. Так, в деле «Шувалов про-

тив России» суд признал, что заявитель был подвергнут жестокому обращению со стороны государственных служащих, и потребовал от государства убедительного объяснения причин возникновения телесных повреждений, в частности многочисленных гематом на мягких тканях ягодиц заявителя⁵. Объяснение государственных органов о самостоятельном причинении заявителем себе указанных травм без подтверждения судебно-медицинскими свидетельствами было признано необеспечительным и неправдоподобным – суд посчитал, что травмы явились результатом жестокого обращения, согласно ст. 3 конвенции.

2. Материально-бытовые условия содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных (переполненность камер, отсутствие индивидуального спального места, неудовлетворительные санитарные условия). Ключевым фактором в этом перечне выступает жилое пространство, отведенное заявителю в местах лишения свободы. Крайняя нехватка места в камерах имеет существенное значение как аспект, который необходимо учитывать при установлении того, были ли оспариваемые условия заключения «унижающими достоинство» с точки зрения ст. 3 конвенции (см. постановление ЕСПЧ по делу «Каралевичус против Литвы» от 07.04.2005 г., жалоба № 53254/99). В результате рассмотрения дел, заявители в которых имели в своем распоряжении менее 3 кв. м личного пространства, ЕСПЧ сделал вывод, что переополненность камер была настолько существенной, что сама по себе давала повод к установлению нарушения ст. 3 конвенции (см. среди многих других постановление по делу «Линд против России» от 06.12.2007 г., жалоба № 25664/05, § 59; «Кантырев против России» от 21.06.2007 г., жалоба № 37213/02, § 50–51; «Андрей Фролов против России» от 29.03.2007 г., жалоба № 205/02, § 47–49 и др.).

3. Медицинское обслуживание. ЕСПЧ обнаруживает достаточную степень гибкости при определении обязательного стандарта медицинского обслуживания, решая этот вопрос в каждом случае индивидуально. По мнению суда, ст. 3 конвенции не может интерпретироваться как гарантирующая каждому лицу, содержащемуся под стражей, медицинское обслуживание на том же уровне, что и в лучших клиниках, предназначенных для гражданского населения. ЕСПЧ «готов признаться ограниченность ресурсов медицинских учреждений в рамках пенитенциарной системы по сравнению с

ресурсами клиник, предназначенных для гражданского населения» (см. постановление по делу «Гришин против России» от 15.11.2007 г., жалоба № 30983/02, § 76).

Однако отсутствие адекватного (в терминологии приказа Министерства здравоохранения и социального развития и Министерства юстиции от 17.10.2005 г. «О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу») медицинского лечения, которое обязано обеспечить государство, по мнению суда, представляет собой серьезный риск для здоровья человека и вызывает унижающие человеческое достоинство существенные психические страдания, которые приравниваются к обращению, унижающему достоинство в смысле ст. 3 конвенции (см. среди других постановление по делу «Кожокар против России» от 16.12.2010 г., жалоба № 33099/08, § 115; постановление по делу Хумматова, § 108).

«Адекватность» медицинской помощи остается наиболее трудным для определения моментом. Комитет против пыток провозгласил принцип равноценности медицинского обслуживания в местах отбывания наказания и в обществе. Суд настаивает на том, что, в частности, власти должны обеспечить своевременность и тщательность диагностики и ухода, определяющегося самой природой заболевания, регулярность и систематичность наблюдения, наличие комплексной терапевтической стратегии, направленной на устранение проблем заключенного со здоровьем или на предупреждение усугубления симптомов заболевания (см. постановление по делу «Гумматов против Азербайджана» от 29.11.2007 г., жалобы № 9852/03 и 13413/04, § 115). Медицинская помощь должна быть оказана квалифицированными сотрудниками, которые могут эффективно оценить состояние здоровья и назначить адекватное лечение заболевания (см. постановление по делу «Кожокар против России» от 16.12.2010 г., жалоба № 33099/08, § 114).

Таким образом, адекватность медицинской помощи оценивается судом с точки зрения таких критериев, как своевременность, комплексность, эффективность, регулярность, систематичность, тщательность.

4. Обеспечение режима и безопасности (лишение пищи, регулярные обыски, телесные повреждения, изоляция ВИЧ-инфицированных, отсутствие ежедневных

прогулок на открытом воздухе, отсутствие контакта с окружающим миром и др.). ЕСПЧ считает, что неприемлемо подвергать заключенного наказанию в виде лишения пищи, объявив его злостным нарушителем внутреннего распорядка (см. постановление по делу «Микадзе против России» от 07.06.2007 г., жалоба № 52697/99, § 126).

ЕСПЧ, определяя минимальный уровень жестокости обращения, рассматривает данные факторы с учетом:

- длительности обращения, унижающего достоинство;
- физических и психических последствий унижающего достоинство обращения (см. постановление по делу «Прети против Соединенного Королевства», жалоба № 2346/02, § 52, ЕСПЧ 2002-Ш).

В качестве дополнительных факторов при выявлении бесчеловечного и унижающего достоинство обращения ЕСПЧ рассматривает пол, возраст, состояние здоровья потерпевшего.

Анализ всех названных моментов, по мнению суда, должен свидетельствовать о том, что перенесенное страдание или унижение в любом случае выходит за пределы соответствующего неизбежного элемента, связанного с содержанием в местах лишения свободы (см. постановление по делу «Тайрер против Соединенного Королевства» от 25.04.1978 г., § 30 и др.)

Второе положение связано с формированием критериев оценки обстоятельств дела и представленных доказательств сторонами.

При оценке обстоятельств дела и представленных доказательств ЕСПЧ обычно применяет стандарт доказывания «при отсутствии обоснованных сомнений» (см. постановление по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» от 18.01.1978 г., § 161, Series A № 25). Такое доказывание может строиться на совокупности достаточно надежных четких последовательных предположений или аналогичных неопровергнутых фактических презумпций. Также необходимо принять во внимание, что разбирательство в рамках конвенции не всегда предполагает строгое применение принципа «*affirmanti incumbit probatio*» (бремя доказывания лежит на обвиняющей стороне), поскольку в определенных случаях только государство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть утверждения заявителя. Непредоставление властями такой информации без удовлетворительного объяснения может подтолкнуть к

выводу об обоснованности утверждений со стороны заявителя (см. постановление по делу «Ахмет Озкан и другие против Турции» от 06.04.2004 г., жалоба № 21689, § 426). ЕСПЧ считает, что нет необходимости устанавливать достоверность каждого утверждения, поскольку он может зафиксировать нарушение ст. 3 на основании тех представленных заявителем фактов, которые не были опровергнуты властями (см. постановление по делу «Григорьевских против России» от 09.04.2009 г., жалоба № 22/03, § 55).

Бремя доказывания, по мнению суда, также может быть перенесено с заявителя на государство, если человек был взят под стражу здоровым, а в момент освобождения у него были обнаружены травмы. При таких обстоятельствах государство обязано представить правдоподобное объяснение причин травм, если же оно не может этого сделать, то есть основание говорить о нарушении ст. 3 конвенции.

Европейский суд усматривает недостаточность доказательств со стороны государства-ответчика в следующих случаях:

– отсутствие точной информации о количестве лиц, содержащихся в каждой из камер вместе с заявителем. Предоставление сведений об обеспечении индивидуальными спальными местами на основании справки, выданной начальником исправительного учреждения, и утверждений тюремных служащих без подтверждения оригиналами документов, а также ссылка на понятие «максимум», по мнению суда, не могут быть восприняты как объективное доказательство. Суд полагает, что такая информация может быть представлена в виде копий документов, свидетельствующих о распределении заключенных по камерам, записей в журнале о проектной вместимости камер и количестве кроватей, имевшихся в наличии на актуальную дату;

– представление властями документов (фотографий, справок), подготовленных спустя значительный период времени после рассматриваемых событий (см. постановление по делу «Дорогайкин против России» от 10.02.2011 г., жалоба № 1066/05, § 33; «Новинский против России» от 10.02.2009 г., жалоба № 11982/02, § 105; «Бужинаев против России» от 15.10.2009 г., жалоба № 17679/03, § 30 и др.)⁶.

Третье положение охватывает решение вопроса об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в отношении обращений по ст. 3 конвенции.

Европейский суд по правам человека действует в соответствии с принципом субсидиарности, который согласно ст. 35 конвенции означает:

а) обязательство государства обеспечить каждому доступ к эффективному средству правовой защиты в национальной правовой системе в случае предполагаемого нарушения его прав по конвенции (обязанность предоставить такую защиту лежит преимущественно на национальных судах);

б) обязанность заявителя исчерпать доступные ему внутренние средства правовой защиты перед обращением в ЕСПЧ.

ЕСПЧ убежден, что лицо, находящееся в бесчеловечных и унижающих достоинство условиях, должно иметь возможность обратиться к эффективным и доступным внутригосударственным средствам правовой защиты в целях предотвращения нарушения или получения надлежащей компенсации (см. постановление по делу «Мельник против Украины» от 28.03.2006 г., жалоба № 72286/01, § 70–71).

По поводу исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты суд высказывает мнение о том, что существует распределение бремени доказывания. Власти, заявляющие о неисчерпанности, обязаны убедить суд, что средство правовой защиты было эффективным и доступным в теории и на практике в рассматриваемый период времени, то есть что оно давало реальную возможность получения компенсации в отношении жалобы заявителя и разумные шансы на успешный исход. По мнению суда, власти должны: во-первых, четко назвать национальный орган, уполномоченный рассматривать жалобы на бесчеловечное и унижающее достоинство обращение; во-вторых, дать четкое пояснение на предмет результативности такого обращения; в-третьих, указать правовую норму, на основании которой лицо имеет возможность предъявить требование о возмещении уже причиненного ущерба или возможность предупредить таким требованием будущие страдания; в-четвертых, привести примеры из национальной практики, свидетельствующие о том, что, используя имеющиеся средства, заявитель мог получить возмещение.

Однако, если данное обязательство доказывания было соблюдено, наступает очередь заявителя доказать, что средство правовой защиты, предлагаемое властями, в действительности было использовано, но не оказалось по какой-то причине достаточным и

эффективным применительно к конкретным обстоятельствам дела или что существовали особые обстоятельства, которые освобождают заявителя от бремени доказывания (см. постановление по делу «Акдивар и другие против Турции» от 16.09.1996 г., § 68, Отчеты о постановлениях и решениях, 1996-IV).

Статья 13 конвенции требует обеспечения внутригосударственного средства правовой защиты для того, чтобы рассмотреть «оспариваемую жалобу» по существу и надлежащим образом удовлетворить требования. Спектр обязательств, налагаемых ст. 13, варьируется в зависимости от характера жалобы заявителя на основании конвенции. Тем не менее правовые средства защиты, предусмотренные ст. 13, должны быть эффективными как на практике, так и по закону. Эффективность средства правовой защиты в значении ст. 13 не зависит от непременно благоприятного для заявителя исхода. При этом орган власти необязательно должен относиться к судебной ветви (см. постановление по делу «Кожокарь против России» от 16.12.2010 г., жалоба № 33099/08, § 88, 90).

Существует ряд исключений из правила исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты:

- требование об исчерпании всех внутренних средств правовой защиты является неприменимым, если совершенно очевидно, что существует административная практика постоянных нарушений, несовместимая с положениями конвенции, и государство проявляет терпимость в отношении подобных нарушений, в результате чего разбирательство в национальных судах может стать бесполезным или неэффективным;

- обращение к внутренним средствам защиты в некоторых случаях может повлечь ухудшение положения заявителя, что является возможным, например, когда речь идет о лицах, находящихся под стражей. Кроме того, к числу таких обстоятельств относится полная пассивность национальных властей в случаях, когда должностные лица совершают ошибочные или незаконные действия, например не начинают расследование или не оказывают заявителю какую-либо помощь.

Четвертое положение затрагивает процессуальные обязательства государства в случаях бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.

Во-первых, по мнению суда, если заявитель, находящийся в заключении, представляет доказуемое утверждение, что он под-

вергся жестокому обращению в нарушение ст. 3 конвенции, государство обязано провести эффективное расследование, которое будет считаться таковым, если отвечает следующим критериям:

- своевременность;
- тщательность;
- беспристрастность;
- точность.

Обязательство расследовать – это «не обязательство получить результат, а обязательство принять меры». Оно должно вести к выяснению обстоятельств дела и, если жалоба оказалась обоснованной, установлению и наказанию виновных. Таким образом, расследование заслуживающих внимания сведений о жестоком обращении должно быть тщательным. Это означает, что власти обязаны предпринимать серьезные попытки установить, что произошло, и не должны со ссылкой на поспешные или необоснованные выводы прекращать расследование или принимать какие-либо решения. Следует принимать все разумные доступные меры для обеспечения доказательств относительно инцидента, в том числе учитывать показания очевидцев, заключения судебно-медицинской экспертизы.

Следовательно, под эффективностью расследования ЕСПЧ понимает тщательность его проведения, установление и наказание виновных. К числу необходимых мероприятий, осуществляемых государством, суд относит:

- 1) проведение медицинского осмотра, санкционированного следственными органами;

- 2) осуществление личного допроса заявителя, предоставление возможности уточнения его свидетельских показаний;

- 3) официальное получение объяснений со стороны должностных органов (см. постановление по делу «Евгений Алексеенко против России», жалоба № 41833/04, § 130);

- 4) установление личностей дополнительных свидетелей, которые могут пролить свет на рассматриваемые события, и проведение их опроса;

- 5) проведение при необходимости повторных допросов уже известных свидетелей, чтобы устранить или объяснить расхождения, возникшие в их предыдущих заявлениях.

На случай возникновения негативной ситуации должна существовать и быть доступной процедура обжалования неэффективности расследования.

Таким образом, анализ практики Европейского суда по правам человека позво-

ляет сделать вывод о том, что определение бесчеловечного и унижающего достоинство обращения осуществляется судом посредством применения следующего алгоритма действий:

1) определение минимального уровня жестокости на основании ряда факторов (физическое насилие, материально-бытовые условия содержания, предоставление медицинской помощи, обеспечение режима и безопасности);

2) оценка обстоятельств дела на основании представленных сторонами доказательств;

3) решение вопроса об исчерпании внутригосударственных средств;

4) анализ выполнения процессуальных обязательств государством в случаях бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.

Только при подтверждении наличия всех составляющих суд делает вывод о том, что государственные служащие нарушили ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в части бесчеловечного и унижающего достоинство обращения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящее время членами Совета Европы является 47 государств. Российская Федерация присоединилась к Совету Европы в 1996 г.

² См.: Стандарты Европейского Суда по правам человека и российская правоприменительная практика: Сб. аналит. ст. / Под ред. М.Р. Воскобитовой. М., 2005. С. 120.

³ См.: Там же. С. 136.

⁴ См.: Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Дорогайкин против России» от 10.02.2011 г., жалоба № 1066/05, § 33.

⁵ Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Шувалов против России» от 18.10.2011 г., жалоба № 38047/04, § 44.

⁶ Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Дорогайкин против России» от 10.02.2011 г., жалоба № 1066/05, § 37–39.

¹ V nastojavee vremena clenami Soveta Evropy javljaetsja 47 gosudarstv. Rossijskaja Federacija prisoedinilas' k Sovetu Evropy v 1996 g.

² Sm.: Standarty Evropejskogo Suda po pravam cheloveka i rossijskaja pravoprinenitel'naja praktika: Sb. analit. st. / Pod red. M.R. Voskobitovoj. M., 2005. S. 120.

³ Sm.: Tam zhe. S. 136.

⁴ Sm.: Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka po delu «Dorogajkin protiv Rossii» ot 10.02.2011 g., zhaloba № 1066/05, § 33.

⁵ Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka po delu «Shuvalov protiv Rossii» ot 18.10.2011 g., zhaloba № 38047/04, § 44.

⁶ Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka po delu «Dorogajkin protiv Rossii» ot 10.02.2011 g., zhaloba № 1066/05, § 37–39.

Функционирование тюрем в Российском государстве и Великом княжестве Литовском в XV–XVII вв.: сравнительно-правовое исследование

Н.И. НАРЫШКИНА – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье сравниваются правовые и организационные аспекты деятельности тюрем в Русском централизованном государстве и Великом княжестве Литовском в XV–XVII вв., выделяются сходные и отличительные черты института тюремного заключения в указанных государствах.

Ключевые слова: тюрьма; тюремное заключение; заключенный; наказание; предварительная мера.

The functioning of prisons in Russia and the Grand Duchy of Lithuania in the XV-XVII centuries : comparative legal study

N.I. NARYSHKINA – senior lecturer of department of penal law Vladimir Institute of Law of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of law sciences

In the article the author compares the legal and organizational aspects of the activities of prisons in the Russian centralized state and the Grand Duchy of Lithuania in the XV-XVII centuries, allocates similar and distinctive features of the Institute of imprisonment in these countries.

Key words: the prison; imprisonment; the prisoner; punishment; preliminary measure.

В Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ) отношения, связанные с назначением тюремного заключения, регулировались Судебником Казимира IV Ягеллона («Лист») от 29 февраля 1468 г.¹, а затем основным правовым документом, содержащим нормы о назначении, исполнении и отбывании тюремного заключения, стал Литовский Статут. Известны три редакции данного документа: Старый Литовский Статут 1529 г. (далее – первый статут)², Волынский Статут 1566 г. (далее – второй статут)³ и Новый Литовский Статут 1588 г. (далее – третий статут)⁴.

В Русском централизованном государстве в рассматриваемый период правовое регулирование деятельности тюрем осуществлялось в соответствии с Судебником 1550 г.⁵, Судебником 1589 г.⁶, Уставной книгой Разбойного приказа в редакции 1617 г.⁷, Соборным уложением 1649 г.⁸, а также различными грамотами, указами и наказами.

Сравнительная характеристика правовых документов государств в области назначения, исполнения и отбывания тюремного за-

ключения позволяет выделить их сходные и отличительные черты.

В ВКЛ первые упоминания о возможности тюремного заключения встречаются в Судебнике 1468 г., а в России первым документом, имевшим общегосударственное значение и содержащим нормы о тюремном заключении, был Судебник 1550 г. То есть практически сто лет разделяют появление института лишения свободы и содержания под стражей в весьма близких в территориальном, культурном, экономическом, духовном отношениях государствах. На момент закрепления тюремного заключения в Судебнике 1550 г. в ВКЛ уже действовал не Судебник 1468 г., а первый статут, также содержащий нормы о возможности помещения человека в тюрьму.

В правовых документах ВКЛ (Судебник 1468 г., первый статут) тюрьма и тюремное заключение изначально обозначались чисто национальными терминами: «казнь», «везене», «нятство», «ланцуг». Во втором статуте уже появляются обозначения тюрьмы, характеризующие ее как здание: «вежа», «замок», «двор» и собственно «турма».

Применительно к обозначению места заключения в третьем статуте постоянно употребляются термины «замок» или «вежа», что переводится как «башня». Здесь мы усматриваем влияние на третий статут норм немецкого права, так как, по одной из версий, белорусский термин «турма», равно как и русское слово «тюрма», произошел от немецкого слова «thurm», «turm», что означает «башня», так как тюрьмы часто устраивались в стенах и подвалах замковых башен. Возможно влияние норм польского права, где слово «тюрма» звучало как «turma». Тюремное заключение обозначалось словом «везень», заключенный – «везень», посадить в тюрьму – «посадити», «седети», «посажон».

В Судебнике 1550 г. тюрьма изначально определяется как «тюрма», и поскольку в ВКЛ в указанное время (1550 г.) действовал первый статут, который термин «турма» не использовал, то можно сделать вывод, что русское слово «тюрма», хотя и родственное в этимологическом плане старобелорусскому «турма», пришло в Судебник 1550 г. не из правовых источников ВКЛ. Посадить в тюрьму обозначалось как «кинути», «вкинути», «всадити», что по сравнению с обозначениями, употреблявшимися в правовых документах ВКЛ, выглядит более грубой формулировкой. В Соборном уложении 1649 г. уже появляются термины «послати», «посадити», «сажати в тюрьму», «держати в тюрьме».

Упоминание о тюремном заключении в правовых документах ВКЛ встречается раньше, чем в России, но в первом статуте только в 5 артикулах из 246 говорится о помещении преступника в тюрьму (2%), а в Судебнике 1550 г. уже в 22 статьях из 100 упоминается о тюремном заключении (22%), то есть данный институт сразу занял в России более значительную нишу.

В России, как и в ВКЛ, тюрьма выполняла функции места лишения свободы, заключения под стражу, долговой ямы. Кроме того, в связи с появлением в Русском централизованном государстве такого наказания, как ссылка, тюрьмы выполняли также роль транзитно-пересыльных пунктов.

Тюрьмы как в ВКЛ, так и в Русском централизованном государстве реализовывали схожие цели: изоляции преступника от общества; общей и частной превенции, направленной на недопущение совершения преступлений как заключенными, так и иными лицами; материальной компенсации причиненного ущерба. Кроме того, исходя из анализа артикулов третьего статута можно выделить идею не только материального,

но и морального удовлетворения потерпевших, которые сами могли контролировать условия содержания заключенных. В России подобной практики не было.

В первом статуте тюремное заключение фигурирует как основной вид наказания и мера предварительная, и только во втором статуте помещение преступника в тюрьму возможно в качестве дополнительного наказания. А в России уже в Судебнике 1550 г. тюремное заключение назначается в качестве основного и дополнительного видов наказания. Как основному наказанию и в России и в ВКЛ тюремному заключению сопутствовали публичное церковное покаяние и обязанность по возмещению причиненного ущерба, а также ссылка (в России). Как дополнительное наказание тюремное заключение назначалось к системе композиций (в ВКЛ), к штрафам и телесным болезненным и членовредительным наказаниям (в Русском централизованном государстве).

Сроки тюремного заключения как наказания в подавляющем большинстве случаев четко оговаривались во всех трех статутах, были незначительными и варьировались в пределах от 3 дней до 1 года и 6 недель. В судебниках 1550, 1589 гг. отмечаем неопределенность сроков тюремного заключения: «вкинути в тюрьму», «вкинути в тюрьму до царева государеву указу», и только в Соборном уложении 1649 г. можно выделить принцип сочетания определенных и неопределенных сроков тюремного заключения («послати в тюрьму, насколько государь укажет»). Тюремное заключение могло назначаться на срок от 3 дней до 4 лет. Меньшее по продолжительности заключение (1–2 дня) было возможно в соответствии с грамотами и именными указами воеводам и окольным. То есть нижняя граница срока тюремного заключения совпадала в обоих государствах, а верхняя граница в Русском централизованном государстве была гораздо выше.

В Судебнике 1550 г. 2 статьи упоминают о пожизненном лишении свободы («вкинути в тюрьму до смерти»), в Судебнике 1589 г. – 1 статья, в Уставной книге разбойного приказа от 1617 г. – 5 статей, а в Соборном уложении нет норм, предусматривающих пожизненное заключение. Здесь можно усмотреть влияние артикулов третьего статута, ведь во всех трех статутах отсутствовала возможность пожизненного лишения свободы.

Тюремное заключение в обоих государствах применялось также в качестве меры предварительной. В соответствии с судебниками 1550, 1589 гг. это было возможно

при отсутствии поручителя; до нахождения поручителя и уплаты «истцова иска»; до исполнения основного наказания («казнить торговой казнью, вкинути в тюрьму, а в казни что государь укажет»). Кроме того, в тюрьме, очевидно, содержались пойманные тати и разбойники.

Позднее в Соборном уложении добавились следующие случаи предварительного заключения: до выяснения факта отбытия наказания в виде тюремного заключения; до определения вида наказания в зависимости от количества совершенных преступлений; до исполнения смертной казни в целях покаяния, поимки сообщников, рождения ребенка (ст. 19, 21, 34 гл. XXI).

Последняя позиция заслуживает отдельного внимания: «а которая жонка приговорена будет к смертной казни, а втепоры она будет беременна, и тоя жонки, покаместа она родит, смертию не казнити, а казнити ея втепоры, как она родит, а до тех мест держати ея в тюрьме...» (ст. 15 гл. XXII). Точно такой же случай указывается в третьем статуте (арт. 34 разд. XI), то есть отмечается прямое заимствование правовых норм русскими законодателями.

Также в ВКЛ предварительное заключение под стражу до суда применялось к лицам, обвиняемым в измене (арт. 4 разд. I). Та же позиция нашла отражение в Соборном уложении (ст. 6 гл. VI).

Сроки предварительного заключения под стражу не указывались в нормах судебныхников 1550, 1589 гг., трех статутов, но в Соборном уложении, а также в грамотах, наказах и указах они частично были оговорены.

На территории ВКЛ, отошедшей к Московскому государству по итогам Русско-польской и Северной войн (1654–1667 гг.), – Смоленской области – вопросы назначения и исполнения уголовных наказаний, по-видимому, стали регулироваться не третьим статутом, а Соборным уложением, но с некоторыми послаблениями.

В частности, согласно Соборному уложению в Московском государстве корчемство было запрещено под угрозой тюремного заключения, а в Смоленской области подобное сначала также не допускалось, но позднее с разрешения Алексея Михайловича допускались изготовление и продажа спиртных напитков, но с уплатой определенной пошлины⁹.

Отличительной особенностью второго и третьего статутов было установление территориального принципа отбывания лишения свободы в зависимости от места совершения преступления, места осуждения,

оседлости виновного, усмотрения господаря, закона (который говорил о необходимости заключения в конкретной тюрьме). В Московском государстве ничего подобного не было: по усмотрению царя могло определяться только место ссылки («и его сослать в Украинные же города, где государь укажет»), которая часто следовала за тюремным заключением и сама могла быть связана с заточением ссыльного в тюрьму.

Что касается норм организационного, уголовно-исполнительного характера, то в правовых источниках ВКЛ они появились гораздо раньше, чем в Русском централизованном государстве.

Еще первый статут устанавливал, что должностные лица, которые незаконно отпускали заключенного, обязаны были его разыскать в установленный срок под угрозой штрафа. Второй статут развивает положения первого и дополнительно возлагает на воевод обязанность по контролю за устройством и состоянием тюрем. Охрану и надзор за поведением заключенных осуществляют «сторожа». В России в это время уже действовал Судебник 1550 г., но он не содержал норм организационного характера. Судебник 1589 г. также не включал подобных положений, хотя в ВКЛ уже год действовал третий статут, который уделял большое внимание вопросам исполнения и отбывания тюремного заключения. Устанавливалась ответственность должностных лиц за побег заключенного, создание ему более льготных условий, чем предписывалось, незаконное заточение невиновных лиц. Кроме того, прописывались обязанности по содержанию в изоляции буйно помешанных, взятию тюремной платы от заключенных или от истцов, потерпевших («жалобной стороны»).

В России впервые нормы организационного характера появились в Уставной книге Разбойного приказа в редакции 1617 г., а также в дополнявших ее губных грамотах, наказах и указах. Они позволяли судить о должностных лицах, которые осуществляли контроль за деятельностью тюрем как на общегосударственном уровне, так и на местах, непосредственно заведовали тюрьмами, несли их охрану и осуществляли надзор за заключенными. Кроме того, определялся порядок их назначения на должность, сроки их полномочий, требования, которым они должны были соответствовать, некоторые функциональные обязанности. В частности, устанавливалась ответственность тюремной администрации за побег заключенного. Соборное уложение развило указанные по-

ложения и дополнило их некоторыми функциональными обязанностями должностных лиц, усилило меру ответственности за их невыполнение. В отечественных правовых документах более конкретно указывались должностные лица, осуществлявшие контроль за тюрьмами и непосредственное руководство ими, с подробным освещением порядка их назначения, требований, которым они должны были соответствовать, функциональных обязанностей, а в ВКЛ правовое освещение этих вопросов было достаточно туманным.

Правовое положение заключенных было более определенным в нормах третьего статута, чем в Соборном уложении. Схожесть проявлялась в закреплении права на защиту от незаконных действий тюремной администрации. Далее третий статут закреплял прогрессивные права заключенных на помилование государем, компенсацию причиненного ущерба, получение питания, подачу апелляции. В Московском государстве правовое положение заклю-

ченных регламентировалось в основном царскими указами, различными наказами и грамотами и предусматривало гораздо больший объем обязанностей, выраженных в обязывающих и запрещающих нормах, чем прав. Например, схожей обязанностью в обоих государствах было привлечение заключенных к труду, хотя в России эта практика еще не достигла такого размаха, как в XVIII в.

Отличительной особенностью ВКЛ было то, что в его городах действовало наряду со статутами магдебургское право, предусматривавшее возможность тюремного заключения. В России XVI–XVII вв. городское право отсутствовало, все нормативные правовые акты принимались в столице и распространяли свое действие на всю территорию государства.

Таким образом, нами выделены сходные и отличительные черты функционирования тюрем в Русском централизованном государстве и Великом княжестве Литовском в XV–XVII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Киев, 1887. Вып. 2. С. 35–45.

² См.: Вялікае княства Літоўскае: Энцыкл. Мінск, 2010. Т. 3: Дадатак. А–Я. С. 436–467.

³ См.: Там же. С. 481–539.

⁴ См.: Там же. С. 554–689.

⁵ См.: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1985. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 97–120.

⁶ См.: Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. / По списку собрания Ф.Ф. Мазурина. М., 1900. С. 1–56.

⁷ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Ярославль, 1875. Вып. 3. С. 47–80.

⁸ См.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 3: Акты Земских соборов. Соборное уложение. С. 83–257.

⁹ См.: Богословский М. Приказы Великого княжества Литовского и княжества Смоленского в Московском государстве // Журнал министерства народного просвещения. Ч. IV. СПб., 1906. № 8. С. 238.

¹ См.: Vladimirskij-Budanov M.F. Hrestomatija po istorii russkogo prava. Kiev, 1887. Vyp. 2. S. 35–45.

² См.: Vjalikae knjastva Litoŭskae: Jencykl. Minsk, 2010. T. 3: Dadatak. A–Ja. S. 436–467.

³ См.: Tam zhe. S. 481–539.

⁴ См.: Tam zhe. S. 554–689.

⁵ См.: Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: V 9 t. M., 1985. T. 2: Zakonodatel'stvo perioda obrazovanija i ukreplenija Russkogo centralizovannogo gosudarstva. S. 97–120.

⁶ См.: Sudebnik carja Fedora Ioannovicha 1589 g. / Po spisku sobranija F.F. Mazurina. M., 1900. S. 1–56.

⁷ См.: Vladimirskij-Budanov M.F. Hrestomatija po istorii russkogo prava. Jaroslavl', 1875. Vyp. 3. S. 47–80.

⁸ См.: Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. M., 1985. T. 3: Akty Zemskih soborov. Sobornoe ulozhenie. S. 83–257.

⁹ См.: Bogoslovskij M. Prikazy Velikogo knjazhestva Litovskogo i knjazhestva Smolenskogo v Moskovskom gosudarstve // Zhurnal ministerstva narodnogo prosvewenija. Ch. IV. SPb., 1906. № 8. S. 238.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

К вопросу о понятии механизма административно-правового регулирования и его реализации в сфере государственной правоохранительной службы

Р.В. НАГОРНЫХ – директор филиала Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в г. Вологде, кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена рассмотрению теоретических проблем механизма административно-правового регулирования в современных условиях и его реализации в сфере государственной правоохранительной службы.

Автором отстаивается мнение о том, что содержание административных правоотношений в сфере государственной правоохранительной службы, определяемое компетенцией правоохранительных органов в сфере обеспечения прав и законных интересов личности, общества и государства, обуславливает наличие специального административно-правового механизма их формирования и реализации.

Ключевые слова: механизм административно-правового регулирования; административно-правовые нормы; административно-правовые отношения; государственная служба; правоохранительная деятельность.

To a question of concept of the mechanism of administrative and legal regulation and its realization in the sphere of the public law-enforcement service

R.V. NAGORNYKH – director of the branch of the Moscow State Law Academy named after Kutafin O.E. in the Vologda town, candidate of law science, docent

Article is devoted to consideration of theoretical problems of the mechanism of administrative and legal regulation in modern conditions and its realization in the sphere of the public law-enforcement service.

The author the position that the content of administrative legal relationship in the sphere of the public law-enforcement service, defined by competence of law enforcement agencies of the sphere of ensuring the rights and legitimate interests of the personality, society and the state, causes existence of a special administrative legal mechanism of their formation and realization settles.

Key words: mechanism of administrative and legal regulation; administrative rules of law; administrative legal relations; public service; law-enforcement activity.

В научной литературе исследованию проблем административно-правового регулирования уделяется достаточно большое внимание. Начиная с 60-х гг. прошлого века активно разрабатывались общетеоретические и при-

кладные аспекты данного правового явления, что послужило фундаментальной основой для научного осмысления основных элементов механизма правового регулирования общественных отношений в государ-

ственном управлении¹. В этот период было фактически осуществлено концептуальное обоснование теоретико-методологических основ административно-правового механизма регулирования общественных отношений. По мнению И.И. Веремеенко, разработанная в этот период концепция советского административного права, рассматривающая его как право, регулирующее управленческие отношения, «стала господствующей и сохранилась без серьезных изменений и в настоящее время»².

В качестве основных структурных элементов административно-правового механизма регулирования общественных отношений в теории административного права рассматриваются административно-правовые нормы, регулирующие общественные отношения в сфере государственного и связанного с ним негосударственного управления, административно-правовые отношения, а также правоприменительная деятельность³. При этом в современной юриспруденции существует несколько принципиально отличных друг от друга подходов относительно содержания предметного и элементного состава данного механизма.

Наиболее широко распространен взгляд на механизм административно-правового регулирования как совокупность административно-правовых средств, путем применения которых обеспечивается регулирование общественных отношений в сфере государственного, а в ряде случаев и негосударственного управления⁴. Предметом административно-правового регулирования и, соответственно, действия административно-правового механизма выступают специфические управленческие общественные отношения. Следует отметить, что проблема определения предмета административно-правового регулирования, то есть сферы действия административно-правового механизма, не разрешена и до настоящего времени. Историческая ретроспектива взглядов на предмет советского административного права, приведенная И.И. Веремеенко, позволяет выделить ряд его основных характеристик⁵.

Во-первых, административно-правовое регулирование рассматривалось как неотъемлемая часть более широкого по своему содержанию государственного управления, а нередко отождествлялось с ним. Отсюда следовало и расширительное толкование предмета административного права как общественных отношений, складывающихся в процессе исполнительной и распорядительной деятельности всех государственных ор-

ганов, а не только органов государственного управления.

Во-вторых, предмет административно-правового регулирования в ряде случаев рассматривался через характеристику его применения в отдельных сферах, например в области административно-политической деятельности, отраслях народного хозяйства, социально-культурного строительства и т.д. Подобный взгляд на административно-правовой механизм прослеживается и в ряде современных научных исследований⁶.

В-третьих, административно-правовое регулирование обеспечивало интересы в большей степени органов государственного управления. При этом реализации прав граждан во взаимоотношениях с органами государства внимание уделялось по остаточному принципу либо фрагментарно. В этой связи, по мнению И.И. Веремеенко, показательным является то, что рассмотрение общественных отношений между различными органами государственного управления и гражданами в структуре административно-правового регулирования занимало, по сути, последнее место⁷.

Современные взгляды на предмет рассматриваемого нами механизма определяются доминирующими в теории административного права подходами в отношении предмета административно-правового регулирования, в которых отчетливо просматривается управленческая парадигма. Так, например, Л.Л. Попов относит к предмету административного права, во-первых, общественные отношения, возникающие в процессе реализации исполнительной власти, осуществления государственного управления на всех его иерархических уровнях; во-вторых, внутриорганизационные отношения всех государственных органов; в-третьих, деятельность суда по рассмотрению дел об административных правонарушениях; в-четвертых, общественные отношения, возникающие в деятельности общественных объединений, которым государство передало некоторые свои государственно-властные полномочия; в-пятых, общественные отношения, возникающие в процессе деятельности исполнительных органов местного самоуправления⁸.

Ю.Н. Стариков определяет предмет административного права как «общественные отношения управленческого характера, складывающиеся в сфере организации и функционирования исполнительной власти, государственного управления и местного

самоуправления, а также в процессе внутриорганизационной и административно-юрисдикционной деятельности иных государственных органов»⁹.

Ю.А. Тихомиров относит к предмету административного права общественные отношения в сфере «организации управления и функционирования государственного управления, регулирования функционально-юридических режимов, обеспечения юрисдикционно-охранительной деятельности и участия граждан»¹⁰.

Д.Н. Бахрах подразделяет общественные отношения, образующие предмет административно-правового регулирования, на две части:

- внутриаппаратные, закрепляющие систему органов исполнительной власти, организацию службы, компетенцию органов и служащих, их взаимоотношения, формы и методы внутриаппаратной работы в государственных и муниципальных органах;

- взаимоотношения административной власти с гражданами, государственными и негосударственными организациями¹¹.

Вместе с тем в специальных исследованиях, посвященных проблематике определения механизма взаимоотношений граждан и исполнительной власти, обращается внимание на необходимость пересмотра определения предмета административно-правового регулирования в части «обеспечения цивилизованного уровня взаимоотношений между отдельной личностью и государством, его органами, учреждениями и должностными лицами»¹². При этом, по мнению И.Ш. Килясханова, «акцент административно-правового регулирования взаимоотношений делается сегодня на установление именно такого административно-правового регулирования, при котором с максимальной эффективностью были бы удовлетворены права и интересы отдельной личности»¹³.

Сходную позицию применительно к рассмотрению проблем сдерживания административной деликтности в механизме административной политики государства занимает и А.П. Шергин, который отмечает, что «новая демократическая модель отношений государства и населения значительно ограничивает государство в выборе средств противодействия административной деликтности. Поэтому система данных средств должна отражать баланс потребностей эффективной защиты общественных отношений и обеспечения конституционных прав в рамках административно-юрисдикционного процесса»¹⁴. При этом А.П. Шергин

подчеркивает, что «административная политика в современной России должна соответствовать концепции демократического государства. В общем плане административная политика – это основные направления деятельности государства в сфере отношений исполнительной власти и гражданина»¹⁵.

В свою очередь В.А. Юсупов отмечает, что «существенной особенностью современного механизма административно-правового регулирования общественных отношений является то, что этот механизм изменил свои целевые установки. На первый план выдвигаются не интересы государства, а права и свободы гражданина и человека. Это проявляется во всех сферах жизни общества»¹⁶.

В этой связи нельзя не обратить внимание и на замечание Д. Галлигана, В.В. Полянского, Ю.Н. Старилова о том, что «всякое понимание административного права в современных политико-правовых теориях не может не учитывать того обстоятельства, что государство в целом, его институты, в том числе административные, не имеют никакой другой глобальной цели, кроме служения интересам каждого отдельного индивида и общества в целом, защиты прав гражданина и человека»¹⁷.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время подход к оценке роли отдельной личности во взаимоотношениях с государственными органами кардинальным образом изменился, и это, безусловно, нашло отражение и в изменении предмета административного права и механизма административно-правового регулирования в отдельных отраслях государственного управления.

Таким образом, в постсоветский период в научном сообществе взгляды на содержание предмета административного права существенно изменились, что было обусловлено переходом к системе разделения ветвей власти, а также отказом от господствовавшей долгие годы в нашей стране доктрины государственного управления как «составной части механизма государственной власти»¹⁸.

В настоящее время предмет административного права значительно сужен и сведен к правовому регулированию деятельности исполнительной власти, ее взаимоотношений с гражданами, сопутствующих этому общественных отношений. В современных научных разработках особую актуальность получили вопросы содержания механизма административно-правового регулирова-

ния, влияния качества административного законодательства на эффективность его применения, специфики методологических средств познания норм административного права, уточнения научных представлений о нормах административного права и формах их применения, характеристики основных стадий процесса применения норм административного права, разработки критериев классификации субъектов применения норм административного права, развития теории административно-правовых режимов, их отраслевых разновидностей, института государственной службы и ряда других¹⁹.

Вместе с тем очевидна важность и того, что в современной доктрине государственного управления именно административно-правовым нормам отводится основополагающая роль как своеобразному базису, на котором выстраиваются все организационные (управленческие) отношения и осуществляется нормативное регулирование ими. В связи с этим одной из важнейших научных проблем современного периода остается определение сущности правовых и управленческих отношений, от разрешения которой зависит определение сферы административно-правового регулирования в государственном управлении.

Рассматривая природу правовых и управленческих отношений, многие исследователи приходят к выводу об их тесной зависимости. Так, например, А.А. Шматов полагает, что «право можно рассматривать не только как наиболее эффективный инструмент социального управления, но и как его основу. В этом смысле правовые и управленческие отношения находятся в причинно-функциональной связи»²⁰. Как отмечает Р.А. Кардашов, механизм управления формируется из того, что органы внутренних дел функционируют в правовом поле, руководствуются нормами права и реализуют их при решении возложенных на них задач²¹. При этом принципиально верной, по нашему мнению, является точка зрения В.В. Кардашевского, который полагает, что «отличительная черта правового регулирования управленческих отношений заключается в том, что оно имеет свой специфический механизм, который в административном праве принято называть механизмом административно-правового регулирования»²².

Между административно-правовым механизмом регулирования общественных отношений и организацией управления существует тесная взаимосвязь, на кото-

рую обращают внимание многие авторы. Например, А.П. Алехин рассматривает административно-правовую организацию управления в качестве «сердцевинного аспекта организации исполнительной власти, обеспеченной нормами административного права»²³. При этом А.П. Алехин, по сути, отождествляет понятие «административно-правовая организация управления» с понятием «организация государственного управления». По его мнению, и в том и в другом случае речь идет «о закреплённой нормами административного права системе субъектов, призванных осуществлять управление, их статусе, включая взаимоотношения этих субъектов внутри и вне этой системы»²⁴.

Во многом сходную позицию при рассмотрении закономерностей государственного управления занимает Ю.А. Тихомиров. Подвергая глубокому анализу современное состояние государственного управления, он использует понятие «механизм административно-правового управления»²⁵. По его мнению, административное право в этом механизме выполняет четыре главные функции: организацию видоизменённого государственного управления, административно-правовое регулирование, легализацию статусов субъектов и их действия, административный контроль и надзор²⁶.

Справедливым, по нашему мнению, является и вывод П.В. Дихтиевского о том, что «традиционно к основным элементам административно-правового механизма обычно относят нормы административного права, административные правоотношения, акты реализации субъективных прав и обязанностей и акты применения административного права, к вспомогательным – все остальные административно-правовые средства (нормативные административно-правовые акты, акты толкования норм административного права, правосознание, юридическую технику и др.)»²⁷.

В целом следует подчеркнуть, что в современном административном праве организационно-правовая (управленческая) природа административно-правового механизма регулирования общественных отношений не подвергается никаким сомнениям. При этом, как отмечает А.П. Корнев, административно-правовой механизм следует рассматривать именно как «систему административно-правовых средств, которые, воздействуя на общественные отношения, организуют их в соответствии с задачами управления»²⁸.

При рассмотрении механизма административно-правового регулирования ключевым является понятие «организация», которое в общем плане означает устройство, приведение в систему, структурирование какого-либо явления. Оно используется также для характеристики совокупности мероприятий, осуществляемых в той или иной сфере общественной жизни.

В этой связи приоритетным аспектом в административно-правовом механизме формирования и реализации кадрового обеспечения правоохранительной деятельности является установление четких правовых гарантий взаимоотношений гражданина и правоохранительного органа при возникновении государственно-служебных правоотношений, регламентирование всех видов административных процедур, связанных с отбором и высвобождением кадров, прохождением службы, аттестацией и применением мер дисциплинарного воздействия, воспитанием и обучением кадров, их социальной защищенностью и т.д.

Для того чтобы организовать работу с кадрами правоохранительных органов, обеспечить ее всем необходимым, поддерживать на должном уровне, государство вынуждено постоянно и планомерно осуществлять социально-политические, экономические, научно-технические, правовые и собственно организационные мероприятия. Совокупность этих мероприятий, осуществляемых во взаимосвязи, и представляет собой процесс административно-правового регулирования государственной службы и ее отраслевых разновидностей, в том числе государственной правоохранительной службы. При этом именно административно-правовой компонент в сфере регулирования государственной правоохранительной службы позволяет обеспечить проведение мероприятий по формированию кадрового состава государственных служащих, реализующих полномочия в сфере правоохранительной деятельности государства, и поддержанию его на должном уровне.

Таким образом, административно-правовой механизм регулирования государственной правоохранительной службы, являясь сложным институциональным образованием, охватывает своим действием комплекс однородных групп общественных отношений в области кадрового обеспечения правоохранительной деятельности.

Содержание административных правоотношений в сфере государственной правоохранительной службы, определяемое

компетенцией правоохранительных органов в сфере обеспечения прав и законных интересов личности, общества и государства, обуславливает наличие специального административно-правового механизма их формирования и реализации.

Механизм административно-правового регулирования государственной правоохранительной службы, по нашему мнению, следует рассматривать как совокупность определенных административно-правовых средств. Данные средства регулирования государственной правоохранительной службы представляют собой различные административно-правовые явления, которые задействованы в административно-правовом регулировании и призваны обеспечивать деятельность государственных правоохранительных органов по соблюдению прав и интересов личности, общества и государства, то есть административно-правовые средства регулирования государственной правоохранительной службы – это не любые правовые явления, а только те, которые используются в процессе административно-правового воздействия как инструменты, с помощью которых осуществляется упорядочивание общественных отношений в рассматриваемой области.

Административно-правовые средства, составляющие в своем единстве механизм административно-правового регулирования государственной правоохранительной службы, рассматриваются в качестве элементов этого механизма. Данные элементы можно подразделить на основные и вспомогательные. К основным элементам необходимо отнести нормы административного права, административные правоотношения, акты реализации субъективных прав и обязанностей и акты применения административного права, к вспомогательным – все остальные административно-правовые средства (нормативные административно-правовые акты, акты толкования норм административного права, правосознание, юридическую технику и др.).

Административные правоотношения в сфере государственной правоохранительной службы характеризуются и наличием особого процессуального института нормативного регулирования, регламентирующего административно-процессуальные и административно-процедурные аспекты деятельности субъектов исполнительной власти в сфере государственной правоохранительной службы. К последним следует

отнести административно-процессуальные нормы, определяющие порядок отбора, расстановки, выдвижения, перемещения и высвобождения кадров государственных служащих; нормы, регулирующие деятельность правоохранительных органов. Служебные правоотношения складываются в процессе профессиональной деятельности государственных служащих правоохранительных органов и по своей юридической природе являются публично-правовыми связями сотрудников с государственными

ми правоохранительными органами, посредством которых определяется административно-правовой статус служащих и их место в системе служебной иерархии в государственном аппарате. Кроме того, государственно-служебные правоотношения в правоохранительной сфере складываются по поводу распределения социальных благ и услуг, в связи с предоставлением государственным служащим правоохранительных органов гарантий при прохождении службы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.

² Веремеенко И.И. Концепция предмета советского административного права и необходимость ее коррекции // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 2. С. 67–74.

³ См., напр.: Атаманчук Г.В. Власть и управление в предмете административного права // Административное и информационное право (состояние и перспективы развития). М., 2003. С. 9–16.

⁴ См.: Козлов Ю.М. Основы советского административного права. М., 1979. С. 11–16.

⁵ См.: Веремеенко И.И. Концепция предмета советского административного права и необходимость ее коррекции. С. 67–74.

⁶ См., напр.: Колесников Ю.А. Административно-правовое регулирование страховой деятельности в Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006; Арутюнов Д.Р. Административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности в особых экономических зонах Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Чуясов С.В. Административно-правовая организация совершенствования механизма управления электроэнергетики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2006; Сакулина Л.Л. Механизм административно-правового регулирования реализации права граждан на информацию: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

⁷ См.: Веремеенко И.И. Концепция предмета советского административного права и необходимость ее коррекции. С. 70.

⁸ См.: Попов Л.Л. Размышления об административном праве // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы / Отв. ред. Л.Л. Попов и М.С. Студеникина. М., 2004. С. 14.

⁹ Стариллов Ю.Н. Курс общего административного права: В 3 т. М., 2002. Т. 1: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. С. 307.

¹⁰ Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. М., 1998. С. 79.

¹¹ См.: Бахрах Д.Н. Административное право: Учеб. М., 1993. С. 3.

¹² Дихтиевский П.В. Административно-правовое принуждение в механизме обеспечения личной безопасности: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 127.

¹³ Киялханов И.Ш. Права и свободы граждан в сфере административно-юрисдикционной деятельности милиции. Омск, 1996. С. 6–8.

¹⁴ Шергин А.П. О концепции административной политики // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. М., 2003. С. 14.

¹⁵ Шергин А.П. Административная политика в правовом государстве. Административное право и административный процесс: старые и новые проблемы // Государство и право. 1998. № 8. С. 7.

¹⁶ Юсупов В.А. Административное право и современность // Актуальные проблемы административно- и административно-процессуального права. М., 2003. С. 12.

¹ См., напр.: Alekseev S.S. Mechanizm pravovogo regulirovanija v socialisticheskom gosudarstve. M., 1966.

² Veremeenko I.I. Konceptcija predmeta sovetskogo administrativnogo prava i neobhodimost' ee korrekcii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2008. № 2. S. 67–74.

³ См., напр.: Atamanchuk G.V. Vlast' i upravlenie v predmete administrativnogo prava // Administrativnoe i informacionnoe pravo (sostojanie i perspektivy razvitija). M., 2003. S. 9–16.

⁴ См.: Kozlov Ju.M. Osnovy sovetskogo administrativnogo prava. M., 1979. S. 11–16.

⁵ См.: Veremeenko I.I. Konceptcija predmeta sovetskogo administrativnogo prava i neobhodimost' ee korrekcii. S. 67–74.

⁶ См., напр.: Kolesnikov Ju.A. Administrativno-pravovoe regulirovanie strahovoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2006; Arutjunov D.R. Administrativno-pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj dejatel'nosti v osobyh jekonomicheskix zonah Rossijskoj Federacii: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006; Chujasov S.V. Administrativno-pravovaja organizacija sovershenstvovanija mehanizma upravljenija jelektrojenergetikoj: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Habarovsk, 2006; Sakulina L.L. Mehanizm administrativno-pravovogo regulirovanija realizacii prava grazhdan na informaciju: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006.

⁷ См.: Veremeenko I.I. Konceptcija predmeta sovetskogo administrativnogo prava i neobhodimost' ee korrekcii. S. 70.

⁸ См.: Popov L.L. Razmyshlenija ob administrativnom prave // Administrativnoe pravo i administrativnyj process: aktual'nye problemy / Otв. red. L.L. Popov i M.S. Studenikina. M., 2004. S. 14.

⁹ Starilov Ju.N. Kurs obwego administrativnogo prava: V 3 t. M., 2002. T. 1: Istorija. Nauka. Predmet. Normy. Sub#ekty. S. 307.

¹⁰ Tihomirov Ju.A. Kurs administrativnogo prava i processa. M., 1998. S. 79.

¹¹ См.: Bahrah D.N. Administrativnoe pravo: Ucheb. M., 1993. S. 3.

¹² Dihtievskij P.V. Administrativno-pravovoe prinuzhdenie v mehanizme obespechenija lichnoj bezopasnosti: Dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2004. S. 127.

¹³ Kiljashanov I.Sh. Prava i svobody grazhdan v sfere administrativno-jurisdikcionnoj dejatel'nosti milicii. Omsk, 1996. S. 6–8.

¹⁴ Shergin A.P. O koncepcii administrativnoj politiki // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava. M., 2003. S. 14.

¹⁵ Shergin A.P. Administrativnaja politika v pravovom gosudarstve. Administrativnoe pravo i administrativnyj process: starye i novye problemy // Gosudarstvo i pravo. 1998. № 8. S. 7.

¹⁶ Jusupov V.A. Administrativnoe pravo i sovremennost' // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava. M., 2003. S. 12.

¹⁷ Галлиган Д., Полянский В.В., Стариков Ю.Н. Административное право: история развития и основные современные концепции. М., 2002. С. 48.

¹⁸ Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: Учеб. М., 1997. С. 9.

¹⁹ См. подр.: Труфанов М.Е. Применение норм административного права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 7; Богандов А.Б. Административно-правовое регулирование лицензионных отношений в Российской Федерации: теоретико-правовые основы, современное состояние, перспективы: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 20–25.

²⁰ Шматков А.А. Соотношение правовых и управленческих отношений (на примере деятельности органов внутренних дел): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 6.

²¹ См.: Кардашов Р.А. Организационный механизм органа внутренних дел и проблемы его формирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 11.

²² Кардашевский В.В. Административно-правовое и организационное обеспечение исполнения управленческих решений штабными подразделениями органов внутренних дел (по материалам Главного управления внутренних дел г. Москвы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 18.

²³ Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации. С. 400.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. С. 479–485.

²⁶ См.: Тихомиров Ю.А. Административное право на рубеже столетий // Административное право: теория и практика. Укрепление государства и динамика социально-экономического развития. М., 2002. С. 7.

²⁷ Диhtiевский П.В. Административно-правовое принуждение в механизме обеспечения личной безопасности. С. 132.

²⁸ Коренев А.П. Административное право России. М., 2001. Ч. 1. С. 27.

¹⁷ Galligan D., Poljanskij V.V., Starilov Ju.N. Administrativnoe pravo: istorija razvitija i osnovnye sovremennye koncepcii. M., 2002. S. 48.

¹⁸ Alehin A.P., Karmolickij A.A., Kozlov Ju.M. Administrativnoe pravo Rossijskoj Federacii: Ucheb. M., 1997. S. 9.

¹⁹ Sm. podr.: Trufanov M.E. Primenenie norm administrativnogo prava: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2007. S. 7; Bogandov A.B. Administrativno-pravovoe regulirovanie licenzionnyh otnoshenij v Rossijskoj Federacii: teoretiko-pravovye osnovy, sovremennoe sostojanie, perspektivy: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Rostov n/D, 2006. S. 20–25.

²⁰ Shmatkov A.A. Sootnoshenie pravovyh i upravlencheskih otnoshenij (na primere dejatel'nosti organov vnutrennih del): Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2007. S. 6.

²¹ Sm.: Kardashov R.A. Organizacionnyj mehanizm organa vnutrennih del i problemy ego formirovanija: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2007. S. 11.

²² Kardashevskij V.V. Administrativno-pravovoe i organizacionnoe obespechenie ispolnenija upravlencheskih reshenij shtabnymi podrazdelenijami organov vnutrennih del (po materialam Glavnogo upravlenija vnutrennih del g. Moskvy): Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2005. S. 18.

²³ Alehin A.P., Karmolickij A.A., Kozlov Ju.M. Administrativnoe pravo Rossijskoj Federacii. S. 400.

²⁴ Tam zhe.

²⁵ Sm.: Tihomirov Ju.A. Kurs administrativnogo prava i processa. S. 479–485.

²⁶ Sm.: Tihomirov Ju.A. Administrativnoe pravo na rubezhe stoletij // Administrativnoe pravo: teorija i praktika. Ukreplenie gosudarstva i dinamika social'no-jekonomicheskogo razvitija. M., 2002. S. 7.

²⁷ Dihtiievskij P.V. Administrativno-pravovoe prinuzhdenie v mehanizme obespechenija lichnoj bezopasnosti. S. 132.

²⁸ Korenev A.P. Administrativnoe pravo Rossii. M., 2001. Ch. 1. S. 27.

Совершенствование уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в стадии возбуждения уголовного дела

Е.В. УХОВА – начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Л.А. КОЛПАКОВА – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена актуальным проблемам уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в стадии возбуждения уголовного дела. Авторами рассматриваются факторы, оказывающие негативное влияние на уголовно-процессуальную деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы на этапе предварительной проверки сообщений о преступлениях, обсуждаются и предлагаются возможные направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальное законодательство; уголовно-процессуальная деятельность; уголовно-исполнительная система; органы и учреждения уголовно-исполнительной системы; стадия возбуждения уголовного дела.

The criminal procedure improvement of the organs and institutions of the penal system under initiation of criminal proceedings

E.V. UHOVA – head of the criminal procedure's and criminalistic's department of the Vologda Institute of Law and Economic of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of law sciences, docent;

L.A. KOLPAKOVA – senior lecture of the criminal procedure's and criminalistic's department of the Vologda Institute of Law and Economic of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of law sciences, docent

The article is devoted to the actual problems of criminal law activity of the law-enforcement system's agencies and institutions in the phase of the criminal institution of legal proceedings. The authors study the factors that affect adversely on the criminal law activity of the law-enforcement system's agencies and institutions in the phase of the preliminary checking messages concerning crimes. The authors discuss and offer possible directions of criminal law of procedure's and law-enforcement practice's improvement.

Key words: criminal legal procedure; criminal law of procedure; criminal law activity; law-enforcement system; agencies and institutions of law-enforcement system; phase of the criminal institution of legal proceedings.

Уголовно-процессуальное законодательство определяет следующее назначение уголовного судопроизводства: защита прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

В качестве самостоятельных принципов уголовного судопроизводства названы уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ); неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ); охрана прав и свобод чело-

века и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ); право на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ) и др.

В частности, должностные лица, осуществляющие уголовное преследование, обязаны не только разъяснять участникам судопроизводства их права, но и реально обеспечивать возможность их осуществления (ч. 1 ст. 11 УПК РФ).

Таким образом, уголовно-процессуальный закон реализовал положения концепции судебной реформы в Российской Федерации,

подавляющее большинство предлагаемых нововведений которой направлено именно на обеспечение прав личности на всех стадиях уголовного судопроизводства. Основная причина усиления интереса к данному вопросу – переориентация Российского государства в отношениях с личностью на международные принципы и стандарты. Так, в Конституции Российской Федерации прямо указывается, что в России не только признаются, но и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст. 17).

Следует отметить, что в настоящее время среди процессуалистов отсутствует единство в определении понятия законных интересов, их содержания и роли в уголовном судопроизводстве¹. Не вдаваясь в дискуссию по указанным выше вопросам, хочется отметить позицию В.М. Корнукова, который справедливо считает, что законными интересами личности в уголовном судопроизводстве являются любые не противоречащие закону и общеправовым принципам стремления и желания участников процесса достичь социально значимых и полезных для них результатов².

Категория «личность» в уголовном процессе применяется для обозначения гражданина, вовлеченного в уголовно-процессуальную деятельность, независимо от его процессуального положения. Иными словами, «личность» выражает то общее, что характерно для всех участников уголовного процесса и каждого в отдельности.

Обеспечение прав и законных интересов личности включает в себя следующие элементы:

- разъяснение лицу его роли и значения как участника процесса, объема его прав и обязанностей, а также механизма их реализации;
- создание необходимых условий для полноценной реализации прав и законных интересов;
- информирование о сроках, объеме и ходе расследования преступления, а также его результатах;
- обеспечение возможности беспрепятственного предоставления и своевременного рассмотрения ходатайств, заявлений и предложений, затрагивающих права и законные интересы личности;
- обеспечение личной безопасности участников уголовного процесса, а также их родственников и близких в ходе расследования дела;
- восстановление нарушенных прав и др.

Возбуждение уголовного дела – первая стадия уголовного процесса, на которой формируются основы последующего успешного расследования и справедливого разрешения уголовного дела. Известный российский юрист А.Ф. Кони по этому поводу справедливо отмечал: «Уголовное преследование – слишком серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до предания суду очень часто не могут изгладить материального и нравственного вреда, причиненного человеку поспешным и неосновательным привлечением его к уголовному делу»³.

В юридической науке высказывались и до сих пор высказываются сомнения по вопросу о процессуальном характере деятельности участников данной стадии и возникающих между ними правовых отношениях. Некоторые юристы считают, что уголовно-процессуальная деятельность начинается не с принятия информации о преступлении, а после возбуждения уголовного дела. Они полагают, что деятельность уполномоченных на то должностных лиц по приему, рассмотрению и проверке сообщений о преступлении вплоть до принятия соответствующего решения носит не процессуальный, а административный характер и, следовательно, отношения между участниками этой деятельности не являются уголовно-процессуальными⁴. Данная позиция не нашла широкой поддержки среди ученых-юристов, большинство из которых считают, что стадия возбуждения уголовного дела является первоначальным этапом уголовного процесса и осуществляемая в ней деятельность носит процессуальный характер. На этой стадии составляется целый ряд процессуальных документов: протокол устного заявления (ч. 3 ст. 141 УПК РФ), протокол явки с повинной (ч. 2 ст. 142 УПК РФ), рапорт об обнаружении признаков преступления (ст. 143 УПК РФ), документ о принятии сообщения о преступлении (ч. 4 ст. 144 УПК РФ).

Завершает эту стадию одно из следующих процессуальных решений: постановление о возбуждении уголовного дела или постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Может быть принято еще одно промежуточное решение – о передаче заявления (сообщения) о преступлении по подследственности или подсудности (ст. 145 УПК РФ).

Согласно ст. 21 УПК РФ в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны принимать предусмо-

тренные уголовно-процессуальным законом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

Данная деятельность уполномоченных на то участников процесса направлена на решение задач уголовного судопроизводства, которые сформулированы в уголовно-процессуальном законе: «Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию» (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

Успешная реализация этих задач во многом зависит от своевременного и обоснованного решения вопроса о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела. На это обстоятельство неоднократно указывали ученые-процессуалисты в своих работах, посвященных проблематике возбуждения уголовных дел по преступлениям, совершенным в исправительных учреждениях⁵.

Однако, как показывает анализ правоприменительной практики уголовно-процессуальной деятельности в исправительных учреждениях, в последние годы появился ряд негативных тенденций, которые отнюдь не способствуют эффективной борьбе с преступностью и защите прав и законных интересов личности.

Специфика расследования преступлений в учреждениях, исполняющих наказание, заключается в том, что в период производства по уголовным делам к лицам из числа осужденных, в том числе проходящих в качестве подозреваемых, потерпевших и свидетелей, продолжают применяться меры уголовно-исполнительного воздействия.

При этом администрация исправительных учреждений обладает достаточно широкими полномочиями по осуществлению режимной работы. Однако это вовсе не означает, что в интересах расследования преступлений могут осуществляться любые меры, отвечающие этим полномочиям. Следует согласиться с мнением М.А. Петуховского о том, что допустимо применение лишь тех мер, содержание которых не противоречит принципам и порядку производства расследования, изложенным в уголовно-процессуальном законе, а также не ограничивает законных прав и интересов осужденных, предусмотренных нормами уголовно-исполнительного права⁶.

Изучение правоприменительной практики показывает, что нарушения конститу-

ционных прав личности при рассмотрении сообщений о преступлениях в учреждениях, исполняющих наказание, весьма распространены. Наиболее типичными уголовно-процессуальными нарушениями на этапе приема сообщений о преступлениях являются сокрытие преступлений от учета, а также фальсификация сообщений о совершенном преступлении⁷.

Права и законные интересы личности должны быть обеспечены уже с момента получения правоохранительным органом сообщения о преступлении. Часть 1 ст. 144 УПК РФ на орган дознания, дознавателя и следователя возлагает обязанности принимать, проверять сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах своей компетенции принимать по ним решения в установленный законом срок.

На этапе предварительной проверки сообщений о преступлениях, принятия процессуальных решений наиболее типичными уголовно-процессуальными нарушениями в исправительных учреждениях являются:

- необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела;
- нарушение порядка передачи сообщения о преступлении по подследственности или подсудности;
- фальсификация материалов предварительной проверки и принимаемых решений;
- превышение сроков предварительной проверки (несвоевременное принятие процессуального решения);
- производство следственных и иных действий, не разрешенных на этапе предварительной проверки;
- необоснованное возбуждение уголовного дела;
- несообщение заинтересованным лицам о принятых решениях на стадии возбуждения уголовного дела в установленных законом случаях.

Одним из наиболее распространенных нарушений прав и законных интересов личности в уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в исправительных учреждениях, является незаконный отказ в возбуждении уголовного дела. На практике имеются случаи, когда подобные решения принимаются не уполномоченным на то лицом, слабо мотивированны или вообще не мотивированны, содержат ошибочную ссылку на процессуальные основания отказа в возбуждении дела. Причиной тому служит, как правило, плохое знание уголовно-процессуального законодательства лицами, осуществляющими процессуальную деятельность.

Другой причиной незаконных отказов в возбуждении уголовного дела является сложившаяся порочная практика, при которой исправительные учреждения, где отмечен рост совершенных преступлений, рассматриваются как неблагополучные. Это вынуждает администрацию идти по пути сокрытия преступлений, подмены уголовной ответственности дисциплинарным наказанием, что нередко приводит к более серьезным последствиям.

Круг обстоятельств, составляющих основание для отказа в возбуждении уголовного дела, строго определен законом и расширительному толкованию не подлежит⁸. Он не может отождествляться, как это иногда делается, с обстоятельствами, влекущими прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), а также с основаниями прекращения уголовного преследования (ст. 27, 28, 28.1 УПК РФ). Грубым нарушением закона являются встречающиеся в практике отказы «за недостаточностью доказательств», «по мотивам нецелесообразности возбуждения уголовного дела», «в связи с деятельным раскаянием», «в связи с малозначительностью деяния».

Необходимо отметить, что юридической особенностью малозначительного деяния является то, что оно формально содержит признаки какого-либо преступления. На этом основании некоторые авторы пришли к выводу, что дела о таких деяниях прекращаются или не возбуждаются не в силу отсутствия состава преступления, а по п. 2 ст. 14 УК РФ – за малозначительностью деяния. Полагаем, что указанная точка зрения не вполне согласуется с уголовно-процессуальным законом, который не предусматривает подобного обстоятельства как исключаящего производство по уголовному делу (ст. 24 УПК РФ).

Проведенный нами анализ материалов об отказе в возбуждении уголовных дел показывает, что нередко случаи признания деяний малозначительными с целью скрыть от регистрации преступления, по которым не обнаружены лица, их совершившие. Для обоснования принимаемых решений используются различного рода надуманные формулировки: «невозможность установить виновного», «нецелесообразность траты сил и средств на раскрытие преступления, не представляющего большой общественной опасности» и др.

Решительной критики заслуживает практика, когда хулиганские проявления среди осужденных, а порой и более опасные преступления против личности квалифициру-

ются как дела частного обвинения. Неслучайно в подобных материалах отсутствуют необходимые медицинские документы о тяжести телесных повреждений, а само решение об отказе в возбуждении уголовного дела принимается на основе голословного утверждения проверяющего сотрудника.

Следует отметить, что законодателем не определен круг обстоятельств, подлежащих установлению при отказе в возбуждении уголовного дела, а ст. 148 УПК РФ не указывает, что постановление должно быть мотивированным и что именно должно быть в нем изложено. В связи с этим полагаем, что первое предложение ч. 1 ст. 148 УПК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «При отсутствии основания для возбуждения уголовного дела руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель выносит мотивированное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в котором должны быть указаны дата, время, место и кем оно составлено; данные, подтверждающие отсутствие события или состава преступления либо наличие обстоятельств, освобождающих лицо от уголовной ответственности».

Одной из гарантий обеспечения прав и законных интересов личности на стадии возбуждения уголовного дела является соблюдение сроков рассмотрения сообщений о преступлениях.

В действующем УПК РФ срок принятия процессуального решения на стадии возбуждения уголовного дела оставлен прежним – трое суток. Дальнейшее его продление строго регламентировано. Так, согласно ч. 3 ст. 144 УПК РФ руководитель следственного органа, начальник органа дознания вправе по ходатайству соответственно следователя, дознавателя продлить срок до 10 суток, а при необходимости проведения документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток. Хотя при этом законодатель не определил форму такого решения. Это может быть либо специальное постановление, либо резолюция на рапорте, если решение принимается в порядке непосредственной подчиненности вышестоящим начальником (например, дознаватель – начальник органа дознания).

На практике, к сожалению, эти сроки нередко нарушаются. Так, из числа изученных нами уголовных дел и отказных материалов, производство по которым осуществлялось в исправительных учреждениях Вологод-

ской области, в 49,1% случаев решение по сообщению о преступлении принималось в срок не позднее 3 суток, в 31,2% – в срок до 10 суток, а в 19,7% – свыше 10 суток.

Проблематичным является вопрос, с какого момента должны исчисляться сроки рассмотрения сообщений о преступлениях. На практике началом исчисления срока определяют день регистрации поступившего сообщения в дежурной части. Представляется, что это не соответствует требованиям закона, так как ч. 1 ст. 144 УПК РФ устанавливает исчисление срока доследственной проверки со дня поступления сообщения о преступлении. Таким образом, сотрудник исправительного учреждения должен незамедлительно передавать в дежурную часть для регистрации поступившее ему сообщение о преступлении. Запрещается без регистрации передача начальником исправительного учреждения поступившего сообщения о преступлении подчиненным ему сотрудникам для проверки и исполнения.

Из анализа уголовно-процессуальной нормы следует, что момент регистрации сигнала о преступлении должен совпадать с моментом его поступления. Тем не менее, как свидетельствует практика, существует разрыв между правовым режимом и тем, как он осуществляется на практике. Встречается еще немало случаев, когда сообщение о преступлении регистрируется только спустя несколько дней после его поступления. Нередко учет и регистрация преступлений ставятся в прямую зависимость от их раскрытия. Все это порождает волокиту, медлительность, снижает эффективность борьбы с преступлениями. На наш взгляд, справедлива позиция В.А. Михайлова, который считает, что течение сроков рассмотрения заявлений и сообщений должно начинаться со дня их поступления в орган дознания⁹.

К сожалению, действующее уголовно-процессуальное законодательство, в отличие от предыдущего УПК РСФСР (ч. 2 ст. 109), не содержит методов проверки сообщений о совершенном или готовящемся преступлении. Вместе с тем значительное количество нарушений прав и законных интересов личности происходит как раз в ходе осуществления доследственной проверки.

Встречаются случаи, когда решение по сообщению о готовящемся или совершенном преступлении принимает неуполномоченное на то должностное лицо. В частности, при временном отсутствии начальника исправительного учреждения его заместитель необоснованно выносит постановление о возбуждении уголовного дела, мотивируя это

тем, что на него в устной форме возложено исполнение обязанностей начальника учреждения в период отсутствия последнего.

В соответствии с ч. 2 ст. 145 УПК РФ о решении, принятом по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, должно быть сообщено заявителю. К сожалению, уголовно-процессуальный закон не предусматривает обязательных требований к форме такого сообщения. По сложившейся практике об устном уведомлении делается отметка на постановлении, в случае направления письменного уведомления копия сообщения приобщается к уголовному делу или материалу об отказе в возбуждении уголовного дела.

В уведомлении должны быть указаны основания, по которым принято решение по сообщению о преступлении. В частности, согласно ст. 148 УПК РФ орган дознания уведомляет заявителя об отказе в возбуждении уголовного дела и разъясняет ему право на обжалование и его порядок. О решении передать сообщение по подследственности или подсудности также извещается заявитель с указанием, куда именно пересылаются материалы.

По нашему мнению, процедура уведомления заявителя о принятом по его сообщению решении, предусмотренная УПК РФ, нуждается в совершенствовании. Кроме того, в уголовно-процессуальном законе следует предусмотреть право заявителя знакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении при отказе в возбуждении уголовного дела и с самим постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела. Надо согласиться с мнением Т.М. Телеги о необходимости возложения обязанности на уполномоченных должностных лиц ознакомить заявителя с указанными материалами, а также документально зафиксировать этот факт путем отметки в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела¹⁰.

Обобщая изложенное, следует отметить, что принятие УПК РФ – важный этап судебно-правовой реформы России. Этот законодательный акт содержит абсолютно новые подходы к уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в учреждениях и органах Федеральной службы исполнения наказаний. Данные новшества уже сегодня требуют значительной перестройки профессионального сознания сотрудников исправительных учреждений. Для многих из них наряду с организационными мерами по переходу к новым условиям работы необходимо хорошо знать нормы кодекса, регулирующие уголовно-процессуальную деятельность в исправительных учрежде-

ниях, и строго применять их на практике. Однако содержание многих статей УПК РФ вызывает разнообразные вопросы по поводу их практического применения. Опубликованные к настоящему времени различные издания комментариев не устранили в достаточной степени неясности. Сказанное свидетельствует о серьезных сложностях, с которыми сталкиваются сотрудники исправительных учреждений при применении УПК РФ на практике. При этом следует учитывать специфику условий, в которых осуществляется уголовно-процессуальная деятельность в исправительных учреждениях.

В этой связи полагаем, что в целях совершенствования уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в стадии возбуждения необходимо разработать специальную ведомственную инструкцию по осуществлению уголовно-процессуальной деятельности

в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы. В этом документе следует раскрыть правовой статус начальника исправительного учреждения как начальника органа дознания и дознавателя; процессуальный порядок проведения доследственной проверки сообщений о готовящихся и совершенных преступлениях, а также порядок принятия по ним соответствующих решений; вопросы взаимодействия сотрудников исправительного учреждения с должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, и другие вопросы, возникающие в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, а также привести развернутые рекомендации об особенностях осуществления неотложных следственных и розыскных действий по делам, предусматривающим обязательное производство предварительного следствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Кокорев Л.Д., Лукашевич В.З. Процессуальные гарантии прав и законных интересов личности в уголовном процессе // Вестник ЛГУ. 1977. № 11. С. 109–116; Мартынич Е.Г., Радьков В.П., Юрченко В.Е. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Кишинев, 1982; Кокорев Л.Д. и др. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве. Воронеж, 1984.

² См.: Корнуков В.М. Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве: Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1987. С. 168; Он же. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1987. С. 47.

³ Кони А.Ф. Избранные произведения. М., 1969. Т. 2. С. 401.

⁴ См.: Кузнецов Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Воронеж, 1983. С. 6–10.

⁵ См., напр.: Коломеец В.К. Практическому работнику о дознании в исправительно-трудовых колониях. Свердловск, 1973; Лантух А.М. Первоначальный этап расследования преступлений в ИТУ. Рязань, 1976; Петуховский М.А. Дознание и предварительное следствие в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1979; Ковалев В.А., Осипов А.Ф., Столмаков А.И. Уголовно-процессуальные основы производства дознания в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1982 и др.

⁶ См.: Петуховский М.А. Проблемы криминалистической тактики и методики расследования преступлений в ИТУ // Труды РВШ МВД СССР. Рязань, 1973. С. 143–144; Он же. Особенности тактики допроса свидетеля и обвиняемых из числа осужденных к лишению свободы при производстве предварительного следствия в ИТУ. М., 1971. С. 5.

⁷ См.: Ольков С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения. Тюмень, 1996. С. 127, 131.

⁸ См.: Жогин П.В. Прокурорский надзор за расследованием преступлений // Социалистическая законность. 1971. № 11. С. 32.

⁹ См.: Михайлов В.А. Проблемы совершенствования процессуальной деятельности органов внутренних дел в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовно-процессуальные основы деятельности органов внутренних дел. М., 1988. С. 24.

¹⁰ См.: Телега Т.М. Обеспечение гласности в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования: Дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1991. С. 106–107, 115–116.

¹ Sm., napr.: Kokorev L.D., Lukashevich V.Z. Processual'nye garantii prav i zakonnyh interesov lichnosti v ugovolnom processe // Vestnik LGU. 1977. № 11. S. 109–116; Martynchik E.G., Rad'kov V.P., Jurchenko V.E. Ohrana prav i zakonnyh interesov lichnosti v ugovolnom sudoproizvodstve. Kishinev, 1982; Kokorev L.D. i dr. Obwestvennye i lichnye interesy v ugovolnom sudoproizvodstve. Voronezh, 1984.

² Sm.: Kornukov V.M. Teoreticheskie i pravovye osnovy polozhenija lichnosti v ugovolnom sudoproizvodstve: Dis. ... d-ra jurid. nauk. Saratov, 1987. S. 168; On zhe. Konstitucionnye osnovy polozhenija lichnosti v ugovolnom sudoproizvodstve. Saratov, 1987. S. 47.

³ Koni A.F. Izbrannye proizvedenija. M., 1969. T. 2. S. 401.

⁴ Sm.: Kuznecov N.P. Dokazyvanie v stadii vzbuzhdenija ugovolnogo dela. Voronezh, 1983. S. 6–10.

⁵ Sm., napr.: Kolomeec V.K. Prakticheskomu rabotniku o doznanii v ispravitel'no-trudovyh kolonijah. Sverdlovsk, 1973; Lantuh A.M. Pervonachal'nyj jetap rassledovanija prestuplenij v ITU. Rjazan', 1976; Petuhovskij M.A. Doznanie i predvaritel'noe sledstvie v ispravitel'no-trudovyh uchrezhdenijah. M., 1979; Kovalev V.A., Osipov A.F., Stolmakov A.I. Ugolovno-processual'nye osnovy proizvodstva doznaniya v ispravitel'no-trudovyh uchrezhdenijah. M., 1982 i dr.

⁶ Sm.: Petuhovskij M.A. Problemy kriminalisticheskoj taktiki i metodiki rassledovanija prestuplenij v ITU // Trudy RVSh MVD SSSR. Rjazan', 1973. S. 143–144; On zhe. Osobennosti taktiki doprosa svidetelja i obvinjaemyh iz chisla osuzhdennyh k lisheniju svobody pri proizvodstve predvaritel'nogo sledstvija v ITU. M., 1971. S. 5.

⁷ Sm.: Ol'kov S.G. Ugolovno-processual'nye pravonarushenija. Tjumen', 1996. S. 127, 131.

⁸ Sm.: Zhogin P.V. Prokurorskij nadzor za rassledovaniem prestuplenij // Socialisticheskaja zakonnost'. 1971. № 11. S. 32.

⁹ Sm.: Mihajlov V.A. Problemy sovershenstvovanija processual'noj dejatel'nosti organov vnutrennih del v stadii vzbuzhdenija ugovolnogo dela // Ugolovno-processual'nye osnovy dejatel'nosti organov vnutrennih del. M., 1988. S. 24.

¹⁰ Sm.: Telega T.M. Obespechenie glasnosti v stadii vzbuzhdenija ugovolnogo dela i predvaritel'nogo rassledovanija: Dis. ... kand. jurid. nauk. Kiev, 1991. S. 106–107, 115–116.

Ротация сотрудников органов внутренних дел

А.В. КОРЕПИНА – доцент кафедры административного права филиала Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в г. Вологде, кандидат юридических наук

В статье рассматривается один из современных способов формирования кадрового состава органов внутренних дел – ротация сотрудников. Раскрываются вопросы, связанные с определением понятия ротации, ее задач, круга ротационных должностей, а также специфика механизма ротации сотрудников органов внутренних дел. Данная статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, НИР «Теоретические, методологические и организационно-правовые основы развития института государственной правоохранительной службы в Российской Федерации» (проект № 2.2.1.2).

Ключевые слова: ротация; органы внутренних дел; кадровый состав; повышение качества (эффективности) государственной службы; противодействие коррупции.

Rotation of the enforcement officers

A.V. KOREPINA – docent of administrative law's department of the branch of the Moscow State Law Academy named after Kutafin O.E. in the Vologda town, candidate of law science

The article is devoted to one of the modern ways of forming the personnel of the bodies of internal Affairs - rotation their staff. The study reveals the issues associated with the definition of rotation, its tasks, range of rotary positions, as well as the specificities of the mechanism of rotation of the staff of bodies of internal Affairs.

Key words: rotation; bodies of internal Affairs; personnel structure; improving the quality (efficiency) of the public service; counteraction to corruption.

Основу кадрового состава органов внутренних дел должны составлять профессионалы, «способные в современных условиях использовать в работе эффективные технологии государственного управления»¹. Достижению этой задачи способствует применение различных методов кадровой работы, в частности ротации сотрудников органов внутренних дел.

Правовую основу формирования института ротации сотрудников органов внутренних дел заложил Федеральный закон от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ)², который предусмотрел возможность перевода сотрудника органов внутренних дел на иную равнозначную должность в порядке ротации (с обязательным включением данного положения в служебный контракт), а также последствия отказа от такого перевода (ст. 23, 30, 82).

В самом общем виде ротация – это обновление кадрового состава организации. В законодательстве данный термин используется широко. На ротационной основе осуществляется замещение должностей высших органов различных государственных и негосударственных организаций: ротация членов совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации³, ротация членов совета Национального объединения саморегулируемых организаций⁴, ротация руководителей коллегиальных постоянно действующих руководящих органов политической партии и ее региональных отделений⁵, ротация членов Совета по аудиторской деятельности⁶, ротация патентных поверенных, входящих в квалификационную комиссию⁷, и др.

Законодательство о государственной службе понятия ротации не дает. Однако анализ правовых норм позволяет выделить следующие его вариации. Так, согласно ст. 60.1 Федерального закона от 06.12.2011 г. № 395-ФЗ «О внесении изменений в отдельные зако-

нодательные акты Российской Федерации в связи с введением ротации на государственной гражданской службе»⁸ под ротацией гражданских служащих следует рассматривать назначение служащих на иные должности гражданской службы в том же или другом государственном органе. Статья 30 ФЗ от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ позволяет определить ротацию как перевод сотрудника в установленном порядке на иную равнозначную должность в той же местности, а при невозможности такого перевода – на иную равнозначную должность в другую местность.

Важной задачей реализации института ротации является повышение качества (эффективности) службы в органах внутренних дел. Ротация позволяет улучшить профессиональную составляющую правоохранительной системы, привлечь к управлению сотрудников, безусловно и эффективно исполняющих возложенные на них должностные обязанности. Вместе с тем некоторые ученые полагают, что не всегда ротация кадров повлечет за собой повышение качества государственной службы. В некоторых случаях эффективность государственной службы в результате произведенной ротации может и понижаться. Так, С. Чаннов считает, что перевод служащего на другую, даже аналогичную должность, тем более в другом регионе, «в большинстве случаев влечет снижение эффективности его работы в первоначальный период (который может быть достаточно продолжительным), что связано с его устройством на новом месте; ознакомлением с ситуацией и стоящими перед ним по новой должности проблемами; знакомством с коллективом и нахождением наиболее эффективных контактов с сотрудниками»⁹. Вместе с тем, на наш взгляд, именно вновь назначенные на должности сотрудники органов внутренних дел способны по-другому посмотреть на поставленные перед государственным органом цели и задачи, оценить сложившуюся ситуацию, увидеть проблемы и применить новые подходы к их решению. Более того, ротация позволит обеспечить профессиональное развитие государственного служащего посредством изменения его функциональных обязанностей.

Во многих странах механизм ротации напрямую связан с подготовкой государственных служащих для высших должностей. Такого рода ротация особо распространена в странах Юго-Восточной Азии, в частности в Сингапуре, Китае, Индии, Японии, Вьетнаме и др. Так, например, в Индии ротация при-

меняется для подготовки элиты, входящей в административную службу Индии (Indian Administrative Service, IAS), которая впоследствии занимает высшие должности в центральном правительстве или на уровне штатов. В Японии, напротив, в основе ротации лежит необходимость повышения уровня квалификации государственных служащих на местах¹⁰.

По мнению представителя комиссии Общественной палаты Российской Федерации по общественному контролю за деятельностью и реформированием правоохранительных органов и судебной системы Я. Терновского, «введение ротации – дело хорошее. На определенных должностях люди не должны сидеть очень долго. Это всегда хорошо для человека: для его карьерного и профессионального роста». Однако он полагает, что «подобная ротация не должна затрагивать все руководящие должности без исключения. За принципами ротации должен стоять, прежде всего, принцип целесообразности – когда это действительно необходимо, в том числе и для борьбы с коррупцией»¹¹.

Нет необходимости отрицать важность института ротации в системе мер противодействия коррупции. Регулярная ротация государственных служащих необходима¹². Федеральным законом от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 21.11.2011 г.) «О противодействии коррупции»¹³ институт ротации не закреплен. Однако термин «ротация» был введен в российское законодательство таким международным антикоррупционным документом, ратифицированным Российской Федерацией, как Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции¹⁴. Согласно ст. 7 конвенции «каждое государство-участник стремится в надлежащих случаях и в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы создавать, поддерживать и укреплять такие системы приема на работу, набора, прохождения службы, продвижения по службе и выхода в отставку гражданских служащих и других неизбираемых публичных должностных лиц, какие а) основываются на принципах эффективности и прозрачности и на таких объективных критериях, как безупречность работы, справедливость и способности; б) включают надлежащие процедуры отбора и подготовки кадров для занятия публичных должностей, которые считаются особенно уязвимыми с точки зрения коррупции, и ротации, в надлежащих случаях, таких кадров на таких должностях».

Задача разработки антикоррупционных мероприятий по введению практики ротации руководящего состава органов внутренних дел была поставлена Президентом Российской Федерации перед министром внутренних дел еще в конце 2009 г.¹⁵ В целях ее реализации в 2010 г. в рамках ротации были назначены 47 чел., а в 2011 г. – 31. К середине 2011 г. были назначены 194 руководителя, из них 170 – в территориальные органы внутренних дел, еще 8 – в центральный аппарат, 6 – в образовательные и научные учреждения¹⁶.

В дальнейшем ФЗ от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ четко определил категорию государственных служащих органов внутренних дел, подлежащих ротации. Согласно п. 12 ст. 30 данного правового акта ротации подлежат только те сотрудники органов внутренних дел, которые замещают должность руководителя территориального органа федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. К ним относятся министры внутренних дел по республикам, начальники главных управлений (управлений) МВД России по иным субъектам Российской Федерации, начальники территориальных органов внутренних дел окружного уровня, начальники территориальных органов внутренних дел межрегионального уровня. Перевод в порядке ротации возможен только по решению Президента Российской Федерации, министра внутренних дел Российской Федерации или уполномоченного руководителя.

В этой связи хотелось бы отметить, что перечень «ротационных» должностей государственной гражданской службы гораздо шире. Федеральный закон от 06.12.2011 г. № 395-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением ротации на государственной гражданской службе» устанавливает, что «перечень должностей федеральной гражданской службы, по которым предусматривается ротация федеральных гражданских служащих, утверждается руководителем федерального органа исполнительной власти, руководство деятельностью которого осуществляет Президент Российской Федерации или Правительство Российской Федерации, либо руководителем федерального органа исполнительной власти, находящегося в ведении федерального министерства, по согласованию с федеральным министром. В указанный перечень включаются должности гражданской службы категории "ру-

ководители" в территориальных органах федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих контрольные и надзорные функции. Ротация федеральных гражданских служащих, замещающих иные должности федеральной гражданской службы, включенные в реестр должностей федеральной государственной гражданской службы, проводится в соответствии с утвержденными Президентом Российской Федерации перечнями должностей федеральной гражданской службы, сформированными на основе предложений федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, или утвержденными Правительством Российской Федерации перечнями должностей федеральной гражданской службы, сформированными на основе предложений федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации»¹⁷. Более того, Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»¹⁸ Правительству Российской Федерации было дано поручение до 01.07.2012 г. представить в установленном порядке предложения по внедрению новых принципов кадровой политики в системе государственной гражданской службы, предусматривающие расширение использования механизма ротации применительно к государственным гражданским служащим, замещающим должности большинства категорий и групп должностей государственной гражданской службы. Таким образом, круг ротационных должностей будет лишь расширяться, он распространится не только на руководителей государственных органов, но и на иных государственных служащих.

Периодичность проведения ротации в органах внутренних дел законом определена и составляет шесть лет непрерывного замещения одной и той же должности руководителя территориального органа федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. Видимо, законодатель полагает, что за такой срок сотруднику органов внутренних дел будет сложно сформировать устойчивые коррупционные связи. Сравните, ротации в государственных правоохранительных органах Германии, Китайской Народной Республики осуществляются каждые пять лет¹⁹.

Понятие «непрерывное замещение одной и той же должности» российское зако-

нодательство не использует. По логике оно определяется шестигодичной продолжительностью нахождения на должности руководителя территориального органа федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. Однако неясным остается вопрос, включать ли в это время такого рода периоды, как повышение квалификации государственного служащего, нахождение в отпуске по уходу за ребенком и некоторые другие.

Охват «ротационной» территории законодательством регламентирован следующим образом: «сотрудник органов внутренних дел... может быть переведен в порядке ротации... на иную равнозначную должность в той же местности, а при невозможности такого перевода – на иную равнозначную должность в другую местность» (п. 12 ст. 30 ФЗ от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ). Таким образом, ротация возможна как внутри одного, так и между двумя органами внутренних дел, а также в пределах одного либо нескольких территориальных образований. При этом обязательным условием ротации является перевод сотрудника в установленном порядке на иную равнозначную должность. Должность считается равнозначной, если для нее предусмотрены специальное звание и должностной оклад, равные специальному званию и должностному окладу по прежней должности в органах внутренних дел.

Статья 23 ФЗ от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ предусматривает обязательное включение в контракт, заключаемый с сотрудником органов внутренних дел, назначенным на должность, по которой предусмотрена ротация, положения о возможности перевода сотрудника в установленном порядке на иную равнозначную должность, в том числе в другую местность, а в случае его отказа – о возможности перевода в установленном порядке на нижестоящую должность

или увольнения со службы в органах внутренних дел. Таким образом, служащему органов внутренних дел предоставляется право отказаться от перевода на другую должность в порядке ротации с возможностью замещения другой, пусть и нижестоящей, должности. Корреспонденция ст. 23 и 30 ФЗ от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ показывает, что такая ситуация допустима только при отсутствии уважительных причин отказа. Тогда неясным остается вопрос с отказом служащего от перевода на другую должность в порядке ротации при наличии уважительных причин. Перечня уважительных причин данный федеральный закон не содержит и последствия такого варианта развития событий не регламентирует. В этой связи следует согласиться с С. Чанновым, что подобного рода правовой пробел, оставляя простор для толкования правоприменителем (в случае отказа сотрудника органа внутренних дел от перевода в порядке ротации по уважительной причине он может быть оставлен на прежней должности), является «очевидным коррупциогенным фактором»²⁰.

Некоторые сомневаются в перспективах введения института ротации в системе органов внутренних дел. Так, по словам председателя центрального совета общероссийской общественной организации «Российская организация сотрудников правоохранительных органов» Евгения Лобачева, система ротации – это временный выход, который можно считать эффективным при условии, если будет из кого ротировать. Как полагает эксперт, эта система будет работать лишь при условии достаточности кадрового состава²¹. Вместе с тем ротацию следует признать в качестве одного из приоритетных направлений формирования кадрового состава органов внутренних дел в рамках проводимой государственной антикоррупционной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Указ Президента РФ от 10.03.2009 г. № 261 (ред. от 12.01.2010 г.) «О федеральной программе "Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)"» // СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1277.

² См.: Там же. 2011. № 49 (Ч. 1). Ст. 7020.

³ См.: Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2011 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Там же. 2002. № 23. Ст. 2102.

⁴ См.: Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 25.06.2012 г.) // Там же. 2005. № 1 (Ч. 1). Ст. 16.

⁵ См.: Федеральный закон от 11.07.2001 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.04.2012 г.) «О политических партиях» // Там же. 2001. № 29. Ст. 2950.

¹ Ukaz Prezidenta RF ot 10.03.2009 g. № 261 (red. ot 12.01.2010 g.) «O federal'noj programme "Reformirovanie i razvitie sistemy gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii (2009–2013 gody)"» // SZ RF. 2009. № 11. St. 1277.

² Sm.: Tam zhe. 2011. № 49 (Ch. 1). St. 7020.

³ Sm.: Federal'nyj zakon ot 31.05.2002 g. № 63-FZ (red. ot 21.11.2011 g.) «Ob advokatskoj dejatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» // Tam zhe. 2002. № 23. St. 2102.

⁴ Sm.: Gradostroitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 g. № 190-FZ (red. ot 25.06.2012 g.) // Tam zhe. 2005. № 1 (Ch. 1). St. 16.

⁵ Sm.: Federal'nyj zakon ot 11.07.2001 g. № 95-FZ (red. ot 02.04.2012 g.) «O politicheskix partijah» // Tam zhe. 2001. № 29. St. 2950.

⁶ См.: Федеральный закон от 30.12.2008 г. № 307-ФЗ (ред. от 11.07.2011 г.) «Об аудиторской деятельности» // Там же. 2009. № 1. Ст. 15.

⁷ См.: Федеральный закон от 30.12.2008 г. № 316-ФЗ (ред. от 11.07.2011 г.) «О патентных поверенных» // Там же. № 1. Ст. 24.

⁸ См.: СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7337.

⁹ Чаннов С. Ротация государственных служащих // Вопросы трудового права. 2012. № 6. С. 65.

¹⁰ См.: <http://do.gendocs.ru/docs/index-94427.html?page=3#2913271>

¹¹ См.: <http://www.pravda.ru/politics/military/homeministry/14-06-2011/1080419-rotacia-0/>

¹² См.: Шестакова Е.В. Налоговая оптимизация. М., 2012.

¹³ См.: СЗ РФ. 2008. № 52 (Ч. 1). Ст. 6228.

¹⁴ См.: Там же. 2006. № 26. Ст. 2780.

¹⁵ См.: Указ Президента РФ от 24.12.2009 г. № 1468 (ред. от 01.03.2011 г.) «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // Там же. 2009. № 52 (Ч. 1). Ст. 6536.

¹⁶ См.: <http://policemagazine.ru/forum/showthread.php?t=1787>

¹⁷ СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7337.

¹⁸ См.: Там же. 2012. № 19. Ст. 2338.

¹⁹ См.: <http://do.gendocs.ru/docs/index-94427.html?page=3#2913271>

²⁰ Чаннов С. Ротация государственных служащих. С. 69.

²¹ См.: <http://www.pravda.ru/politics/military/homeministry/14-06-2011/1080419-rotacia-0/>

⁶ Sm.: Federal'nyj zakon ot 30.12.2008 g. № 307-FZ (red. ot 11.07.2011 g.) «Ob auditorskoj dejatel'nosti» // Tam zhe. 2009. № 1. St. 15.

⁷ Sm.: Federal'nyj zakon ot 30.12.2008 g. № 316-FZ (red. ot 11.07.2011 g.) «O patentnyh poverennyh» // Tam zhe. № 1. St. 24.

⁸ Sm.: SZ RF. 2011. № 50. St. 7337.

⁹ Channov S. Rotacija gosudarstvennyh sluzhawih // Voprosy trudovogo prava. 2012. № 6. S. 65.

¹⁰ Sm.: <http://do.gendocs.ru/docs/index-94427.html?page=3#2913271>

¹¹ Sm.: <http://www.pravda.ru/politics/military/homeministry/14-06-2011/1080419-rotacia-0/>

¹² Sm.: Shestakova E.V. Nalogovaja optimizacija. M., 2012.

¹³ Sm.: SZ RF. 2008. № 52 (Ch. 1). St. 6228.

¹⁴ Sm.: Tam zhe. 2006. № 26. St. 2780.

¹⁵ Sm.: Ukaz Prezidenta RF ot 24.12.2009 g. № 1468 (red. ot 01.03.2011 g.) «O merah po sovershenstvovaniju dejatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii» // Tam zhe. 2009. № 52 (Ch. 1). St. 6536.

¹⁶ Sm.: <http://policemagazine.ru/forum/showthread.php?t=1787>

¹⁷ SZ RF. 2011. № 50. St. 7337.

¹⁸ Sm.: Tam zhe. 2012. № 19. St. 2338.

¹⁹ Sm.: <http://do.gendocs.ru/docs/index-94427.html?page=3#2913271>

²⁰ Channov S. Rotacija gosudarstvennyh sluzhawih. S. 69.

²¹ Sm.: <http://www.pravda.ru/politics/military/homeministry/14-06-2011/1080419-rotacia-0/>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

О реализации программы «ART-метод тренировки социальной компетенции» в исправительных учреждениях ФСИН России

Э.В. ЗАУТОРОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования

Статья посвящена проблеме внедрения в практику работы исправительных учреждений ФСИН России программы «ART-метод тренировки социальной компетенции», разработанной в учреждениях по охране детства Королевства Норвегия. Данная программа направлена на снижение агрессивного поведения подростков и лиц молодежного возраста. Ее реализация в условиях отечественной пенитенциарной системы вызывает ряд трудностей как организационного, так и содержательного характера.

Ключевые слова: агрессивное поведение; программа «ART-метод тренировки социальной компетенции»; несовершеннолетние осужденные и осужденные молодежного возраста; воспитательный процесс в местах лишения свободы.

On the implementation of the program «ART-method of training social competence» in prison FPS Russia

E.V. ZAUTOROVA – professor of legal psychology's and pedagogy's department, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, doctor of pedagogical sciences, professor, corresponding member of the International Academy of Science Teacher Education

This article is devoted to the introduction into the work of Russia's prisons of program «ART-social skills training method» developed in child welfare institutions of the Kingdom of Norway. This program aims to reduce the aggressive behavior of adolescents and youth aged persons. Its implementation in the national prison system raises a number of difficulties, both organizational and meaningful.

Key words: aggressive behavior; the program «ART-method of training social competence»; juvenile offenders and convicted youth age; educational process in prison.

Кризисные процессы, происходящие в современном обществе, отрицательно влияют на психологию людей, порождая тревожность и напряженность, озлобленность и насилие. Статистика обнаруживает рост отклоняющегося поведения среди лиц различных социальных и демографических групп. Особые трудности в этот период испытывают подростки.

Тревожным симптомом является повышение уровня преступности несовершенно-

летних, поведение которых характеризуется крайними формами проявления жестокости и агрессивности. При этом отмечается увеличение числа преступлений против личности, имеющих своим результатом причинение тяжких телесных повреждений.

За последние годы был выполнен ряд психолого-педагогических исследований, направленных на изучение, диагностику и предупреждение педагогической запу-

щенности, агрессивности и правонарушений подростков. Этому посвящены работы Г.С. Абрамовой, М.А. Алемаскина, Ю.М. Антоняна, С.А. Беличевой, А.Г. Ковалева, И.С. Кона, В.Ф. Пирожкова, К.К. Платонова, Д.И. Фельдштейна и др.

В процессе развития практически все дети в той или иной степени демонстрируют агрессивное поведение, которое выполняет функцию адаптации в обществе. Здоровые аспекты агрессии способствуют развитию умения отстаивать свои интересы во взаимодействии с другими людьми, обеспечивают элемент соперничества в играх и успешность решения повседневных проблем. Вместе с тем поведение несовершеннолетних часто сопровождается и конфликтными ситуациями, неудачными агрессивными выпадами, проявлениями враждебности, несдержанности и злобы. Тем самым подростки наносят вред не только своему окружению, но в первую очередь самим себе, что и приводит их на скамью подсудимых.

Так, отмечено, что несовершеннолетние, которые совершили преступления, демонстрируют следующие неадаптивные формы агрессивных реакций:

– нападение (использование физической силы против другого лица), действия, направленные на другое лицо (сплетни, злоба), и взрывы ярости, не направленные ни на кого;

– выражение негативных чувств через форму или содержание словесных ответов (угрозы, ругань);

– готовность к проявлению при малейшем возбуждении вспыльчивости, резкости, грубости, обиды (зависть и ненависть к окружающим, обусловленные чувством горечи, гнева на весь мир);

– подозрительность (недоверие и осторожность, убеждение, что окружающие намерены причинить вред)¹.

Несовершеннолетние нередко обнаруживают отсутствие жалости к другим людям, зарегистрированы также случаи садистских действий.

Одна из главных причин постоянного падения человека в проблемные ситуации очень проста: у него не хватает базовых социальных умений (например, проинформировать окружающих о своих желаниях, знать способы реагирования на провокационные действия других людей, адекватно проявлять свои чувства и т.д.)². При этом агрессивное поведение лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, носит управляемый характер. Для успешной коррективной работы важно знать причины поступков,

выявлять наличие поведенческих проблем, осуществлять системный анализ индивидуальных качеств воспитанника. Коррекционная работа должна быть построена на поиске адекватных мер воспитания личности. В комплекс организационных мероприятий необходимо включать занятия, способствующие развитию несовершеннолетних и направленные на формирование у них умений и навыков социального взаимодействия (позитивное общение, положительные увлечения, решение жизненных проблем и т.д.).

В связи с этим программа «ART-метод тренировки социальной компетенции», разработанная в учреждениях по охране детства Королевства Норвегия, представляется особо актуальной. Она ориентирована на профилактику, уменьшение и замещение агрессивного поведения подростков и молодежи, является одной из наиболее признанных программ такого рода.

Программа «ART» состоит из трех основных блоков: «Тренировка социальных навыков» (темы занятий: «Как просить извинения», «Как понимать чувства других», «Как избегать ссор с другими», «Как подготовиться к разговору» и т.д.); «Тренировка контроля над гневом» (темы занятий: «Внутренние и внешние раздражители», «Сигналы», «Глушители», «Эскалация конфликта», «Следствия» и т.д.); «Тренировка моральных рассуждений» (темы занятий: «Проблемная ситуация марсианина», «Проблемная ситуация Йонни», «Проблемная ситуация Квадрат», «Проблемная ситуация Лисе» и т.д.). Программа пошагово расписана, обладает четко оформленной внешней и внутренней структурой.

Участники программы учатся корректировать свое отношение к окружающим людям и миру, принимать адекватные решения в той или иной жизненной ситуации, обеспечивая таким образом процесс принятия неагрессивных и социально одобряемых форм поведения. Механизм основывается на методе игрового моделирования и может эффективно использоваться в работе с несовершеннолетними осужденными и осужденными молодежного возраста.

Программа «ART» изучена и апробирована на множестве репрезентативных групп в Норвегии, Англии, Нидерландах, Канаде, Швеции и некоторых штатах США. К тому же она была внедрена в школах, тюрьмах и учреждениях других стран, таких как Финляндия, Дания, Исландия, Турция, Литва и Австралия. Развитие программы осуществляется под руководством международного центра «ART», представителей прав-

ления университетов и высших учебных заведений, а также других организаций различных стран.

В рамках российско-норвежского проекта в настоящее время апробация программы осуществляется в исправительных учреждениях ФСИН России: Архангельской воспитательной колонии УФСИН России по Архангельской области (несовершеннолетние осужденные мужского пола), Рязанской воспитательной колонии УФСИН России по Рязанской области (несовершеннолетние осужденные женского пола), а также исправительной колонии № 6 УФСИН России по Рязанской области (осужденные молодежного возраста мужского пола).

Занятия проводят сотрудники, прошедшие специальную подготовку. Программа обучающего курса предполагает три этапа, последний из которых представляет собой демонстрацию умений тренеров, подготовку и сдачу зачетов и квалификационного экзамена. В качестве сертифицированных тренеров в основном выступают сотрудники психологической лаборатории; в Архангельской воспитательной колонии к проведению занятий по программе привлекаются сотрудники и других служб, непосредственно занятых в работе с осужденными (отдела социально-педагогической работы с осужденными, группы учета трудового стажа осужденных и др.).

Совместно с норвежскими тренерами был составлен примерный план реализации программы «АРТ» в исправительных учреждениях, разработана модель проекта внедрения, определены необходимые мероприятия, установлены сроки проведения, назначены ответственные сотрудники, составлены списки осужденных, участвующих в тренингах, из числа которых сформированы экспериментальные и контрольные группы.

Подготовленные тренеры отмечают, что благодаря программе «АРТ» молодые люди учатся лучше анализировать социальные ситуации, осваивают большой спектр альтернативных действий в стрессовых ситуациях и таким образом приобретают способность находить оптимальные решения жизненных проблем.

В настоящее время реализация программы «АРТ» в исправительных учреждениях ФСИН России находится на этапе оценки эффективности: изучается результативность проведенных занятий, осуществляется повторное тестирование, подведение итогов работы. Из предварительно полученных данных можно сделать вывод о некотором уменьшении агрессии у участников: отмечается снижение уровня вербальной

агрессивности, мстительности, неуступчивости, поведение воспитуемых изменяется и становится более позитивным.

Вместе с тем в ходе реализации программы выявлен ряд трудностей как организационного, так и содержательного плана, которые не позволяют в полной мере осуществлять воспитательную работу в том формате, в котором она рекомендована норвежскими коллегами. Так, по требованию авторов занятия должны осуществляться при обязательном участии двух тренеров: главного тренера и тренера-напарника. Получается, что если один сотрудник отсутствует, то второй не имеет право проводить работу. Данное условие значительно затрудняет соблюдение графика проведения занятий.

При реализации программы сотрудники также столкнулись и с проблемой временной организации: в какое время проводить запланированные занятия? должны ли они отражаться в расписании? и т.д. Дело в том, что осужденные заняты в учебном процессе, на производстве, в отношении их регулярно проводятся режимные мероприятия и т.д. В ходе эксперимента сотрудникам приходилось отзывать осужденных с учебных занятий, обращаться с просьбой о внесении изменений в график работы осужденных, занятых на производстве, и т.д., что создавало большие трудности для жизнедеятельности учреждения. Поэтому проведение занятий чаще всего осуществлялось только в выходные или каникулярные дни.

Все без исключения тренеры считают, что для объективной оценки проведенной работы двух предложенных анкет (оценка проблемного проведения и оценка позитивного поведения), заполнение которых предусмотрено сотрудниками, явно недостаточно. В связи с этим в каждом исправительном учреждении подбирается свой пакет диагностического инструментария для оценки эффективности программы «АРТ», что также крайне неудобно. Так, при проведении экспериментального исследования в различных исправительных учреждениях были использованы «Личностный опросник агрессивности Басса – Дарки», тест руки Э. Вагнера «Hand Test», «Личная агрессивность и конфликтность» Е.П. Ильина и П.А. Ковалева, «Оценка интегральных форм коммуникативной агрессивности» В.В. Бойко, рисуночный проективный тест «Несуществующее животное».

Среди проблем, с которыми столкнулись ведущие тренеры программы, было и то, что, например, в Рязанской воспитательной колонии занятия в группе осужденных, находящихся в облегченных условиях от-

бывания наказания, отличались активностью их участниц и наличием с их стороны определенного интереса к освоению новых навыков и социальных умений (это объясняется стремлением осужденных к условно-досрочному освобождению и мотивацией на формирование положительных моделей поведения), тогда как проведение занятий в группе осужденных, находящихся в обычных условиях отбывания наказания, было осложнено, так как вновь прибывшие и те, кому назначен большой срок, проявляли явный негативизм, отказываясь работать на занятиях и участвовать в ролевых играх.

Невозможно, по мнению тренеров, осуществить и «генерализацию» программы, то есть внедрить ее в повседневную деятельность учреждения. Программа требует индивидуального подхода к ее участникам, но в условиях большой численности спецконтингента и большого количества сотрудников, непосредственно с ним работающих, это представляет большую трудность. Так, в рамках генерализации программы «ART» психологами ИК-6 УФСИН России по Рязанской области были проведены занятия с сотрудниками отдела воспитательной работы с осужденными. Предложенная программа не нашла у них должного понимания и не вызвала положительного отклика.

Не представляется возможным также в условиях исправительного учреждения заполнение участниками программы «Дневников гнева» и оформление предлагаемых домашних заданий. Осужденные проявляют ненужный интерес к записям друг друга, пытаются оказать влияние при выполнении заданий и т.д. В связи с этим данная работа ведется только в устной форме и носит рекомендательный, а не обязательный характер. Некоторые занятия требуют также содержательной коррекции с учетом специфики российской ментальности и организации отбывания наказания в учреждениях ФСИН России.

Несмотря на возникающие трудности, сотрудники отмечают, что в целом программа является эффективной, и дают ей положительную оценку: «Данная программа позволяет отработать социально полезные навыки,

а также формирует предпосылки для лучшего эмпатического восприятия тех, с кем участницы находятся в тесном взаимодействии» (Архангельская ВК УФСИН России по Архангельской области), «Немаловажным является тот факт, что осужденные дали положительные отзывы о программе воспитателю и другим осужденным. Многие осужденные в облегченных условиях отбывания наказания выразили желание работать по ней» (Рязанская ВК УФСИН России по Рязанской области), «Простота и доступность изложения материала позволяет участникам лучше понимать свои внутренние переживания, а участие в ролевых играх дает им ощущение раскрепощенности и непосредственности» (ИК № 6 УФСИН России по Рязанской области).

Для дальнейшего внедрения программы в воспитательный процесс пенитенциарных учреждений необходимо обеспечить нормативно-правовую основу работы: программа должна быть внесена в общий план работы исправительного учреждения, занятия должны быть отражены в распорядке дня и т.д. Представляется важным и то, чтобы сотрудник-тренер имел определенный жизненный и профессиональный опыт, обладал такими качествами, как быстрая реакция на неоднозначные высказывания участников, чувство юмора, а главное, сам был увлечен воспитательным процессом и хорошо владел программным материалом.

Сегодня в России имеется множество разработанных и апробированных программ, направленных на снижение агрессии³, но, к сожалению, они не «раскручены», непопулярны, носят рекомендательный характер, и, как правило, сотрудники знакомы с ними большей частью только поверхностно.

Таким образом, «ART-метод тренировки социальной компетенции» занимает достойное место среди программ данного профиля и при его адаптации к условиям отечественных исправительных учреждений может использоваться в работе с несовершеннолетними осужденными и осужденными молодого возраста, выступать основой воспитательной работы социальных педагогов и психологов воспитательного центра.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кононец А.С. и др. Профилактика агрессивного поведения несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы: Метод. рекомендации. М., 2007. С. 10–11.

² См.: Колесникова З.А., Штефан Е.Ф. Снижение агрессивности у лиц, осужденных за насильственные преступления к наказаниям, не связанным с лишением свободы: Психокоррекционная программа. Вологда, 2012. С. 32.

³ См.: Психологическое сопровождение и способы коррекции эмоционально не регулируемого поведения под-

¹ Sm.: Kononec A.S. i dr. Profilaktika agresivnogo povedenija nesovershennoletnih, osuzhdennyh k lisheniju svobody: Metod. rekomendacii. M., 2007. S. 10–11.

² Sm.: Kolesnikova Z.A., Shtefan E.F. Snizhenie agressivnosti u lic, osuzhdennyh za nasil'stvennye prestuplenija k nakazaniyam, ne svjazannym s lisheniem svobody: Psihokorrekcionnaja programma. Vologda, 2012. S. 32.

³ Sm.: Psihologicheskoe soprovozhdenie i sposoby korrekcii jemocional'no ne reguliruемого povedenija podrozkov / Avt.

ростков / Авт. кол. под рук. Э.В. Леус. Архангельск, 2012; Саморегуляция поведения и коррекция неэффективного совладающего поведения у подростков / Авт. кол. под рук. Э.В. Леус. Архангельск, 2012; Колесникова З.А., Штефан Е.Ф. Снижение агрессивности у лиц, осужденных за насильственные преступления к наказаниям, не связанным с лишением свободы; Дорошенко И.С., Панова О.Б., Фетисова Н.Е. Формирование эмпатийного поведения у осужденных за насильственные преступления: Практик. рекомендации. Вологда, 2012; Профилактика агрессивного поведения несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы. М., 2007 и др.

kol. pod ruk. Je.V. Leus. Arhangel'sk, 2012; Samoreguljacija povedenija i korekcija neeffektivnogo sovladajuwegopovedenija u podroستkov / Avt. kol. pod ruk. Je.V. Leus. Arhangel'sk, 2012; Kolesnikova Z.A., Shtefan E.F. Snizhenie agressivnosti u lic, osuzhdennyh za nasil'stvennye prestuplenija k nakazanijam, ne svjazannym s lisheniem svobody; Doroshenko I.S., Panova O.B., Fetisova N.E. Formirovanie jempatijnogo povedenija u osuzhdennyh za nasil'stvennye prestuplenija: Prakt. rekomendacii. Vologda, 2012; Profilaktika agressivnogo povedenija nesovershennoletnih, osuzhdennyh k lisheniju svobody. M., 2007 i dr.

Психологическая помощь осужденным к пожизненному лишению свободы: современное состояние, проблемы и перспективы

А.Н. БАЛАМУТ – доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

В статье описывается современное состояние, проблемы и перспективы оказания психологической помощи осужденным с пожизненными сроками лишения свободы. Рассматриваются особенности адресного оказания психологической помощи клиенту с учетом индивидуально-психологических и иных характеристик личности в условиях пожизненного лишения свободы.

Ключевые слова: психологическая помощь; уголовная превенция; осужденные к пожизненному лишению свободы.

Psychological help the prisoners sentenced to life imprisonment: current status, problems and prospects

A.N. BALAMUT – docent of the organization of psychological services in the penal system department, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, docent

This article describes the current status, problems and prospects of psychological assistance the prisoners sentenced to life imprisonment. The features of address provide psychological support to the client with the individual psychological and other characteristics of personality in conditions of life imprisonment.

Key words: psychological help; criminal prevention; the prisoners sentenced to life imprisonment.

В последнее время большинство цивилизованных стран постепенно приходят к осознанию так называемого «кризиса наказания», кризиса уголовной и уголовно-исполнительной политики, необходимости активного включения общества и общественных институтов в процесс поиска новых подходов и форм воздействия.

Ужесточение уголовной политики в отношении лиц, совершающих преступные

деяния, и отношение общества к данному явлению характеризуют состояние и самого общества. Нами разделяется позиция Я.И. Гилинского о том, что человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов (неэффективность общей превенции). При этом данный автор ссылается на работы Т. Матисена (1974 г.), убедительно показавшего, что уровень рецидива относительно

стабилен для каждой конкретной страны и не снижается, что свидетельствует и о неэффективности специальной превенции¹. Рассматривая в общем виде уголовную превенцию, можно утверждать, что это многоуровневая система государственных и общественных мер, которые направлены на устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий, способствующих совершению преступлений. Вопрос об эффективности данной системы остается открытым.

В настоящее время институт пожизненного лишения свободы является самым суровым видом наказания в России, применяемым к наиболее социально опасной категории осужденных, ввиду особых условий их содержания, длительности срока отбывания наказания, режимных ограничений и т.д. Наличие строгих, обычных и облегченных условий является одним из элементов прогрессивной системы отбывания наказания. Прогрессивная система подразумевает прямую зависимость между условиями отбывания наказания и поведением осужденного, то есть чем лучше ведет себя осужденный, тем в более льготных условиях он может находиться, с учетом временных характеристик перехода из одних условий в другие, определенных законодателем. Однако вопрос об эффективности временных характеристик перевода осужденного из одних условий в другие (после отбытия не менее 10 лет), а также вопрос о представлении осужденного пожизненно к условно-досрочному освобождению по истечении 25 лет пребывания в камерных условиях являются дискуссионными. В этой связи необходима серьезная проработка данных аспектов с редактированием ряда статей УИК РФ и разработкой юридико-психологических комментариев к УИК РФ, разъясняющих содержательную сторону поправок, что способствовало бы достижению целей наказания – исправлению и ресоциализации осужденных.

В зарубежных и отечественных психологических исследованиях отмечается негативное влияние длительной изоляции на психику человека, способное вызвать необратимые процессы и стать тотальным для личности. Так, для большинства осужденных к пожизненному лишению свободы характерным является высокий уровень конфликтности, заболеваемости, отсутствие ясных целей на будущее и мотивации на исправление. В суицидальном плане это одна из наиболее проблемных категорий лиц, что

не может не вызывать беспокойство и тревогу².

Постепенное увеличение численности осужденных к пожизненному лишению свободы и тех, кому смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы, актуализирует перед общественностью вопросы психологического сопровождения лиц данной категории и профессионально-психологической подготовки персонала для работы с ними.

К настоящему времени осужденные имеют право на получение психологической помощи, оказываемой сотрудниками психологической службы исправительного учреждения и иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи непосредственно с согласия самих осужденных (ч. 6.1 ст. 12 УИК РФ). Данная часть была введена федеральным законом от 08.12.2003 г. № 161-ФЗ.

При проведении коррекционных психологических программ (индивидуальная и групповая формы) с осужденными в условиях изоляции от общества необходимо учесть некоторые особенности. Так, Б.Д. Карвасарским отмечается, что пенитенциарная среда создает крайне неблагоприятные условия для применения обычных методов психотерапии (отсутствие возможности формирования психотерапевтического отношения)³.

В связи с этим возникает необходимость в разработке и адаптации специального комплекса методов и приемов, а также оптимальной технологии оказания психологической помощи осужденным различных категорий с учетом условий и особенностей пенитенциарной среды.

При анализе проведенного фокусированного интервью сотрудников исправительного учреждения, исполняющего данный вид наказания (Пермский край, Вологодская область), были выделены:

1) проблема организации времени в работе с данной категорией лиц (ограниченность оказания индивидуальной и групповой психологической помощи) ввиду «камерных» условий, установленного распорядка дня осужденных и их социальной опасности;

2) проблема сочетания комплекса психолого-педагогических мер и соблюдаемых мер безопасности при работе с осужденными;

3) сложность в организации обучения осужденных к пожизненному лишению свободы, не имеющих базового среднего образования;

4) проблема своевременного оказания психологической помощи осужденным пожизненно;

5) сложность обеспечения трудовой деятельности;

6) высокий уровень конфликтности среди осужденных, обусловленный «камерными» условиями, длительностью изоляции и иными факторами;

7) ощущение бесперспективности своего существования, периодически испытываемое осужденными и особенно остро переживаемое на первоначальном этапе отбывания наказания, и др.

Жесткая установка сотрудников исправительного учреждения также влияет на эффективность работы, проводимой по всем направлениям с данной категорией лиц. Она может вызывать сопротивление, внутренний протест, негативизм, что, формируясь годами, способно привести к агрессивному, зависимому и саморазрушающему поведению осужденных к пожизненному лишению свободы⁴.

В целях минимизации негативного влияния, враждебности, негативизма, противостояния в отношениях «сотрудник – осужденный» представляется важным проведение комплекса мероприятий, направленных на реализацию основной стратегии – «сотрудничества» во взаимоотношениях между сотрудником и осужденным через «партисипативное» соучаствующее управление, где в рамках специализированных психотренинговых занятий особое внимание обращается на развитие у персонала исправительного учреждения личностно-коммуникативных характеристик и овладение приемами антиманипулятивного, ненасильственного, диалогического общения.

В настоящее время определений психологической помощи в зарубежной и отечественной психологии достаточно много, но их объединяет то, что сферой применения и объектом воздействия остается человек во взаимодействии с окружающей средой. Под психологической помощью в общем виде понимается возможность выбора (осознанное размышление), к которому мы подводим осужденного в данных обстоятельствах и условиях (какой он есть в настоящий момент времени? каким он может быть? как поступать? как жить дальше?). Часто осужденные не могут понять себя и стараются не думать об этом, и от этого их страдания еще сильнее, но от осознанного выбора будет зависеть мироощущение и качество самой жизни даже в таких, казалось бы, гиперэк-

стремальных условиях, как пожизненное лишение свободы. И положительных примеров тому очень много.

При оказании психологической помощи на первый план, по нашему мнению, должны выступить научно обоснованные и апробированные психотехники и экспресс-методики, в том числе и методы визуальной психодиагностики (наблюдение, беседа), позволяющие всесторонне изучить и обозначить имеющиеся у конкретного осужденного затруднения. Однако сами по себе психодиагностические и коррекционные методики будут менее эффективны, если помогающий специалист не имеет достаточного опыта работы с данными методиками и не обладает развитым профессиональным чутьем, позволяющим сохранить индивидуальный подход и вариативность в каждом конкретном случае.

Однако следует отметить, что сама по себе психологическая помощь будет менее эффективной, если не учтен комплексный характер проводимых мероприятий, в том числе и своевременное оказание других видов помощи (социальной, педагогической, медицинской и т.д.), на различных этапах отбывания наказания с учетом индивидуально-психологических особенностей и психолого-педагогической запущенности различных категорий осужденных.

Важно учиться самостоятельно преодолевать возникающие затруднения, уметь владеть собой, сохранять автономность своего поведения в заданных условиях, стремиться конструктивно разрешать внутренние и внешние противоречия, а для этого необходимы терпение, настойчивость, желание и постоянство в стремлении становиться чуть лучше каждый день. Стремление к самопознанию можно отметить у 22% осужденных к пожизненному лишению свободы, оно выражается в следующих высказываниях: «научиться лучше понимать себя и окружающих, научиться любить даже тех, к кому испытываешь неприязнь, научиться не идти на поводу у своих плотских похотей»; «стать выдержаннее, научиться контролировать себя в любой ситуации»; «во мне чересчур много негатива и нетерпимости, невоздержанности»; «недоверие к администрации и сокамерникам из-за вечного страха быть обманутым, наказанным, поруганным, незащищенным» и т.д.

В целом необходимо отметить важность оказания психологической помощи и поддержки осужденным с пожизненными сроками отбывания наказания при формировании помогающих отношений в триаде

«сотрудник – психолог – осужденный», где психолог выполняет роль связующего звена, уравнивающего две полярности и позволяющего осознать как сотрудниками, так и осужденными необходимость конструктивного построения межличностных отношений с позиции «другой – ценность» на основе взаимного уважения и сотрудничества. В связи с этим очень важно знать, что только на основе осознанной убежденности сотрудников ИУ в возможности исправления осужденного и принятия его как личности можно действительно приблизиться к полноценной, долговременной и эффективной реализации психокоррекционных программ и моделей в местах лишения свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2009. С. 405.

² См. подр.: Баламут А.Н. Осужденные к пожизненному лишению свободы и пути оказания им психологической помощи: Моногр. М., 2009, С. 4.

³ См.: Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского. СПб., 2006. С. 445.

⁴ См. подр.: Баламут А.Н. Актуальные вопросы оказания психологической помощи осужденным с пожизненными сроками отбывания наказания // Государственная политика в области назначения и исполнения уголовных наказаний: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 20–21 ноября 2008 г.): В 2 ч. Вологда, 2008. Ч. 1. С. 249–250.

⁵ См.: Психологическая помощь и консультирование в практической психологии / Под общ. ред. М.К. Тутушкиной. СПб., 1998. С. 7–9.

Таким образом, оказание помощи и поддержки человеку в решении проблем, связанных с психическим здоровьем, но не с психопатологией, формирование умения выходить из психологических кризисов, управлять своим поведением, эмоциями, мыслями позволяют достичь положительного эффекта при условии самостоятельного стремления решать возникающие проблемы. А это возможно благодаря стремлению к пониманию смысла собственного существования. Это тот импульс, который, по мнению М.К. Тутушкиной, побуждает нас к жизни, самораскрытию и самовыражению⁵. Кто я такой? зачем живу? какой может и должна быть моя жизнь? – вот вопросы, стоящие перед теми, кто не хочет плыть по течению.

¹ См.: Gilinskij Ja.I. Kriminologija: teorija, istorija, jempiricheskaja baza, social'nyj kontrol'. SPb., 2009. S. 405.

² См. подр.: Balamut A.N. Osuzhdennyje k pozhiznennomu lisheniju svobody i puti okazanija im psihologicheskoj pomow'i: Monogr. M., 2009. S. 4.

³ См.: Psihoterapevtičeskaja jenciklopedija / Pod red. B.D. Karvasarskogo. SPb., 2006. S. 445.

⁴ См. подр.: Balamut A.N. Aktual'nye voprosy okazanija psihologičeskoj pomow'i osuzhdennym s pozhiznennymi srokami otbyvanija nakazanija // Gosudarstvennaja politika v oblasti naznachenija i ispolnenija ugovolnyh nakazanij: Sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Vologda, 20–21 nojabrja 2008 g.): V 2 ch. Vologda, 2008. Ch. 1. S. 249–250.

⁵ См.: Psihologičeskaja pomow' i konsul'tirovanie v praktičeskoj psihologii / Pod obw. red. M.K. Tutuškinoj. SPb., 1998. S. 7–9.

Возможности социальной работы в разрешении конфликта между оказанием помощи осужденным и контролем за их поведением в УИС

Ш. ШНУРР – профессор Института исследований социальных услуг детям и молодежи Высшей школы социальной работы Северо-Западной Швейцарии (FHNW), доктор наук

В статье рассматриваются задачи социальной работы в уголовно-исполнительной системе в контексте помощи и контроля как базовых ее функций. Особое внимание уделено описанию специфики правозащитной деятельности в структуре пенитенциарной социальной работы.

Ключевые слова: права человека; правовое государство; уголовно-исполнительная система; социальная работа в уголовно-исполнительной системе.

Some possibilities of social work within penal system directed to solving conflict between aid to the convicted and supervision of their behavior

S. SCHNURR – doctor of sciences, professor, Higher School of Social Work of North – Western Switzerland (FHNW), Institute for Social Work Institute for Studies in Children and Youth Services

In this article the author identifies main tasks of social work in the penal system within aid and control as its basic functions. Special attention is paid to description of legal activity peculiarities in the structure of penitentiary social work.

Key words: human rights; legal state; criminal – executive system; social work within penal system.

Конфликт между функциями помощи и контроля в уголовно-исполнительной системе выражен наиболее ярко.

УИС целенаправленно создает ситуацию повышенного контроля: повседневные будни осужденных строго регламентированы, их автономия сильно ограничена. Можно ли в таком случае вообще говорить о конфликте между помощью и контролем в контексте работы с ними? В чем состоит «помогающая» роль социальной работы? Может ли социальная работа в уголовно-исполнительной системе содействовать автономии осужденных? Не нарушает ли социальная работа свои этические принципы, реализуясь в системе, ориентированной на контроль и основанной на нем?

Обратимся к более подробному рассмотрению этих вопросов.

В обществах, построенных на принципах правового государства, право свободы и его защита закреплены как основные неотъемлемые права, которые являются принципиально нерушимыми. Так, право гражданина на свободу (закключающееся в свободе передвижения, праве выбора места прожи-

вания) может быть ограничено только определенными, начинающими действовать с конкретного момента условиями, как правило уголовным правом, которое регулирует законные ограничения прав граждан на свободу. Лишение свободы как наказание следует, если гражданин грубейшим образом нарушил закон.

Уголовное право определяет, какие деяния являются криминальными («наказуемые деяния») и в какой степени они должны быть наказаны («мера наказания»). Деятельность уголовно-правовых систем правовых государств осуществляется согласно принципам:

- соразмерности (тяжесть преступления должна соответствовать тяжести наказания);
- недопустимости наказания без правовых оснований (*nulla poena sine lege*¹);
- прозрачности процесса выяснения обстоятельств дела;
- независимости обвинителя, защитника и судьи;
- возможности перепроверки и обжалования приговора о наказании.

Если следовать идее правового государства, уголовное наказание в виде лишения свободы становится не актом возмездия, а средством осуществления правопорядка: «Призванное на защиту прав наказание не оправдывает себя ни с точки зрения превентивности, ни как средство регулирования рисков для общества... Оно не является элементом модели “контроля преступлений”, которая склоняется к тому, чтобы превратить преступника в объект (социально-технологический) борьбы с преступностью... Если наказание само по себе вообще оправдывает себя на основе общего права и индивидуальных прав, а не на основе предположений, что для общественности хорошо»².

Даже если на первый взгляд это звучит парадоксально, лишение свободы всегда является выражением признания преступника гражданином государства. В уголовном правосудии правового государства ограничивается исключительно основное право на свободу гражданина (ясно определены границы), в то время как другие права остаются нетронутыми. В правовом государстве лишение свободы ни в коем случае не должно повлечь за собой ограничение или приостановление права на жизнь, неприкосновенность, здоровье и образование.

Конституция Российской Федерации определяет наряду с другими следующие основные права:

- «каждый имеет право на жизнь» (ст. 20);
- «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам» (ст. 21);
- «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность» (ст. 22);
- «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь» (ст. 41);
- «каждый имеет право на образование» (ст. 43).

В этих положениях содержится основа для определения целей социальной работы в уголовно-исполнительной системе, совместимых с этическими обязательствами социальной работы. Итак, пенитенциарная социальная работа должна быть ориентирована на защиту достоинства осужденного и обеспечение его основных прав на личную неприкосновенность, здоровье и образование. Следовательно, организация

и осуществление социальной работы в уголовно-исполнительной системе исходят из необходимости контроля за условиями отбывания наказания и признания (символического и практического) осужденного как гражданина государства и носителя основных прав. Конкретно это выражается в следующем:

- в защите осужденного от нападений или посягательств (других осужденных или сотрудников ИУ);
- обеспечении доступности медицинских услуг и контроле за его здоровьем;
- предоставлении возможности получения образования, отвечающего потребностям осужденного.

Перечисленные направления деятельности при этом следует рассматривать как минимальные достижения, которые, ориентируясь на создание условий для самостоятельной жизни в рамках закона, можно расширить.

В таком контексте социальная работа в уголовно-исполнительной системе становится «помощью в основных правах»³ в условиях, где реальное обеспечение основных прав гражданина особым образом подвергается опасности.

Учреждения уголовно-исполнительной системы – это особая жизненная среда, характеризующаяся высоким риском. Ограничение свободы передвижения лиц, отбывающих наказание, создает условия сосредоточения большого количества осужденных различных групп. Субкультурные структуры власти, насильственные нападения, ритуалы подчинения, изнасилования, употребление наркотиков и многочисленные другие явления, опасные для личностной интеграции, а также ее психического и физического здоровья, – все это концентрируется в тюрьмах и превращает пенитенциарную систему в особый общественный мир, радикально противоречащий идее лишения свободы в правовом государстве.

В таких условиях перед социальной работой стоит задача напоминать об идее гуманного исполнения наказания, выявлять жалобы осужденных и их потребности, а также укреплять такие правила совместной жизни, которые как минимум согласуются с идеей человеческого достоинства.

В условиях, когда автономия осужденных ограничена временно, задачей социальной работы становится обеспечение условий сохранения (или даже улучшения) возможностей осужденных для самостоя-

тельного ведения правопослушного образа жизни в рамках закона после освобождения. Жизнь, здоровье и достоинство, таким образом, приобретают статус главных благ и предпосылок для отложенной (на постепенциарный период) реализации автономии. В контексте уголовно-исполнительной системы задача социальной работы по содействию автономии может быть приостановлена, но ни в коем случае не отменена.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Принцип законности. Впервые в уголовном праве был сформулирован Ансельмом Фейербахом в УК Баварии 1813 г. в виде требования, чтобы наказания назначались только за предусмотренные действующим уголовным законом преступления и только на основании действующего уголовного закона (Nullum crimen, nulla poena sine praevia lege poenali, часто цитируется в форме nullum crimen sine lege i nulla poena sine lege).

² Ziegler H. Jugendhilfe als Prävention: die Refiguration sozialer Hilfe und Herrschaft in fortgeschritten liberalen Gesellschaftsformationen: Dissertation. Fakultät Pädagogik. Bielefeld, 2004. S. 746.

³ Там же. S. 717.

Исходя из предположения, что ограничение свободы является законным, но его фактическая реализация в учреждениях уголовно-исполнительной системы создает сложности, при которых нарушаются гарантированные Конституцией Российской Федерации основные права, задачей пенитенциарной социальной работы становится прежде всего гарантирование основных прав.

¹ Princip zakonnosti. Vpervye v ugovnomn prave byl sformulirovan Ansel'mom Fejerbahom v UK Bavarii 1813 g. v vide trebovanija, chtoby nakazanija naznachalis' tol'ko za predusmotrennye dejstvujuvum ugovnym zakonom prestuplenija i tol'ko na osnovanii dejstvujuwego ugovnogo zakona (Nullum crimen, nulla poena sine praevia lege poenali, chasto citiruetsja v forme nullum crimen sine lege i nulla poena sine lege).

² Ziegler H. Jugendhilfe als Prävention: die Refiguration sozialer Hilfe und Herrschaft in fortgeschritten liberalen Gesellschaftsformationen: Dissertation. Fakultät Pädagogik. Bielefeld, 2004. S. 746.

³ Там же. S. 717.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

Научно-инновационная деятельность: понятие, основные направления, результаты и ценности

Г.Н. ОБОТУРОВА – профессор кафедры философии Вологодского государственного педагогического университета, доктор философских наук, профессор

В статье рассматриваются понятия «новация» и «инновация», основные направления научно-инновационной деятельности в условиях сетевого общества, конвергенции технологии и науки, «академического капитализма», технологических рисков, приводящих к необходимости осознания и практической реализации ценностно-рациональной деятельности и разработки глобально-региональных моделей модернизации.

Ключевые слова: новация; инновация; сетевое общество; научно-технологическая конвергенция; технонаука; «академический капитализм»; технологические риски; ценностно-рациональное действие; глобально-региональные модели модернизации.

Research and innovation: concepts, basic trends, results and values

G.N. OBOTUROVA – professor of philosophy department, Vologda State Pedagogical University, doctor of philosophy, professor

The article analyzes the relationship between the concepts novation, innovation, key directions of innovation in the network society, the convergence of technology and science, «academic capitalism», technological risks, leading to the need for understanding and implementation of value-rational action and developing a global-regional model modernization.

Key words: novation; innovation; network society; scientific and technological convergence; technoscience; «academic capitalism»; technological risks; value-rational action; global-regional model of modernization.

Словосочетание «научно-инновационная деятельность» является сегодня наиболее часто употребляемым в научных текстах. Интуитивно каждый понимает о чем идет речь – о чем-то новом, научном, влияющем на нашу жизнь, настоящее и будущее человечества. Однако работ, посвященных анализу понятий «новация», «инновация», «научно-инновационная деятельность», специфике их трансформации в контексте глобальных изменений в современном мире, явно недостаточно, что делает заявленную тему исследования актуальной и значимой.

Инновации в культурологическом смысле слова определяются как «акты нововведений и изменений в культуре (науке, технике и искусстве), которые противостоят следованию образцам поведения и деятельности, связаны с различными скоростями их распространения как внутри определенной культуры, так и за ее пределами, приводя к формированию длительных процессов трансформации культурных образцов, способов жизнедеятельности и стилей культуры»¹. В работах американского социолога Р.К. Мертон инновация рассматривалась

как форма поведения, с помощью которой достигались социально необходимые цели средствами, еще не утвердившимися и не общепризнанными в обществе, а инновационное поведение – как не получившее статус социально значимого института².

В постпозитивистской философии науки 60–70 гг. XX в., в частности в работах Т.С. Куна, Н.Р. Хэнсона, К.Р. Поппера, С.Э. Тулмина, И. Лакатоса, Л. Лаудана, была поставлена проблема анализа научных инноваций и их классификации в виде научных открытий, предположений и опровержений, концептуальных инициатив и изменений, позитивного и негативного сдвига исследовательской программы, решения проблем и др.

Одновременно с этим актуальным становится анализ не только когнитивных, но и социальных инноваций, роли науки, техники, информации, знания как основы процесса модернизации общества, изменения образа жизни, поведения, поступков людей, морали и нравственности, ценностных ориентаций.

Анализу проблем динамики общества в контексте развития науки и техники от аграрного, патриархального, традиционного к техногенному, индустриальному, постиндустриальному, информационному обществу посвящено в зарубежной и отечественной философии большое количество работ³. Так, в начале XX в. немецкий философ и историк О. Шпенглер в своей знаменитой работе «Закат Европы» писал, что никогда еще микрокосм не чувствовал такого превосходства над макрокосмосом. Ничто не может сравниться с этим триумфом, который «свойственен одной-единственной культуре, да и то, возможно, всего лишь на несколько столетий»⁴. Однако именно из-за этого «фаустовский человек» превращается в раба своего собственного творения, так как «машина вытеснила людей и устройство их быта и заставляет идти по пути, на котором невозможно остановиться или повернуть назад»⁵.

В 40-е гг. XX в. в Германии вышла книга немецких философов М. Хоркхаймера и Т.В. Адорно «Диалектика Просвещения», в которой они показали, что вера эпохи гуманизма в социальное равенство и справедливость превращается в очередной миф, так как рост экономической продуктивности, с одной стороны, создает условия для более справедливого мира, с другой – «наделяет технический аппарат и те социальные группы, которые им распоряжаются, безмерным превосходством над остальной частью населения»⁶.

В такой ситуации единичный, конкретный человек перед лицом таких технико-экономических сил полностью аннулируется, он

«исчезает на фоне того аппарата, который он обслуживает»⁷. При этом «жалкое» повышение жизненного уровня низших классов прикрывается притворным распространением духовности Просвещения, подлинной задачей которой является «негация овецствления». В результате духовность превращается в обман и мифотворчество, прогресс оборачивается регрессом, поэтому «Просвещению надлежит осознать самое себя, чтобы человек не оказался окончательно преданным»⁸.

Анализу основных инновационных этапов в развитии западной цивилизации посвящены также многочисленные исследования американского философа, социолога и публициста-футуролога Э. Тоффлера, который в своей работе «Третья волна», говоря о новой, глубоко революционной рождающейся цивилизации, писал, что она бросает вызов всем нашим старым исходным установкам, способам мышления, формулам, догмам и идеологиям, которые не соответствуют больше возникающим новым фактам. Поэтому мир, «который возникает с огромной скоростью из столкновения новых ценностей и технологий, новых геополитических отношений, новых стилей жизни и способов коммуникации, требует совершенно новых идей и аналогий, классификаций и понятий»⁹.

В одной из своих последних работ «Революционное богатство» Э. Тоффлер утверждает, что если вторая волна в развитии европейской цивилизации в виде промышленной революции, индустриализации, новой технологии и экономики привела к убеждению, что «культура, религия, искусство вторичны и – по Марксу – определяются экономикой»¹⁰, то «революционное богатство» третьей волны, все более зависящее от знания, поставило экономику на подобающее ей место во всеобъемлющей системе, которая «выдвигает снова на передний план культурную идентичность, религию и мораль»¹¹.

В отечественной философии проблемам научно-инновационной деятельности техногенной цивилизации также посвящено большое количество работ, в частности В.С. Степина, В.А. Лекторского, В.Л. Иноземцева, В.Г. Федотовой, В.А. Колпакова, Б.Г. Юдина и др., признающих, что «именно наука порождает те высокие технологии, все более широкое распространение которых и является в наши дни основным фактором экономического роста в развитых странах»¹². Однако, как справедливо утверждает В.Г. Федотова, «сегодня произошла смена лексики научных текстов, в результате которой возникло злоупотребление словами "инновация", "проект"»¹³.

Действительно, основные этапы развития западного общества от аграрного, традиционного до современного, постиндустриального можно рассматривать не в качестве инноваций, а лишь в качестве модерна, новации, прекращения «действия старого обязательства в силу замены его новым, составленным на других условиях»¹⁴, как реализацию «незавершенного проекта модерна» эпохи Просвещения. Говоря о том, что содержание понятия «модерность», или «принадлежность к современности», менялось, Ю. Хабермас писал, что «оно искони выражало сознание эпохи, соотносящей себя с античным прошлым в ходе осмысления себя самой – как результат перехода от старого к новому»¹⁵.

Итак, новации применительно к европейской истории – это переход от старого, патриархального, традиционного общества к новому, техногенному, постиндустриальному, информационному, в котором наука и ее производственное применение играют решающую, определяющую роль. Это, конечно, новация, но не инновация, не коренное, не качественное изменение соотношения науки, технологии, производства, их роли в экономической, социальной, политической, моральной, нравственной, ценностно ориентированной сферах жизни общества.

Для того чтобы в развитии общества произошли не только новации, но и инновации, необходимо, чтобы старое не просто включалось, переходило в новое, а менялось кардинально. В этом и состоит смысл латинской частицы «in» («ин»), которая переводится не просто как «в», то есть вхождение, внедрение нового в старое, но и как коренное отрицание нового старым.

Думается, что к таким инновациям, не просто переводящим общество с одной ступени развития на другую, а меняющим его кардинально, относятся такие процессы, как возникновение сетевого общества; конвергентное соотношение технологии и науки; возникновение на этой основе технонаукосистем; взаимопереход искусственного, машинного и естественного, биологического; возникновение нанотехнонауки; глобально-региональное моделирование как приобщение стран и народов к общему, единому, глобальному с сохранением культурно-национальной идентичности; наконец, осознание необходимости ценностной ориентации научно-инновационной деятельности как условия сохранения не только цивилизации, но и среды обитания, планеты Земля в целом.

Таким образом, одним из основных факторов современной научно-инновационной деятельности является внедрение новых се-

тевых информационных технологий во все сферы развития общества и международных отношений (экономических, социальных, политических, финансовых, систему образования и воспитания). Именно это и привело к возникновению не просто новационного, постиндустриального этапа в развитии общества, а кардинально иного, инновационного, сетевого общества как «совершенно нового качества социальной коммуникации, стремительным образом трансформирующего институты и практики современного общества»¹⁶. Речь в данном случае идет не просто о перенесении технических понятий в сферу социальной науки, а об изучении новых социальных явлений, находящихся на стыке информатики и социологии.

Внедрение во все сферы жизни общества компьютерных сетевых технологий, которые представляют собой новый способ транспортировки информации и ее обработки, приводит к очевидным и существенным изменениям в таких социальных областях, как «финансовые рынки, рынки труда, корпорации, группы по интересам, система обмена информацией и масс-медиа»¹⁷. При этом пределом, атомом общества становится не индивид, а «сообщения», из которых складывается жизнь индивидов, институтов, классов, а пространство начинает измеряться не расстояниями, а потоками, время отсчитывается не числами, а событиями.

Сетевое общество, как никогда ранее, обнажает информационную сущность финансового капитала, представляющего собой «информацию о ресурсах, которые могут рассчитываться, обмениваться, перемещаться»¹⁸. Это создает базу и основу не только для позитивных, но и негативных последствий – финансовых кризисов, новых, сетевых форм преступлений в виде хакерских атак, информационных, компьютерных форм обмана, ограбления, наживы и т.д. В связи с этим для осмысления поистине инновационных сетевых явлений общества XXI в., новой «социальной оптики» необходимо пересмотреть понятия и подходы к классической социальной теории, тем более что теория сетей не отменяет эти подходы, а обогащает их.

Другим качественно новым явлением современного инновационного процесса является формирование иного, не линейно-последовательного, а конвергентного взаимоотношения фундаментальной науки, технологии, возникновение на этой основе таких явлений, как технонаука, техносистемы, их внедрение в глубинную взаимосвязь физического и биологического в виде появления нанотехнонауки, нанотехносистем.

Существовавшая долгое время и считавшаяся правильной «линейная» модель взаимосвязи фундаментальной науки как основы и источника технологических новаций «в настоящее время подавляющим большинством исследователей считается неверной»¹⁹. Сегодня признается, что традиционная причинная взаимосвязь науки и технологии может переворачиваться – «уже не наука питает технологию, а технология ставит перед наукой задачи и сама выступает источником развития науки; затем, когда основные проблемы решены, потребность их взаимодействия уменьшается, и они вновь начинают развиваться относительно самостоятельно»²⁰.

Эта «относительная самостоятельность» технологии, ее коммерциализация, когда от современной науки общество и государство требуют скорейших коммерческих и технологических результатов, приводит к таким отрицательным тенденциям, как появление «академического капитализма», деформация социального института науки, превращение научных исследований в коммерческое предприятие, реализация «узкокорпоративных интересов отдельных социальных групп, которые могут сознательно подтасовывать результаты исследований»²¹.

Для преодоления этих негативных инновационных вызовов современного общества необходимы, прежде всего, философское осмысление инновационных процессов, затрагивающих науку и технику, и на основе этого разработка программ государственного регулирования соотношения науки и технологии в условиях их глобализации, коммерциализации, технологических вызовов и рисков.

Проблема «технологических рисков» как результат научно-инновационной деятельности в техногенной цивилизации находится в центре внимания современной философии науки. Такие продукты научно-технического прогресса, как атомные электростанции, химические заводы, генно-инженерные исследования и разработки, появление «космического мусора», участвовавшие техногенные катастрофы, неизбежно приводят к тому, что «сегодня проблематика технологических рисков стала одной из самых важных проблем не только многих научных и технических дисциплин, но и современного общества в целом»²². Однако предотвращение и преодоление негативных последствий и рисков техногенной цивилизации невозможно без осознания необходимости ценностных ориентаций научно-инновационной деятельности, ибо в «стратегиях деятельности со сложными, че-

ловекообразными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целе-рационального и ценностно-рационального действия»²³.

Необходимость ценностной переориентации научно-инновационной деятельности, ее социальной направленности является результатом «резко изменившихся условий развертывания компьютеризации; массивного вытеснения человека из сферы производительного труда, изменения характера последнего, несбывшихся надежд на компенсирование наносящей личности ущерб односторонности производственной деятельности «многосторонним развитием» и «расцветом» личности в сфере досуга»²⁴.

Необходимость ценностно ориентированной оценки основных направлений и результатов научно-инновационной деятельности в условиях современного глобализованного мира ставит в центр внимания проблему осознания современных цивилизационных вызовов и рисков на уровне государственного понимания, управления и регулирования, создания национальных моделей модернизации. Классическая теория модернизации рассматривала Запад как единственный образец инновационного развития, тогда как *«новая концепция множества модернизмов и национальных модернизаций считает различия в модернизациях различных стран закономерными, отрицает единый образец»*²⁵.

Примерами таких глобально-региональных путей развития являются восточно-азиатские модели модернизации (Китай, Япония, Индия и др.), которые «проявляют высокую степень солидарности в своем стремлении изменить расстановку сил на международной арене и выступить на ней в качестве стороны, задающей тон и правила игры»²⁶.

В этом контексте актуальнейшим становится вопрос о вхождении России в глобализованный мир с сохранением национальной и культурной идентичности и самобытности. Данная проблема активно обсуждалась на всероссийском философском форуме «Проблемы развития российской цивилизации», состоявшемся в 2011 г. в Москве.

Один из главных выводов, к которому пришли участники форума, состоит в том, что «современная Россия пребывает в состоянии полного отсутствия своего собственного цивилизационного проекта, и именно поэтому над ней в начале XXI в. нависли различные и многочисленные угрозы»²⁷. По их мнению, Россия подошла к критическому рубежу своего существования и развития, за которым может наступить угроза утраты самобытности своей культуры и мировоззрения, так как

«цивилизация как раз и есть определенная совокупность ценностей данного сообщества, выполняющих функцию “жесткого каркаса” для него»²⁸.

Модель человека, основанная на интересах «чистой экономики», алчности и эгоистичности, на примате личной выгоды, удовлетворении насущных потребностей любыми путями, способами и средствами, ставит под вопрос существование человеческой цивилизации в целом, а не только отдельных стран и народов. Современный глобальный кризис необходимо рассматривать как «кризис Человека вообще», поэтому сегодня «не только России, но и всему миру нужна принципиально новая цивилизация, основанная на истинных, а не на ложных ценностях»²⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Огурцов А.П. Инновации // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 281.

² См.: Merton R.K. On Theoretical Sociology. L., 1967; Merton R.K. The Sociology of Science. Chicago, 1973.

³ См.: Апокалипсис смысла: Сб. работ запад. филос. XX–XXI вв. М., 2007.

⁴ Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Минск, 1999. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. С. 667.

⁵ Там же.

⁶ Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Дialeктика Просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб., 1997. С. 12.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2010. С. 22.

¹⁰ Тоффлер Э. Революционное богатство. М., 2008. С. 558.

¹¹ Там же. С. 559.

¹² Юдин Б.Г. Наука в обществе знаний // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 45.

¹³ Федотова В.Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Там же. № 10. С. 4.

¹⁴ Большой словарь иностранных слов / Сост. А.Ю. Москвин. М., 2003. С. 443.

¹⁵ Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 41.

¹⁶ Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Там же. 2008. № 7. С. 61.

¹⁷ Там же. С. 71.

¹⁸ Там же. С. 73.

¹⁹ Мамчур Е.А. Фундаментальная наука и современные технологии // Там же. 2011. № 3. С. 83.

²⁰ Там же. С. 84.

²¹ Горохов В.Г. Как возможны науки и научное образование в эпоху «академического капитализма» // Там же. 2010. № 12. С. 5.

²² Бехманн Г., Горохов В.Г. Социально-философские и методологические проблемы обращения с технологическими рисками в современном обществе // Там же. 2012. № 7. С. 126.

²³ Степин В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Там же. № 5. С. 25.

²⁴ Тавризян Г.М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации». М., 2009. С. 19.

²⁵ Федотова В.Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества. С. 12.

²⁶ Степанянц М.Т. Восточные сценарии глобального мира // Там же. 2009. № 7. С. 36.

²⁷ Батурин В.К. Проблемы развития российской цивилизации (обзор «Всероссийского философского форума») // Там же. 2012. № 7. С. 174.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 177.

³⁰ Агацян Э. Почему у науки есть и этические измерения? // Там же. 2009. № 10. С. 95.

Таким образом, осознание научно-инновационной деятельности в условиях глобализированных рисков и вызовов техногенной цивилизации на первый план выводит проблему человека, его нравственной, ценностно ориентированной деятельности, соотношения добра и зла, насилия и ненасиления, соборности и общечеловечности, что и составляло в главном и основном особенности русской культуры, находилось в центре внимания ее лучших представителей. Осознание того, что «занятия наукой» никогда не бывают «морально-нейтральными»³⁰, должно стать основанием ценностно ориентированной научно-инновационной деятельности современной цивилизации.

¹ Ogurcov A.P. Innovacii // Jenciklopedija jepistemologii i filosofii nauki. M., 2009. S. 281.

² Sm.: Merton R.K. On Theoretical Sociology. L., 1967; Merton R.K. The Sociology of Science. Chicago, 1973.

³ Sm.: Apokalipsis smysla: Sb. robot zapad. filos. XX–XXI vv. M., 2007.

⁴ Shpengler O. Zakat Evropy: Ocherki morfologii mirovoj istorii. Minsk, 1999. T. 2: Vsemirno-istoricheskie perspektivy. S. 667.

⁵ Tam zhe.

⁶ Horkhajmer M., Adorno T.V. Dialektika Prosvewenija. Filosofskie fragmenty / Per. s nem. M. Kuznecova. M.; SPb., 1997. S. 12.

⁷ Tam zhe.

⁸ Tam zhe.

⁹ Toffler Je. Tre'tja volna. M., 2010. S. 22.

¹⁰ Toffler Je. Revoljucionnoe bogatstvo. M., 2008. S. 558.

¹¹ Tam zhe. S. 559.

¹² Judin B.G. Nauka v obwestve znaniy // Voprosy filosofii. 2010. № 8. S. 45.

¹³ Fedotova V.G. Social'nye innovacii kak osnova processa modernizacii obwestva // Tam zhe. № 10. S. 4.

¹⁴ Bol'shoj slovar' inostrannyh slov / Sost. A.Ju. Moskvina. M., 2003. S. 443.

¹⁵ Habermas Ju. Modern – nezavershennyj proekt // Voprosy filosofii. 1992. № 4. S. 41.

¹⁶ Nazarchuk A.V. Setevoe obwestvo i ego filosofskoe osmyslenie // Tam zhe. 2008. № 7. S. 61.

¹⁷ Tam zhe. S. 71.

¹⁸ Tam zhe. S. 73.

¹⁹ Mamchur E.A. Fundamental'naja nauka i sovremennye tehnologii // Tam zhe. 2011. № 3. S. 83.

²⁰ Tam zhe. S. 84.

²¹ Gorohov V.G. Kak vozmozhny nauki i nauchnoe obrazovanie v jepohu «akademicheskogo kapitalizma» // Tam zhe. 2010. № 12. S. 5.

²² Behmann G., Gorohov V.G. Social'no-filosofskie i metodologicheskie problemy obrawenija s tehnologicheskimi riskami v sovremennom obwestve // Tam zhe. 2012. № 7. S. 126.

²³ Stepin V.S. Nauchnaja racional'nost' v tehnogennoj kul'ture: tipy i istoricheskaja jevoljucija // Tam zhe. № 5. S. 25.

²⁴ Tavrizjan G.M. Filosofy HH veka o tehnikе i «tehnicheckoj civilizacii». M., 2009. S. 19.

²⁵ Fedotova V.G. Social'nye innovacii kak osnova processa modernizacii obwestva. S. 12.

²⁶ Stepanjanc M.T. Vostochnye scenarii global'nogo mira // Tam zhe. 2009. № 7. S. 36.

²⁷ Baturin V.K. Problemy razvitija rossijskoj civilizacii (obzor «Vserossijskogo filosofskogo foruma») // Tam zhe. 2012. № 7. S. 174.

²⁸ Tam zhe.

²⁹ Tam zhe. S. 177.

³⁰ Agacii Je. Pochemu u nauki est' i jeticheskie izmerenija? // Tam zhe. 2009. № 10. S. 95.

«Провалы» рынка и «провалы» государства: достижение институционального баланса

О.В. КОШКО – заведующая кафедрой экономической теории, учета и анализа Вологодского государственного технического университета, доктор экономических наук, профессор;

Н.Ю. ТРУДОВ – аспирант Вологодского государственного технического университета

В статье рассматриваются вопросы соотношения частных и общественных издержек. Теоретическую основу работы составили концепции «провалов» рынков и «провалов» государства. В качестве эмпирической основы использованы данные о состоянии современных отраслевых рынков услуг такси, технического осмотра автомобилей и подготовки водителей.

Ключевые слова: частные и общественные издержки; «провалы» рынка; «провалы» государства; институциональный баланс.

Market failure and state failure: achieving of the institutional balance

O.V. KOSHKO – head of the department for Economics, accounting and analysis of the Vologda State Technical University, doctor of Economics, professor;

N.U. TRUDOV – postgraduate student of the Vologda State Technical University

In this article were researched questions about private and social costs ratio. Theoretical foundation of research consists of the market failure conception and the state failure conception. In the capacity of empirical foundation of research were used facts about the situation in recent industry markets of taxi service, technical inspection and training for drivers.

Key words: private and social costs; market failure; state failure; institutional balance.

Достаточно поверхностного изучения эволюции экономических учений, чтобы выявить определенную закономерность. Классическое направление в экономической теории изначально опиралось на свободу рынка, его всемогущество, однако по прошествии времени появились иные течения (например, кейнсианство), отражавшие совершенно противоположную позицию. Джон Мейнард Кейнс и его сторонники считали, что рыночный механизм не может справиться со многими экономическими проблемами без участия государственного регулирования. И у той, и у другой концепции имели место, как это зачастую бывает, радикальные проявления. Так, либертарианство признает лишь незначительное вмешательство государства в самых крайних случаях (к примеру, оборот оружия). В свою очередь, в середине XX в. возникла теория государства общественного благосостояния, которая превозносит роль го-

сударственного сектора в экономике. А, к примеру, Карл Поланьи и вовсе с помощью прочной доказательственной базы объявил рынок главной причиной всех наиболее значимых человеческих потрясений, в том числе Второй мировой войны.

В качестве одной из основных причин появления критики в отношении свободного рынка и неограниченной власти государства в экономике являются так называемые «провалы» рынка и «провалы» государства. Современные исследователи находят отдельные упоминания об этом даже в работах Адама Смита. Но данные понятия появились все-таки в более поздних учениях. Исторически впервые понятие «провалы» рынка, или «фиаско» рынка, было введено в научно-экономический оборот Артуром Пигу в работе «Экономическая теория благосостояния» (1920 г.)¹. Другой известный ученый, Френсис Батор, в работе «Анатомия провалов рынка» (1958 г.) «провалом» рынка называет «про-

вал» более или менее идеализированной системы рыночно-ценовых институтов в деле поддержания «желательных» деяний, максимизирующих благосостояние². Позже разработчиками теории общественного выбора (Дж. Бьюкененом, Д. Мюллером, У. Несканеном и др.) в 60-х гг. XX в. в противовес была выдвинута концепция «провалов» государства³. Синтезируя признаки обоих понятий, можно отметить, что «провал» – это неспособность механизма регулирования (рыночного или государственного) выполнить свою основную функцию для достижения главной цели – максимизации прибыли. «Провалы» обязательно сопровождаются появлением чрезмерных издержек, которые приводят к кризисным явлениям в экономике.

С упомянутыми категориями тесно связаны понятия частных и общественных издержек. Понимание современного мира экономических взаимосвязей как определенного соотношения частных и общественных (или социальных) издержек является распространенным. Однако исследование процесса государственного регулирования рыночной экономики с точки зрения достижения баланса между ними не находит, на наш взгляд, достаточного отражения в экономической литературе. Под институциональным балансом, на наш взгляд, понимается соотношение рыночного и государственного регулирования экономической системы в самом широком смысле, при котором достигается максимальная точка эффективности экономики, в том числе и с позиций равновесия между частными и общественными издержками. Поиск такого институционального баланса нуждается в осмыслении с помощью экономического анализа.

Внимание широкого круга экономистов к проблеме баланса частных и общественных издержек привлекла уже упоминавшаяся работа Пигу «Экономическая теория благосостояния». Известный ученый высказал тезис, который затем поддержало абсолютное большинство экономистов: ответственность за ущерб, наносимый обществу производственной деятельностью хозяйствующего субъекта, должен нести в полной мере данный субъект.

Одну из самых успешных попыток возразить Пигу предпринял лауреат Нобелевской премии по экономике Рональд Коуз. Его работы «Проблема социальных издержек» и «Заметки к "Проблеме социальных издержек"» были обращены к вопросу о распределении вредных последствий экономической деятельности среди ее участников и тоталь-

ного соотношения ущерба и выгоды⁴. Коуз, в отличие от Пигу, указал на то, что ущерб от предпринимательской деятельности необходимо рассматривать с двух сторон: как реальный ущерб третьим лицам и как недополученный эффект для всей экономики, если бы такая деятельность вообще была запрещена. Коуз полагает, что нужно оценивать обе стороны этого сложного явления и критерием выбора в данном случае должен быть экономический эффект.

Чтобы не рассматривать поставленные вопросы абстрактно, обратимся к определенной области российской экономики. В настоящей статье предметом исследования избран экономический квазисектор, связанный с автомобильным транспортом (перевозки пассажиров, багажа, грузов, техническое состояние транспортных средств, условия автомобильного движения). Приложение научных методов именно к этой сфере экономики объясняется тем, что она сочетает в себе значительную экономическую ценность и большую социальную роль, которая связана с местом автомобиля в жизни любого члена современного общества. Информация о фактическом положении на соответствующих рынках, изложенная ниже, получена путем интервьюирования непосредственных участников исследуемых отношений.

Российские власти, принимая различные решения по тому или иному вопросу, постоянно определяют области экономики, в которых государственное регулирование усиливается или, наоборот, ослабляется. После распада Советского Союза обучение управлению автотранспортными средствами и таксомоторные перевозки остались практически вне государственного надзора. В то же время технический осмотр автомашин был продолжительное время государственной функцией. Однако поправки, внесенные в российское законодательство в 2011 г., должны были изменить такое положение дел с 1 января 2012 г.

В частности, федеральным законом от 21.04.2011 г. № 69-ФЗ⁵ установлены требования к субъектам рынка таксомоторных перевозок, главным из которых является получение соответствующего разрешения на перевозки пассажиров и багажа легковым такси. Намерения у разработчиков данного закона были самые хорошие, а именно: повышение ответственности перевозчиков за жизнь и здоровье пассажиров, за качество оказываемых услуг и комфорт в автомобиле, увеличение объема налоговых посту-

плений от получивших разрешения перевозчиков и др. При этом всем участникам рынка было предоставлено четыре месяца на адаптацию к новым условиям и получение необходимых разрешений, так как ответственность за отсутствие разрешений начала действовать только с 1 января 2012 г. Однако в настоящий момент требования закона выполняют лишь незначительное количество перевозчиков. Так, в Вологодской области по состоянию на февраль 2012 г. было выдано чуть более 560 разрешений на перевозку пассажиров и багажа легковым такси. С учетом того, что разрешение выдается на одно транспортное средство, то становится ясно, каковы масштабы «теневой» части рынка перевозок легковым такси.

Первый вопрос, который возникает у стороннего наблюдателя: по какой причине положительные инициативы, которые поддерживают большинство потребителей и участников рынка такси, имеют отрицательный результат?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, на наш взгляд, необходимо обратиться к теории «провалов» рынка и государства. Последние двадцать лет рынок таксомоторных перевозок не являлся предметом сколько-нибудь систематического государственного регулирования. Для входа на рынок достаточно было иметь автомобиль, удостоверение на право управления им и желание зарабатывать деньги. По этой причине зачастую услуги такси оказывали случайные люди, перебивавшиеся временным заработком. Разумеется, появлялись и профессиональные организации легкового такси, но они, как правило, занимали на рынке нишу элитных перевозчиков с сопутствующим этому повышением цен на услуги. Большинство перевозчиков все равно относились к нелегальным участникам рынка. Таким образом, на протяжении двух десятков лет в Российской Федерации рынок такси представлял собой неформальное сообщество водителей. Лишь малая часть из них платила налоговые и иные платежи в государственный и муниципальный бюджеты, регулярно проверяла транспортные средства на их соответствие требованиям безопасности, следила за собственным состоянием здоровья перед поездкой.

В любом случае причины такого положения дел стоит искать не в отсутствии государственного регулирования, а в условиях зарождения и функционирования самого рынка. В тот момент, когда потребительские рынки в новой России только форми-

ровались, работа водителем такси являлась одним из самых доступных способов получения средств для выживания в трансформируемой экономике. Как уже ранее указывалось, для осуществления такой деятельности не требовались большие ресурсы, а для устойчивого положения на рынке было достаточно случайных появлений на нем. Конкуренция на таком рынке была несистемная, поскольку более половины его участников редко могли соперничать друг с другом. Спрос в данном случае существенно не влиял ни на качество оказываемых услуг, ни на структуру рынка в целом.

Через некоторое время отдельные водители такси, как правило имеющие собственные автомобили, стали объединяться по принципу принадлежности к одной из диспетчерских служб, которые оказывали таксистам услуги по привлечению клиентов с помощью приема заказов по телефону и иным электронным средствам связи. Однако фактически диспетчерские службы имели гораздо большее влияние: они диктовали водителям такси свои внутренние правила, касающиеся порядка оказания услуг, установления цен на них и т.д. В случае невыполнения этих требований водитель мог остаться без поддержки диспетчерской службы, то есть без клиентов. Таким образом, возникла парадоксальная ситуация, когда значительное влияние на рынок услуг такси оказывали не его участники, а координирующие их деятельность диспетчерские службы.

В чем же институциональная проблематика сложившегося положения дел? Очевидно получение дополнительного дохода (ренты) диспетчерскими службами такси без соразмерных затрат собственных ресурсов за счет большой роли на рынке такси в отсутствие какой бы то ни было ответственности перед потребителями услуг и участниками рынка (своими непосредственными контрагентами). При этом диспетчерские службы, пользуясь своим монопольным положением на определенной части рынка (в кругу тех таксистов, с которыми на договорной основе работает служба), устанавливают единые цены, изменяя их в определенные часы работы с наиболее высоким потребительским спросом (час-пик, ночное время, выходные и праздничные дни). Другим немаловажным последствием такого институционального «провала» является безответственность диспетчерских служб перед пассажирами за обеспечение безопасности их жизни и здоровья. Статистика ГИБДД наглядно показывает, что нарушения водителями такси

правил дорожного движения, следствием которых являются дорожно-транспортные происшествия, нередки.

В связи с этим появляется вопрос о соотношении общественных и частных издержек. Повышение транспортной безопасности и установление равноправного положения на рынке для всех его участников (в том числе и внесение предусмотренных законом налоговых платежей в полном объеме) – задачи, которые должно ставить перед собой государство для достижения более высокой эффективности данного сегмента российской экономики и снижения общественных потерь. Даже с позиций Рональда Коуза, ратующего за равномерное распределение ущерба между предпринимателями и иными лицами, в рассматриваемом примере диспетчерские службы явно злоупотребляют своим положением, совсем не обращая внимания на компенсацию общественных издержек, вызванных их деятельностью.

Подводя промежуточные итоги, можно констатировать, что рынок в тех институциональных условиях, которые сложились после распада СССР, не справился со своей ролью в регулировании таксомоторных перевозок. Однако в данном случае «провал» рынка сопровождается «провалом» государства, который заключается в многолетнем отсутствии государственного вмешательства на рынке. Причем основания для такого вмешательства появились уже через несколько лет после перехода к рыночной экономике. Но даже при государственном регулировании таксомоторных перевозок рынок не претерпел серьезных изменений.

Однако можно отметить и один положительный результат текущих реформ. Несмотря на отсутствие перемен в институциональных условиях, в надежде на реальность реформ, на рынок таксомоторных перевозок стали приходить крупные компании, обладающие потенциалом, который необходим для обеспечения стандартов безопасности и качества услуг в этой сфере. На локальном рынке города Вологды таким примером является компания «Городское такси».

Иная ситуация сложилась в сфере технического осмотра транспортных средств. Долгое время данная сфера деятельности находилась в ведении государства. Лишь небольшая ее часть была передана коммерческим организациям. При этом многие требования, касающиеся технического осмотра, вызывали недоумение (например, техосмотр новых автомобилей). Но с вступлением в силу федерального закона от

01.07.2011 г. № 170-ФЗ⁶ многое должно было поменяться, в том числе предполагалось повышение эффективности контроля над техническим состоянием транспортных средств и оптимизация системы техосмотра в целом.

Но закон начал действовать, а на практике оказалось, что отмена многих прежних обязательных требований к техническому осмотру породила неразрешимые противоречия. В частности, сложились условия для неравноправного положения на рынке отдельных его участников. Организации, которые ранее занимались проведением техосмотра, получили аккредитацию в упрощенном порядке. В свою очередь лица, пожелавшие впервые получить такое право (по замыслам инициаторов реформы основную массу операторов должны были составить официальные дилеры производителей автомобилей), столкнулись с непреодолимыми препятствиями в виде отсутствия регламентации ряда процедур для получения аккредитации в общем порядке.

Между тем уже отмечены многочисленные случаи злоупотреблений со стороны страховых компаний, которые, не имея права проводить техосмотр, страхуют гражданскую ответственность владельцев автотранспортных средств в отсутствие талона технического осмотра (естественно, при условии дополнительной оплаты таких расширенных услуг). Указанными случаями уже заинтересовались уполномоченные органы государства⁷. Однако, как и в случае с таксомоторными перевозками, в сфере техосмотра цель повышения конкуренции на рынке (или ее создание) пока не достигнута в силу институциональных препятствий, созданных и естественным, и искусственным путем. Таким образом, государство предприняло попытку преодолеть «провал» с помощью предоставления на конкурентной основе права проведения техосмотра тем, кто действительно имеет необходимую квалификацию в этой сфере (специализированным автосервисам).

Еще одной сферой, связанной с автомобильным транспортом, где давно назрела необходимость институциональных перемен, является обучение водительским навыкам. В настоящий момент большую часть рынка занимают так называемые автошколы. Для входа на рынок не требуются значительные затраты: достаточно получения лицензии на право оказывать образовательные услуги в сфере обучения навыкам управления автотранспортными средствами. Среди

требований к лицам, претендующим на лицензию, самым строгим является наличие учебной площадки для обучения первичным навыкам управления автомобилем, находящейся в собственности или арендованной. По этой причине рынок данных услуг на территории города Вологды чрезмерно широк: функционируют более 30 автошкол на 300 тыс. населения.

Сфера обучения навыкам вождения во многом похожа на рынок таксомоторных перевозок. В течение двадцати лет российские власти не уделяли особого внимания этому рынку. В связи с этим сформировалась ситуация, при которой автошколы, выпуская из своих стен неподготовленных водителей, получают значительные доходы без расходования соразмерных ресурсов. В то же время низкая квалификация выпускников автошкол влечет повышение аварийности на дорогах, следовательно, ведет к увеличению общественных издержек, связанных с причинением вреда здоровью людей и материальным ущербом. Статистика ГИБДД подтверждает обозначенное положение дел⁸. Так, на территории города Вологды в 2011 г. по вине молодых водителей (стаж – не более двух лет) произошли 42 дорожно-транспортных происшествия, в результате которых было ранено 75 чел.

В последние несколько лет появлялись инициативные группы, которые стремились поменять существующее положение на рынке автошкол. Предполагалось, что обязательным будет обучение на автодромах, которые заменят примитивные учебные площадки. Кроме того, планировалось увеличение часов управления для кандидата в водители специально оборудованным учебным автомобилем в условиях реального дорожного движения, а также повышение требований к преподавательским кадрам автошкол, особенно к так называемым инструкторам по вождению. Но инициаторы перемен встретили ожесточенное сопротивление лоббистских групп, представляющих интересы автошкол и аффилированных с ними сотрудников заинтересованных государственных органов.

Последствиями устранения государства и с этого рынка является нарушение институционального баланса в пользу небольшой части предпринимателей, получающих сверхприбыль за счет больших общественных издержек. При этом на рынок автошкол практически не стремятся войти крупные участники, имеющие необходимые возможности для выполнения высоких стандартов

обучения кандидатов в водители. Все это сказывается на общем состоянии конкуренции (то есть отсутствует продуктивная конкуренция) и в целом на эффективности российской экономики, поскольку отсутствует стимул к внедрению прогрессивных методов обучения и иных новаций. Рынок автошкол находится в одном и том же состоянии уже много лет. Это состояние с уверенностью можно назвать стагнацией, постепенно переходящей к регрессу. В этой сфере государство пока даже и не пытается изменить ситуацию.

В большей части безуспешные на настоящий момент попытки установления новых правил в сфере таксомоторных перевозок, технического осмотра транспортных средств и обучения навыкам управления автомобилями свидетельствуют о силе неформальных институтов, сложившихся на основе обычаев и без участия государства. Эти обычаи являются следствием той самой «невидимой» руки рынка, которая своей стихийной силой определила правила для его участников. Из опыта наблюдений за попытками изменить обычаи становится ясно, что прямое государственное регулирование не является эффективным инструментом. Основная роль в данном случае должна быть отведена опосредованному вмешательству государства в экономику путем использования мер, стимулирующих соблюдение новых правил (упрощенных систем налогообложения, льготных условий кредитования и страхования, государственной поддержки некоммерческих объединений тех участников рынка, которые соблюдают новые правила).

Относительно теории «провалов» рынка и «провалов» государства в свете вышеизложенного можно отметить следующее. Указанные концепции, несмотря на отчаянную критику ряда авторитетных представителей экономической науки, способствуют анализу фактической институциональной обстановки. На примере рынков таксомоторных перевозок и автошкол можно понять, что рынок при определенных обстоятельствах не справляется с задачей регулирования меняющейся институциональной структуры экономических взаимоотношений. Однако отсутствие своевременного вмешательства государства также стоит расценивать как его «провал». Универсального рецепта в вопросе эффективного объема государственного регулирования экономики не существует. По мнению авторов, требуется все же исходить из той предпосылки, что естественным состоянием экономики является

свобода, то есть рынок. Между тем косвенные меры государственного регулирования в ряде случаев будут эффективнее рынка. Государственное вмешательство особенно важно с точки зрения достижения институционального баланса. А правильное распределение частных и общественных издержек должно служить основным критерием сбалансированности национальной экономики.

В дополнение к имеющимся разработкам в этой области, на наш взгляд, требуется рассмотреть такую категорию «провалов» государства, которая имеет место, когда государство самоустраняется от регулирова-

ния ряда отраслей экономики. Разумеется, определение таких отраслей также является важной задачей. К примеру, критериями в этом случае могли бы послужить стагнационное положение отраслевого рынка и значительные общественные потери, связанные с этим обстоятельством. Кроме того, это поможет определить те области экономики, где институциональный баланс значительно смещен в сторону общественных издержек. Еще одной актуальной задачей, которая требует решения, является разработка методики выявления «провалов» рынка и «провалов» государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Пигу А. Экономическая теория благосостояния. М., 1985. Т. 1. С. 101.

² См.: Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. М., 2004. Т. 4. С. 251.

³ См.: Бьюкенен Дж. Сочинения. М., 1997. Т. 1. С. 475–476.

⁴ См.: Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 2007. С. 71–112.

⁵ Федеральный закон от 01.07.2011 г. № 170-ФЗ «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3881.

⁶ См.: Федеральный закон от 21.04.2011 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Там же. № 17. Ст. 2310.

⁷ См.: Материалы онлайн-приемной губернатора Вологодской области О.А. Кувшинникова. <http://www.vopros.vologda-oblast.ru/requests/2070.html>

⁸ См.: Статистика «Молодой водитель» на официальном сайте Управления ГИБДД УМВД России по Вологодской области. <http://35.gibdd.ru/autoschools/>

¹ Sm.: Pigu A. Jekonomicheskaja teorija blagosostojanija. M., 1985. T. 1. S. 101.

² Sm.: Vehi jekonomicheskoy mysli. Jekonomika blagosostojanija i obvestvennyj vybor. M., 2004. T. 4. S. 251.

³ Sm.: B'jukenen Dzh. Sochinenija. M., 1997. T. 1. S. 475–476.

⁴ Sm.: Kouz R. Firma, rynek i pravo. M., 2007. S. 71–112.

⁵ Federal'nyj zakon ot 01.07.2011 g. № 170-FZ «O tehničeskom osmotre transportnyh sredstv i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye акты Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2011. № 27. St. 3881.

⁶ Sm.: Federal'nyj zakon ot 21.04.2011 g. № 69-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye акты Rossijskoj Federacii» // Tam zhe. № 17. St. 2310.

⁷ Sm.: Materialy onlajn-priemnoj gubernatora Vologodskoj oblasti O.A. Kuvshinnikova. <http://www.vopros.vologda-oblast.ru/requests/2070.html>

⁸ Sm.: Statistika «Molodoj voditel'» na oficial'nom sajte Upravlenija GIBDD UMVD Rossii po Vologodskoj oblasti. <http://35.gibdd.ru/autoschools/>

Организационно-правовые и технические аспекты применения технологии видеоконференцсвязи в арбитражных судах Российской Федерации

Д.В. ШИБАЕВ – старший преподаватель кафедры правовой информатики филиала Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в г. Вологде, кандидат юридических наук

В статье раскрываются актуальные правовые вопросы применения видеоконференцсвязи в арбитражных судах в свете принятия Федерального закона от 27.07.2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации». Определены технические требования к видеоконференцсвязи, обозначены организационно-правовые аспекты.

Ключевые слова: видеоконференцсвязь; программно-технические комплексы; технические требования к видеоконференцсвязи; применение видеоконференцсвязи; правовые и организационные аспекты видеоконференцсвязи.

Legal Organizing and Technical Aspects of Application Videoconference Communication in Courts of Arbitration of Russian Federation

D.V. SHIBAEV – senior lecturer of legal Informatics department, branch of the Moscow State Law Academy named after O.E.Kutaphin in the Vologda town, candidate of law sciences

Changes in Russian legislation in part of enactment of the Federal Law (27.07.2010 № 228 – FL) «On modifications into the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation» created conditions for application videoconferencing technology in the Courts of Arbitration of RF. New technical procedures have formed complexities in their implementations in practice. The article deals with urgent legal issues of videoconference communication application in the Courts of Arbitration, technical and organizational problems of their implementations. Technical requirements for their implementation have been defined by the author. The debatable problem relating to the legal organizing aspect of videoconference communication application has been raised in the article.

Key words: video conferencing; software and hardware; the technical requirements for equipment of video conferencing; video conferencing application; legal and institutional arrangements to implement videoconferencing.

Право на судебную защиту не только дает возможность обращения в судебные органы за защитой своих прав, но и создает условия для применения современных информационных технологий при осуществлении правосудия. Одной из наиболее динамично развивающихся технологий является видеоконференцсвязь.

Видеоконференцсвязь – это технология осуществления связи между двумя или более субъектами для передачи звука и изображения, которая может использоваться для всех типов информационных взаимодействий, когда помимо передачи звука необходима визуализация действий участников. Применение указанной технологии позволяет географически разделенным участникам взаимодействия обеспечивать визуальное и аудиальное взаимодей-

ствие, в том числе и обмен электронными документами в реальном времени, максимально приближая общение на расстоянии к реальному живому общению. Для организации этой технологии необходимо создание определенной инфраструктуры, состоящей из следующих элементов: одного или нескольких телевизионных экранов большой размерности или проекционного оборудования – проектора и экрана (для расширения визуализации на нескольких участников, находящихся в помещении и являющихся одной из сторон взаимодействия), а также комплекта оборудования для обеспечения связи и передачи звука и изображения (камер, микрофонов и усилителей звука).

Достаточно распространенной средой взаимодействия персональных пользователей является программа «Skype», позволяющая осуществлять все необходимые для видеоконференции процедуры: видео-, аудиообмен, передачу электронных документов и мгновенных текстовых сообщений. На данный момент ограниченность развития этой технологии определяется ее платностью¹. Для частных субъектов этот момент не является серьезным препятствием. В то же время использование технологии видеоконференцсвязи, основанной на платформе «Skype», для нужд госсектора крайне нежелательно в связи с невозможностью контроля движения информации (серверы взаимодействия неподконтрольны российским госорганам), сложностью конфигурирования и возможностью контроля третьим лицом (представителем «Skype») информационного взаимодействия. Как следствие, госорганы Российской Федерации (как и госорганы других стран) применяют другой способ взаимодействия – использование специального сервера. Посредством его осуществляется соединение двух или нескольких абонентов друг с другом, определяются характеристики информационного канала и выбираются оптимальные для работы параметры соединения (частота кадров, сжатие информационного потока и т.п.). Помимо этого, сервер снижает проблемы связи абонентов, облегчая конфигурирование, администрирование и использование конечных точек доступа. Интересно, что он может быть как локальным, обеспечивая связь в пределах корпоративной сети, так и публичным, доступ к которому осуществляется через Интернет.

Современный рынок видеоконференцсвязи можно условно разделить на два класса. К первому относятся дорогие аппаратные и программно-аппаратные решения от производителей с мировым именем («Polycom», «Tandberg», «Sony»). Комплексы этих фирм отличает высокое качество звука и изображения, в то же время они очень требовательны к пропускной способности каналов связи (минимальная ширина пропускной способности – 1 Мбит/с). Кроме того, стоимость одной точки доступа колеблется от 1,5–2 до 5–6 тыс. долларов в зависимости от ее класса (начальный уровень, средний уровень, представительский класс). Цена же на серверы видеоконференцсвязи этих производителей исчисляется десятками тысяч долларов. Основным техническим принципом создания системы в арбитражных су-

дах является передача видеоизображения, голоса и копий документов в режиме реального времени в стандарте High Definition (высокое разрешение), в формате не ниже 720 p (количество точек 1280x720), со скоростью обновления изображения неподвижных и движущихся объектов не менее 25 fps (кадров в секунду) между залами судебных заседаний на объектах автоматизации арбитражных судов Российской Федерации².

В судебной практике видеоконференцсвязь может применяться:

- для проведения арбитражных судебных заседаний с участием сторон по рассмотрению дел в первой, апелляционной и кассационной инстанции, а также дел в порядке надзора;

- заседаний Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации по рассмотрению вопросов арбитражной судебной практики;

- просмотра арбитражными судами Российской Федерации в режиме реального времени заседаний Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации при рассмотрении дел в порядке надзора;

- организации сеансов многосторонней видеоконференцсвязи между арбитражными судами Российской Федерации – совещаний арбитражных судов Российской Федерации по вопросам, возникающим при рассмотрении арбитражных споров и в повседневной деятельности арбитражной судебной системы, а также для дистанционного обучения сотрудников арбитражных судов;

- сеансов связи арбитражных судов Российской Федерации с внешними участниками (органами государственной власти Российской Федерации, структурами мирового судейского сообщества и т.д., не входящими в единую транспортную подсистему СВКС АС РФ) в режимах точка-точка и многоточечном;

- научно-консультативных советов с участием Высшего арбитражного суда Российской Федерации и федеральных арбитражных судов округов.

Правовая процессуальная процедура осуществления технологии видеоконференцсвязи в арбитражных судах в достаточной степени определена и раскрывается положениями ст. 153.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации³ и Постановлением Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 17.02.2011 г. № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуально-

го кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 г. № 228-ФЗ "О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации"⁴, техническая часть также обеспечена: предложений от производителей достаточно, но организационные проблемы являются в большей степени нерешенными.

В частности, присутствуют сложности с согласованием даты и времени проведения видеоконференцсвязи с судом, в который было подано ходатайство. В настоящее время работники судов вынуждены решать вопросы посредством телефонной связи или с помощью переписки по электронной почте.

Для упрощения процесса согласования судами графиков проведения сеансов

связи многими практиками предлагается рассмотреть вопрос о введении графиков допустимости времени проведения видеоконференцсвязи в каждом суде на сайте ВАС РФ.

Дискуссионным является вопрос о том, каким образом возможно осуществить подобный сервис для арбитражных судов с учетом разницы часовых поясов (например, Вологодской области и Сахалина)?

Таким образом, использование технологии видеоконференцсвязи повысит доступность осуществления правосудия для участников дела, находящихся на территории других субъектов Российской Федерации, что создаст комфортные условия как для самих участников судебного рассмотрения, так и для работников суда.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: <http://www.skype.com/intl/ru/business/group-video/>

² Примером может служить аукционная документация заказа госконтракта «Техническая и информационная поддержка единого корпоративного портала арбитражных судов Российской Федерации» (ВАС-А-И17-12) (см.: http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/orders/info/order_document_list_info/show?notificationId=2637176).

³ См.: СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁴ См.: Вестник ВАС РФ. 2011. № 4.

¹ См.: <http://www.skype.com/intl/ru/business/group-video/>

² Primerom mozhnet sluzhit' aukcionnaja dokumentacija zakaza goskontrakta «Tehnicheskaja i informacionnaja podderzhka edinogo korporativnogo portala arbitrazhnyh sudov Rossijskoj Federacii» (VAS-A-117-12) (sm.: http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/orders/info/order_document_list_info/show?notificationId=2637176).

³ См.: SZ RF. 2002. № 30. St. 3012.

⁴ См.: Vestnik VAS RF. 2011. № 4.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Использование системного подхода в административно-правовом исследовании религиозного экстремизма

С.Е. ПРОЛЕТЕНКОВА – докторант Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируется феномен религиозного экстремизма в Российской Федерации с использованием философских и общенаучных методов познания. В частности, применяются системный и деятельностный подходы в рамках административно-правового исследования заявленного проблемного поля.

Ключевые слова: религиозный экстремизм; методология; системный подход; деятельностный подход; правовое регулирование.

The systems approach to the study of religious extremism

S.E. PROLETENKOVA – doctoral candidate of the Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, candidate of law sciences, docent

The article describes the use of philosophical and scientific methods of knowledge of religious extremism. Priority is given to the application of the system and the activity approach.

Key words: religious extremism; methodology; a systematic approach; the activity approach; legal regulation.

Необходимость решения проблем безопасности в Российской Федерации в целом и усиления противодействия различного рода экстремистским посягательствам, подрывающим конституционные устои страны, в частности придает особую значимость расширению методологических подходов в рамках административно-правовых исследований. Так, до настоящего времени остается размытым смысловое содержание понятий «национальная безопасность», «религиозный экстремизм», «экстремистская религиозная организация», «исланизм», «религиозный терроризм» и др. Запаздывание научного освещения этих проблем негативным образом сказывается на правоохранительной практике, препятствуя четкости нормативно-правового закрепления полномочий, функций го-

сударственных структур и органов местного самоуправления в охранительной сфере, правовом регулировании форм и методов их деятельности по обеспечению прав и законных интересов личности, общества, государства.

Связать воедино весь накопившийся теоретический и эмпирический материал можно с использованием методологического потенциала системного подхода как универсального инструмента познавательной деятельности, незаменимого в познании и конструировании сложных многоуровневых объектов. Так, еще в 70-е гг. XX в. исследователи отмечали, что системно-структурный подход к изучаемым объектам приобретает статус общенаучного принципа¹.

На современном этапе развития административно-правовой науки теоретиче-

ские разработки системного подхода и использование его как метода уже настолько широки², что с точки зрения получения объективных знаний о причинах, формах, проявлениях религиозного экстремизма, мерах по борьбе с ним и противодействия сопутствующим ему явлениям следует использовать его потенциал в сочетании с иными методами исследования. В целом же следует отметить, что повышенное внимание к использованию системного подхода в настоящее время объясняется соответствием его как метода усложнившимся задачам общественной практики, задачам познания и конструирования больших, сверхсложных систем с выделением более конкретных промежуточных задач и целей, в том числе системы противодействия религиозному экстремизму в государственном масштабе, которая в свою очередь органично бы выступала звеном системы обеспечения национальной безопасности государства.

Кроме того, подобный методологический подход способен решить еще одну важнейшую задачу, перед которой, как правило, оказываются бессильны иные способы познания. Речь идет об увеличении информации об исследуемом объекте в рамках различных отраслей знаний. Причем данный информационный поток ввиду высокого уровня развития информационных систем зачастую сложно поддается контролю, что и требует его систематизации и направления в контролируемое русло. Профессор А.И. Уемов, автор параметрической общей теории систем, отмечал, что «преодоление противоречия между ростом количества информации и ограниченными возможностями ее усвоения может быть достигнуто с помощью системной реорганизации знания»³.

Таким образом, при исследовании проблемы противодействия религиозному экстремизму в рамках науки административного права нельзя не учитывать достижения иных наук (юридических, политических, социологических, психологических), а также правоприменительной практики, что требует интеграции и систематизации материала. Именно это может быть достигнуто посредством системного подхода, который органически сочетает в себе и анализ, и синтез, и иные методы познания. В этом отношении согласимся с мнением М.С. Кагана о том, что «тяга современных ученых самых различных областей знания к системному подходу и порождается его способностью моделировать целостности, а не сводить целое к механической сумме бесконечно умножающихся частных»⁴.

Соблюдение всех принципов познания при использовании системного подхода к изучению проблемы религиозного экстремизма будет способствовать формулированию наиболее полного описания объекта исследования.

Обратимся непосредственно к предмету административного права.

Не вдаваясь в полемику о предмете административного права, рассмотрим две наиболее близкие нам позиции. Так, профессор А.П. Шергин к предмету административного права относит «общественные отношения, складывающиеся в процессе и по поводу осуществления функции государственного управления, то есть отношения управленческого характера»⁵. Профессор Д.Н. Бахрах в качестве предмета административного права выявляет «совокупность общественных отношений, возникающих при обеспечении государственной администрацией конституционных прав и обязанностей граждан, а также иных отношений, связанных с ее формированием и деятельностью»⁶.

Оба определения, на наш взгляд, удачно вместили в себя дефиницию, которая помимо глубокого смысла обладает лаконичностью, вмещает все богатство описываемого объекта. Можно сделать важный методологический вывод о том, что общественные отношения, входящие в предмет административного права, являются сложной динамической системой, обладающей признаками как идеального, так и материального (в смысле диалектического подхода) развития. А поскольку проблемы религиозного экстремизма рассматриваются нами через призму административно-правовых отношений, то согласно одному из основополагающих принципов построения систем, в соответствии с которым отдельные части системы несут в себе те же признаки, которые характерны для системы в целом, общественные отношения, связанные с построением государственной системы противодействия экстремизму (в том числе и религиозному), обладают динамическим, деятельностным характером. При этом авторская позиция основана, во-первых, на понимании деятельности как активности субъекта, реализуемой с помощью механизмов сознания, познания, действий, права, культуры в целом и направленной на объект и другие субъекты. Во-вторых, она связана с философской рефлексией (принципом, требующим обращения познания не только вовне, но и на себя) деятельности как основы бытия человека в природно-социальной среде.

Именно по причине подобного построения предметной области исследования феномена религиозного экстремизма возникает желание дополнить методологическую конструкцию системного подхода, чтобы придать ему динамики. И здесь на помощь приходят научные разработки 20-х гг. XX в., описывающие деятельностный подход как метод решения научных проблем⁷.

Говоря о соотношении системного и деятельностного подходов, следует отметить, что второй несколько уже, поскольку его применение ограничено рамками социальных дисциплин. Как отмечает российский философ, методолог Э.Г. Юдин, «идея деятельности и идея системности тесно связаны, тяготеют друг к другу. В соединении с системным деятельностный подход обретает большую эффективность, методологически усиливается. Причем их связь наиболее интересна не в тех случаях, когда они действуют как два объяснительных принципа, а в тех, когда системные принципы привлекаются для построения предметных конструкций, связанных с изучением деятельности, то есть когда системность выполняет функцию объяснительного принципа по отношению к деятельности как к предмету изучения»⁸.

Таким образом, относительно исследования проблем противодействия религиозному экстремизму в его административно-правовом аспекте системный подход следует применять, когда в соответствии с целью как основным системообразующим фактором через охранительную функцию органов государственного управления необходимо прийти к знанию структуры и состава системы. Деятельностный же подход применяется, когда на основании знания законов развития и функционирования деятельности необходимо распроектировать и декомпозировать результаты деятельности, чтобы выявить факторы, сохраняющие и развивающие данный объект.

Исходя из вышеизложенных рассуждений при построении системы противодействия религиозному экстремизму с использованием системного и деятельностного подходов можно выделить статическую и динамическую структуры. В статической структуре присутствуют такие элементы, как объект, субъект, цель, средство, результат, прямые и обратные связи между ними. Включение в нее таких элементов, как процесс функционирования (деятельность) и причинная обусловленность всех явлений (детерминизация), дает возмож-

ность дополнить статическую структуру противодействия религиозному экстремизму структурой динамической, то есть воспринимать искомое понятие как единство познания и практики. Таким образом, мы приходим к важному пониманию того, что рассматриваемая нами система состоит из организационной и практической частей, которые существенным образом регулируются посредством норм административного права.

Сам процесс функционирования системы противодействия религиозному экстремизму с учетом деятельностного подхода можно представить как определенный цикл, включающий ряд взаимосвязанных этапов.

Первый этап – осознание потребности противодействия религиозному экстремизму. Его предваряет сложная система мотивации субъектов политики, государственной власти, в которой участвуют все элементы их сознания – мотивы, интересы, установки, принципы, нормы, ценности и т.д. Этот этап приобретает особую актуальность, когда возрастает опасность и угроза со стороны экстремистских сил, особенно если в перспективе возможен военный конфликт, сложная ситуация с риском для основ конституционного строя. При этом осознание потребности действовать может происходить как ситуативно (парирование угрозы), так и превентивно – в соответствии с заранее составленными прогнозами. Превентивность противодействия религиозному экстремизму должна опираться на научные разработки, концепции, экспертные материалы, военно-доктринальные положения. Особое внимание при построении данной системы в Российской Федерации следует обращать на очаги международного терроризма, расположенные в непосредственной близости от российских границ, экстремистские группировки, действующие на территории страны и использующие религиозный фактор для достижения своих политических целей.

Второй этап – выявление и оценка долгосрочных и краткосрочных угроз со стороны экстремистских религиозных организаций. Этот этап включает в себя сложную познавательную-оценочную процедуру, в которой наивысшее значение имеют познавательные качества субъектов системы противодействия религиозному экстремизму. Всесторонняя оценка угроз религиозных экстремистов является необходимой предпосылкой формулирования и постановки целей деятельности всей системы.

При этом характер поставленных целей соотносится с правовыми, экономическими и политическими возможностями их реализации. Конкретно оформленные цели государства по обеспечению безопасности от любых проявлений экстремизма находят свое выражение в таких административных правовых актах, как указы президента, постановления правительства, иных актов высших органов государственной власти, концепции национальной безопасности, военной доктрине и т.д.

Третий этап – принятие решения о выборе приоритетных целей по обеспечению безопасности. Этот этап является узловым во всей рассматриваемой структуре. В сфере противодействия религиозному экстремизму и терроризму он приобретает особую значимость, поскольку эта деятельность нередко осуществляется в условиях повышенной опасности для жизни и здоровья больших масс людей, сопряжена с риском для непосредственных исполнителей, требует огромных финансовых и материальных затрат. Сам акт принятия решения об использовании тех или иных средств воздействия зависит от умения субъектов системы противодействия религиозному экстремизму определить способы и формы его оптимальной реализации, способности функционировать в рамках административно-правового поля. Важный правовой принцип, который должен быть положен в основу принятия

решения о выборе тех или иных средств противодействия религиозному экстремизму, – принцип наименьшего зла, когда цели достигаются ценой минимальных жертв. Согласимся с великим мыслителем Н. Макиавелли в том, что «очень жестокие средства возмущают не только христианское сердце, но и всякое человеческое чувство, и всякий должен стараться избежать их...»⁹.

Четвертый этап – практические действия по достижению заранее запланированного результата. На этом этапе осуществляется механизм реализации целей в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма. Данный этап требует особого контроля со стороны государственных и общественных институтов с точки зрения соблюдения правовых норм.

Пятый этап – оценка достигнутых результатов. На этом этапе устанавливается степень соответствия достигнутых результатов заранее сформулированным целям, а также средствам их реализации, проводится анализ условий, которые способствовали или препятствовали этому процессу.

По нашему мнению, такой алгоритм реализации возможностей системы противодействия религиозному экстремизму охватывает всю ее структуру и позволяет выявлять причины дисбалансов в соотношении ее элементов, выявлять источники противоречий между ними, деформаций структурных связей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Тютин В.С. Отражение, системы, кибернетика. М., 1972; Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М., 1974.

² См.: Агошкова Е.Б., Ахлибининский Б.В. Эволюция понятия системы // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 170–179.

³ Уемов А.И. Системный подход к классификации наук и научных исследований. Одесса, 2000. С. 31.

⁴ Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание: Избр. ст. СПб., 1991. С. 69.

⁵ Шергин А.П., Татарян В.Г. Теоретическая концепция разработки административно-деликтного права как самостоятельного комплексного правового образования // Шергин А.П. Избранные труды юбилея. М., 2005. С. 406.

⁶ Бахрах Д.Н. Административное право России: Учеб. для вузов. М., 2000. С. 19.

⁷ См.: Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1999; Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977; Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его познания. М., 1958.

⁸ Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. М., 1978. С. 211.

⁹ Макиавелли Н. Рассуждения на первую декаду Тита Ливия. СПб., 1969. Кн. 1. С. 48.

¹ Sm.: Tjuhtin V.S. Otrazhenie, sistemy, kibernetika. M., 1972; Sadovskij V.N. Osnovaniya obvej teorii sistem. M., 1974.

² Sm.: Agoshkova E.B., Ahlibininskij B.V. Jevoljucija ponjatija sistemy // Voprosy filosofii. 1998. № 7. S. 170–179.

³ Uemov A.I. Sistemnyj podhod k klassifikacii nauk i nauchnyh issledovanij. Odessa, 2000. S. 31.

⁴ Kagan M.S. Sistemnyj podhod i gumanitarnoe znanie: Izbr. st. SPb., 1991. S. 69.

⁵ Shergin A.P., Tatarjan V.G. Teoreticheskaja koncepcija razrabotki administrativno-deliktnogo prava kak samostojatel'nogo kompleksnogo pravovogo obrazovanija // Shergin A.P. Izbrannye trudy jubiljara. M., 2005. S. 406.

⁶ Bahrah D.N. Administrativnoe pravo Rossii: Ucheb. dlja vuzov. M., 2000. S. 19.

⁷ Sm.: Vygotskij L.S. Myshlenie i rech'. M., 1999; Leont'ev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M., 1977; Rubinshtejn S.L. O myshlenii i putjah ego poznanija. M., 1958.

⁸ Judin Je.G. Sistemnyj podhod i princip dejatel'nosti: metodologicheskie problemy sovremennoj nauki. M., 1978. S. 211.

⁹ Makiavelli N. Rassuzhdenija na pervuju dekadu Tita Livija. SPb., 1969. Kn. 1. S. 48.

К вопросу о концепции федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации»

С.А. ПАВЛОВСКИЙ – начальник юридической службы ВИПЭ ФСИН России

В статье обосновывается необходимость законодательного оформления единых правил правотворческой деятельности органов власти с учетом их сфер ведения и правового статуса, упорядочения процессов подготовки, правил принятия нормативных правовых актов в качестве государственных решений, обеспечения их доступности и гласности в процессе применения и исполнения. Автором предлагается структура федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации», указывается необходимость соблюдения системной связи и преемственности нормативных правовых актов органов государственной власти как условий укрепления принципов правового, социального, демократического государства при его реформировании, реализации национальных программ по важнейшим направлениям развития страны в условиях сближения государственных структур с институтами гражданского общества.

Ключевые слова: концепция; федеральный закон; федеральный конституционный закон; нормативный правовой акт; органы власти; нормотворческий процесс.

To the question of the concept of the Federal law «About the normative legal acts of the Russian Federation»

S.A. PAVLOVSKIY – head of legal service, Vologda Institute of Law and Economic of the Federal Penitentiary Service of Russian

The article substantiates the need for legislative laying down the unified rules of lawmaking activity of the authorities by taking into account their sphere of jurisdiction and legal status, putting in order preparation processes, rules of adopting normative legal acts as state decisions, providing their accessibility and publicity during their application and execution. The author presents the structure of the Federal law “About the normative legal acts of the Russian Federation”, points to the necessity of the observance of the system connection and the succession of the normative legal acts of the authorities for strengthening principles of a legal, social and democratic state in the process of its reforming, implementation of the national programs in compliance with the most important trends of the country’s development under conditions of coming together governmental bodies with civil society institutions.

Key words: concept; federal law; federal constitutional law; normative legal act; authorities; rulemaking process.

Формирование правовой системы страны должно основываться на ряде законодательных актов, среди которых должен быть закон, регламентирующий нормотворческую деятельность всех органов государственной власти, унифицирующий принимаемые ими нормативные правовые акты, повышающий эффективность их взаимодействия, определяющий их правовой статус.

На необходимость принятия данного закона неоднократно указывалось в современной юридической литературе¹.

Говоря о статусе данного закона, можно прийти к выводу о том, что сам закон для

распространения своего действия на иные федеральные законы должен иметь статус конституционного. Вместе с тем Конституцией Российской Федерации² принятие федерального конституционного закона по этому поводу не предусмотрено. Представляется, что для принятия данного закона это необязательно. К примеру, в ст. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации³, имеющего силу федерального закона, закреплено, что нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать кодексу. Таким образом, это воля законодателя, которую он вправе выразить.

В 1996 г. на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации был внесен проект федерального закона № 96700088-2 «О нормативных правовых актах Российской Федерации». В соответствии с Постановлением Государственной Думы Российской Федерации от 11.11.1996 г. № 778-II ГД «О проекте Федерального закона "О нормативных правовых актах Российской Федерации"»⁴ проект данного закона был принят в первом чтении и направлен на доработку для последующего рассмотрения во втором чтении. Однако на основании Постановления Государственной Думы Российской Федерации от 12.05.2004 г. № 491-IV ГД «О проекте Федерального закона № 96700088-2 "О нормативных правовых актах Российской Федерации"»⁵ после восьмилетней работы законодательный процесс по данному федеральному закону был прекращен, законопроект снят с рассмотрения по мотивам низкого качества и устаревания концептуальных положений. Так завершилось многолетнее ожидание законодательного упорядочения системы нормативных правовых актов в Российской Федерации, включая подзаконные.

Вместе с тем важнейшим условием эффективного существования нормативных правовых актов является их иерархичность, системность и четкая логическая структура. Эти свойства изучались в российском правоведении⁶, но, к сожалению, до настоящего времени на законодательном уровне не определены такие понятия, как закон, подзаконный акт, а также их соотношение и юридическая сила.

В настоящее время нормотворческая компетенция федеральных органов исполнительной власти определена в Правилах подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации»⁷. Так, в п. 1 правил отмечается, что нормативные правовые акты издаются на основе и во исполнение федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, а также по инициативе федеральных органов исполнительной власти в пределах их компетенции.

В ряде субъектов Российской Федерации действуют специальные законы и уставы о нормативных правовых актах⁸, которые в свою очередь дают понятие закона субъекта Российской Федерации, определяют формы нормативных правовых актов, регламентируют основные требования, предъявляемые к ним, определяют их структуру. Однако на федеральном уровне данная проблема пока не разрешена.

Таким образом, бесспорной является необходимость принятия на федеральном уровне закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации».

Исследуя проблему необходимости принятия вышеуказанного федерального закона, нужно провести анализ сферы правового регулирования, которая могла бы у него быть.

Во-первых, в законе можно сформулировать официальное определение нормативного правового акта, указать на его признаки, что должно поставить преграду на пути произвольного увеличения числа наименований правовых актов. Кроме этого, закон может дать понятие и таким терминам, как основы законодательства и кодекс.

Во-вторых, закон закрепил бы официальную иерархичную систему нормативных правовых актов Российской Федерации, благодаря которой обеспечивалась бы идея юридической силы нормативных правовых актов.

В-третьих, закон определил бы виды нормативных правовых актов, которые вправе принимать органы власти, тем самым отграничив нормативные акты от ненормативных. Особое значение имеет четкое разграничение законодательных предметов ведения Федерации и ее субъектов. В соответствии со ст. 71 и 72 Конституции Российской Федерации представляется возможным выделить отрасли законодательства и сферы правового регулирования, отнесенные, во-первых, к исключительному ведению Федерации, во-вторых, к совместному ведению Федерации и ее субъектов, в-третьих, к ведению только субъектов Федерации.

В-четвертых, закон позволил бы рассмотреть вопрос о планировании нормотворческой деятельности. Планирование позволило бы вести подготовку нормативных правовых актов по наиболее актуальным направлениям, устанавливать последовательность в подготовке этих актов, определять форму и основные этапы их разработки и принятия; усилить контроль своевременности и качества подготовки проектов нормативных правовых актов.

В-пятых, неотъемлемым элементом нормотворчества является порядок принятия, подписания, официального опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов. Новый федеральный закон мог бы более четко закрепить весь нормотворческий процесс вплоть до принципов организации нормотворчества.

В-шестых, закон разъяснил бы правила юридической техники. Единство правовой системы Российской Федерации не в последнюю очередь обеспечивается единством терминологии, языка нормотворчества, едиными стандартами оформления нормативных правовых актов. Высокий технико-юридический уровень нормативных правовых актов – один из показателей правовой культуры общества.

В структуре федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации» предлагается выделить три части.

Первая часть закона должна быть посвящена упорядочению системы нормативных правовых актов в Российской Федерации с учетом уровней субъектов нормотворческой деятельности, субъектов, принимающих подзаконные акты, на всех уровнях управления.

В первой части должны решаться следующие задачи:

- обеспечение легитимности системы правовых дефиниций (терминологии), которая устанавливается законом для всей сферы нормотворческой деятельности;

- обеспечение нормативной правовой основы единой системы законодательства в Российской Федерации, согласованности федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации;

- нормативное оформление видов подзаконных нормативных правовых актов.

Вторая часть закона призвана обеспечить основную его цель – формулировку единых нормативных требований ко всем этапам и стадиям нормотворческого процесса. Эта часть закона призвана системно представлять процессуальную нормативную основу для уточнения или принятия новых регламентов работы органов власти в части нормотворчества и обеспечения процессов правоприменения и исполнения нормативных решений.

Во второй части должны решаться следующие задачи:

- установление процессуальных требований и порядка подзаконного нормотворчества как основы правоприменительной деятельности органов власти;

- введение общих требований к порядку принятия законов субъектов Российской Федерации;

- установление принципов организации нормотворчества;

- определение правил, обеспечивающих соблюдение юридической техники для разных уровней и видов нормативных правовых актов.

Третья часть закона, на наш взгляд, должна быть посвящена проблеме использования информационных технологий в нормотворческих процессах, а также деятельности контрольных и надзорных органов по соблюдению законности в нормотворческой практике органов государственной власти.

В третьей части закона должны решаться следующие задачи:

- установление норм планирования, согласования проектов законов и иных актов, принимаемых уполномоченными органами, а также положения по учету проектов нормативных правовых актов по сферам регулирования, ведению баз данных по проектам федеральных и региональных законов, подзаконных нормативных правовых актов, а также баз данных по учету предложений субъектов нормотворческой инициативы, ведению досье на проекты нормативных правовых актов с включением данных по всем стадиям их прохождения в процессе их принятия вплоть до опубликования;

- закрепление обязанностей органов власти в области формирования баз данных по нормативным правовым актам в своей системе ведения с выделением подсистем учета принимаемых актов конкретным органом и должностными лицами;

- решение организационных и процессуальных проблем ведения контроля за законностью принимаемых нормативных правовых актов и осуществления мониторинга правоприменительной практики;

- оценка эффективности самой нормотворческой работы, в том числе оценка соблюдения юридической техники нормативных правовых актов, их связанности в системе законодательства, обоснованности новаций, требующих изменения уже действующих актов.

Подводя итог, следует отметить, что принятие федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» позволит укрепить правовую основу нормотворчества в системе государственного управления, обеспечить условия для

взаимодействия органов власти с субъектами всех форм экономической, социальной, культурной деятельности, создать условия взаимодействия государства с

общественными организациями, выйти на более высокий уровень доверия граждан к государству и законодательству Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Юртаева Е.А. Закон о нормативных правовых актах и практика российского правотворчества // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 13–14; Тихомиров Ю.А., Рахманина Т.Н., Хабибулин А.Г. Закон о нормативных правовых актах – актуальная повестка дня // Там же. № 5. С. 88–89; Воронина Т.Н. Нормативные правовые акты МВД России в механизме правового регулирования деятельности органов внутренних дел: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 16; Урумов А.В. Законность в деятельности органов внутренних дел России: Учеб. пособие. Краснодар, 2006. С. 12–13.

² См.: Российская газета. 2009. № 7.

³ См.: СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁴ См.: Там же. 1996. № 47. Ст. 5307.

⁵ См.: Там же. 2004. № 21. Ст. 1982.

⁶ См.: Алиуллов Р.Р. Механизм управления органами внутренних дел (вопросы теории, методологии и практики): Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 112.

⁷ См.: СЗ РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.

⁸ См., напр.: Закон Вологодской области от 05.07.2012 г. № 2806-ОЗ «О нормативных правовых актах Вологодской области» // Красный Север. 2012. № 125.

¹ См.: Jurtaeva E.A. Zakon o normativnyh pravovyh aktah i praktika rossijskogo pravotvorchestva // Zhurnal rossijskogo prava. 2006. № 5. S. 13–14; Tihomirov Ju.A., Rahmanina T.N., Habibulin A.G. Zakon o normativnyh pravovyh aktah – aktual'naja povestka dnja // Tam zhe. № 5. S. 88–89; Voronina T.N. Normativnye pravovye akty MVD Rossii v mehanizme pravovogo regulirovanija dejatel'nosti organov vnutrennih del: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2001. S. 16; Urumov A.V. Zakonnost' v dejatel'nosti organov vnutrennih del Rossii: Ucheb. posobie. Krasnodar, 2006. S. 12–13.

² См.: Rossijskaja gazeta. 2009. № 7.

³ См.: SZ RF. 1994. № 32. St. 3301.

⁴ См.: Tam zhe. 1996. № 47. St. 5307.

⁵ См.: Tam zhe. 2004. № 21. St. 1982.

⁶ См.: Aliullov P.P. Mehanizm upravljenija organami vnutrennih del (voprosy teorii, metodologii i praktiki): Dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2004. S. 112.

⁷ См.: SZ RF. 1997. № 33. St. 3895.

⁸ См., напр.: Zakon Vologodskoj oblasti ot 05.07.2012 g. № 2806-OZ «O normativnyh pravovyh aktah Vologodskoj oblasti» // Krasnyj Sever. 2012. № 125.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Международное право и «узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц*

А.Л. КУЗЬМИНЫХ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье рассмотрена история правовой защиты военнопленных и интернированных гражданских лиц. Особое внимание при этом уделено характеристике Гаагских и Женевских конвенций, регламентирующих режим военного плена и интернирования.

Ключевые слова: режим военного плена и интернирования; международное гуманитарное право; Международный комитет Красного Креста; гаагские и женевские конвенции.

International law and prisoners of war: the problem of legal protection prisoners of war and interned persons

A.L. KUZMINYKH – docent of the philosophy and history department, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of historical sciences, docent, doctoral candidate of the russian history department in the Northern (Arctic) Federal University named after Lomonosov M.V.

In article is considered the history of legal protection of prisoners of war and civilian internees. The special attention is thus given the characteristics of the Hague and Geneva conventions, regulating of a mode of a military captivity and internment.

Key words: the military captivity and internment; international humanitarian law; International Committee of the Red Cross; the Hague and Geneva conventions.

По подсчетам ученых, за последние пять тысяч лет в мире произошло 14,5 тыс. войн, в ходе которых погибли 3,5 млрд чел.¹ К сожалению, вплоть до настоящего времени война не изжита как способ решения межгосударственных противоречий. Военные конфликты в различных регионах мира приводят к человеческим жертвам среди военнослужащих и мирного населения, сопровождаются актами насилия по отношению к лицам, захваченным в плен. Думается, что изучение опыта регулирования режима военного плена и интернирования объективно способствует пре-

дотвращению нарушений в сфере международного права и, самое главное, сохранению жизни, здоровья и человеческого достоинства жертв военных конфликтов.

С древнейших времен во всех цивилизациях существовали нормы и запреты, направленные на ограничение насилия, включая насилие во время войны. Чаще всего в основе их лежали религиозные постулаты, что делало их обязательными для исполнения всеми членами общества. Люди соблюдали эти нормы, потому что были убеждены, что действуют в соответствии со священной

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-01-00344а.

заповедью. Но именно этот фактор накладывал на них ограничение: нормы соблюдались исключительно между народами, принадлежавшими к одной культуре или религии².

В XVIII в. под влиянием идей Просвещения о «естественных правах человека» меняется отношение к войне и жертвам военных конфликтов. С точки зрения правосознания европейца, бесчеловечное обращение с обезоруженным врагом стало представляться незаконным и ничем не оправдываемым зверством. Девиз древнего мира «причиняй врагу столько зла, сколько можешь» уступил место девизу «не делай врагу больше зла, чем сколько того требуют цели войны». Французский просветитель Ж.-Ж. Руссо высказал мысль о необходимости выделения особой категории лиц – воюющих (комбатантов) – и применения к ним режима военного плена, то есть защиты со стороны пленившего их государства. Мирное население, по его мнению, не должно подвергаться массовому уничтожению и пленению³. Так или иначе, принципы, провозглашенные Руссо, носили декларативный характер.

Во второй половине XIX в. оформляется международное гуманитарное право о жертвах войны. В 1863 г. в Швейцарии был основан Международный комитет по оказанию помощи раненым (с 1876 г. – Международный комитет Красного Креста) – благотворительная организация, оказывающая помощь жертвам войн и вооруженных конфликтов. Основополагающие принципы деятельности МККК заключались в ограничении методов и средств ведения военных действий и выработке цивилизованных правил поведения воюющих сторон. Во многих странах, в том числе в России, создаются национальные общества Красного Креста.

В 1864 г. по инициативе упомянутого комитета в Женеве состоялась международная конференция по регулированию правил ведения войны. Итогом ее работы стало принятие 10 (22) августа 1864 г. «Конвенции об улучшении во время сухопутной войны участи раненых и больных воинов», которую подписали представители 12 государств. 10 мая 1867 г. к 1-й Женевской конвенции присоединилась и Россия. Согласно этому документу за каждым воином закреплялось право на лечение независимо от того, принадлежит ли он к своим или неприятельским войскам (ст. 6). Медицинский персонал, оказывающий помощь раненым, получал неприкосновенность (ст. 1–5). После выздоровления военнотружущих противника предписывалось отпускать на родину, но с обязательством не братья за оружие до завершения войны (ст. 7). Таким образом, дан-

ная конвенция впервые брала под защиту международного права лиц, взятых в плен, хотя и распространялась лишь на медицинский персонал и раненых и больных воинов.

Вслед за этим Россия выступила инициатором проведения конференции по кодификации военного права, которая прошла в Брюсселе в 1874 г. Накануне появилась нота российского Министерства иностранных дел, к которой прилагался проект конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Автором данного документа был известный дипломат и юрист Ф.Ф. Мартенс. Впервые правила поведения на поле боя распространялись не только на армию, но и на участников добровольческих отрядов и ополчения. При этом последние приобретали статус военнопленных, если вооруженные формирования, в которые они вступали, во-первых, имели во главе лицо, ответственное за своих подчиненных, во-вторых, имели отличительный знак, в-третьих, открыто носили оружие, в-четвертых, соблюдали законы и обычаи войны. Тем не менее, несмотря на все усилия российской делегации, проект конвенции, насчитывавший 60 статей, так и остался проектом⁴. Конференция приняла лишь Брюссельскую декларацию, которая носила рекомендательный характер. Последовавшие события на Балканском полуострове и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. отвлекли внимание европейского сообщества от вопроса об урегулировании законов и обычаев войны вплоть до начала XX в.

В 1899 г. состоялась Гаагская мирная конференция, созванная по инициативе русского императора Николая II. На ней были приняты три конвенции: «О мирном разрешении международных столкновений», «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 года о раненых и больных», «О законах и обычаях сухопутной войны». Наиболее важной из них с точки зрения регулирования режима военного плена являлась последняя конвенция, основанная на положениях Брюссельской декларации 1874 г. Во-первых, она определила правовой статус комбатанта и военнопленного (ст. 1–3), во-вторых, содержала специальный раздел, посвященный правам и обязанностям военнопленных.

Согласно конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» военнопленным предоставлялись следующие личные и имущественные права: право на гуманное обращение; право собственности на принадлежащие им вещи, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг (ст. 4); право на оплачиваемую работу; право на получение части заработка для улучшения своего положения, оставшегося при освобождении, за вычетом расходов на содержание (ст. 6); право пользова-

ния пищей, помещениями и одеждой, какой пользуются войска правительства, взявшего в плен (ст. 7); право на письма, переводы и посылки (ст. 16); право на духовное завещание (ст. 19); право на возвращение на родину по заключении мира (ст. 20).

Помимо прав за военнопленными закреплялся перечень обязанностей: не удаляться за границы лагеря (ст. 5); выполнять работу сообразно с чином и способностями (ст. 6); подчиняться законам, уставам и распоряжениям, действующим в армии государства, во власти которого они находятся (ст. 8); на поставленный вопрос объявить свое имя и чин (ст. 9); при освобождении под честное слово добросовестно исполнить принятые на себя обязательства (ст. 10)⁵.

Историческое значение Гаагской конференции 1899 г. состояло в том, что, несмотря на многочисленные противоречия между государствами, принимавшими участие в ее работе, впервые в истории удалось выработать многостороннее международное соглашение, регулирующее положение военнопленных на основе общепризнанных правовых принципов и обычаев обращения с ними.

Положения конвенции 1899 г. были закреплены в ходе Гаагской конференции 1907 г. Новая конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны» полностью воспроизводила текст конвенции 1899 г. и насчитывала 17 статей, регулирующих правовое положение военнопленных. Содержание военнопленных возлагалось на государство, во власти которого они находятся. При этом они должны были обеспечиваться пищей, помещениями и одеждой наравне с войсками пленившей их державы (ст. 7). Пленных разрешалось привлекать к работам, не связанным с боевыми действиями. При этом их труд должен был оплачиваться, а заработанные средства направляться на улучшение их содержания (ст. 6). Военнопленным же офицерам полагался оклад, равный окладу офицеров страны, где они задержаны, но при условии возмещения расходов их правительством (ст. 17). Допускалось применение дисциплинарных взысканий по отношению к лицам, предпринявшим попытку побега (ст. 8). С другой стороны, военнопленные могли быть освобождены под честное слово, но в таком случае обязывались «ручательством лично своей честью» не принимать участие в боевых действиях против пленившего их государства (ст. 10–12). Немаловажным моментом было предоставление пленным свободы отправления религиозных обрядов (ст. 18) и составления духовных завещаний (ст. 19). Наконец, в конвенции говорилось о необходимости отправки воен-

нопленных на родину «в возможно близкий срок» после заключения мира (ст. 20).

В перерыве между двумя гаагскими конференциями состоялся еще один международный форум – Женевская конференция 1906 г. Сторонами-участницами были внесены существенные коррективы в конвенцию «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях», принятую в 1864 г. Принцип нейтральности походных лазаретов и госпиталей, не выдержавший проверку временем, был заменен принципом покровительства. Это означало, что медицинский персонал терял право на неприкосновенность и подлежал пленению наравне с другими военнослужащими. Однако во время пребывания в плену медики получали возможность заниматься своими прямыми обязанностями; использование их в каком-либо ином качестве категорически воспрещалось. Согласно конвенции военнопленные, нуждавшиеся в лечении, должны были получать медико-санитарный уход вне зависимости от их национальности. Реализацию этого положения обеспечивала ст. 28, которая устанавливала судебную ответственность для лиц, виновных в «дурном обращении с ранеными и больными»⁶.

Первая мировая война стала серьезным испытанием действенности норм международного права. Общее количество лиц, прошедших через неприятельский плен, составило от 8 до 10 млн чел.⁷ По подсчетам военного демографа Б.Ц. Урланиса, центральные державы (Германия, Австро-Венгрия, Османская империя, Болгария и их союзники) потеряли пленными примерно 3 млн чел. (из них умерло в плену 143 тыс. чел., или около 4%), страны Антанты (Россия, Англия, Франция и их союзники) – не более 4,5 млн чел. (из них умерло в плену 386 тыс. чел., или около 9%)⁸.

Мировая война 1914–1918 гг. наглядно показала, что содержание военнопленных на условиях, оговоренных в международных конвенциях, не может быть обеспечено в силу взаимного ожесточения и сложного социально-экономического положения воевавших стран. По сути, ни в одной стране не соблюдалось положение о соответствии условий содержания военнопленных уровню собственной армии. Деятельность созданных согласно Гаагской конвенции справочных бюро затруднялась отсутствием отработанного механизма взаимодействия с представителями враждебной стороны. Уполномоченные комитетов помощи военнопленным зачастую не допускались в лагеря, а соответственно, не могли повлиять на улучшение их положения.

Фактически во всех государствах, участвовавших в войне, режим содержания обезору-

женных неприятельских военнослужащих на- поминал тюремно-пенитенциарный режим. Места содержания обносились забором из колючей проволоки, за пленными устанавливалось постоянное наблюдение, для нарушителей лагерного распорядка применялись наказания. Широкие масштабы получило использование труда военнопленных, причем нередко на объектах военного значения. Последние подвергались агитационно-пропагандистской обработке и использовались в качестве инструмента идеологического давления на противника. Имела место практика формирования из числа военнопленных национальных вооруженных формирований для использования на фронте, что категорически противоречило Гаагской конвенции 1907 г. о законах и обычаях войны.

Вместе с тем война 1914–1918 гг. внесла и некоторые положительные новации в практику военного плена. Почти всеми государствами-участниками было разработано внутреннее законодательство, детально регламентирующее порядок содержания военнопленных. Характерно, что спорные вопросы организации лагерного быта, включая самые незначительные детали (оборудование помещений, количество отхожих мест, порядок стрики белья), выносились для согласования между воюющими сторонами в ходе международных конференций на тер-

ритории нейтральных государств⁹. К числу положительных новаций можно отнести взаимные поездки сестер милосердия в целях осмотра лагерей, обмен военнопленными инвалидами между воюющими сторонами, а также активную деятельность представителей нейтральных держав по улучшению содержания узников войны.

Наконец, реальной защите прав военнопленных способствовала активная деятельность Международного комитета Красного Креста. При участии МККК в лагерь было отправлено свыше 2 млн посылок, организован обмен почтовой корреспонденцией между воюющими сторонами. Сотрудники Красного Креста следили за соблюдением требований Гаагской мирной конференции 1907 г. о содержании военнопленных. Контроль со стороны Красного Креста способствовал улучшению положения военнопленных, а переговоры о репатриации позволили многим из них вернуться домой. Неслучайно деятельность МККК в 1917 г. была отмечена Нобелевской премией мира – единственной в годы Первой мировой войны¹⁰.

В целом Первая мировая война оставила противоречивый опыт регулирования проблемы военнопленных, выявив многочисленные упущения в гуманитарном праве и необходимость совершенствования правоприменительной практики.

(Продолжение статьи см. в № 1 (21))

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Капустинский Г.П. СССР в условиях начала Второй мировой войны (1939–1941 гг.) // Идет война народная: Материалы всероссийской науч. конф. «СССР во Второй мировой и Великой Отечественной войнах. 1939–1945 гг.», посвященной 70-летию начала Великой Отечественной войны и Московской битве. Красноярск, 2011. С. 12.

² См.: Буньон Ф. Право Женевы и право Гааги // Международный журнал Красного Креста: Сб. ст. 2001. С. 137–138.

³ См.: Амелин А.Б. Международно-правовое регулирование военного плена: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. С. 22–23.

⁴ См.: Конасов В.Б. Проблема правовой защиты военнопленных в исторической ретроспективе // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Вологда, 2000. Ч. 1. С. 42–43.

⁵ См.: Шелокаева Т.А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 51.

⁶ Конасов В.Б. Проблема правовой защиты военнопленных в исторической ретроспективе. С. 44.

⁷ См.: Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2004. С. 3; Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010. С. 9.

⁸ См.: Урланис Б.Ц. История военных потерь (историко-статистическое исследование). СПб.; М., 1998. С. 325–326.

⁹ См.: Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006. С. 49–50.

¹⁰ См.: Международный комитет Красного Креста (International Committee of the Red Cross) // Электронная библиотека «Наука и техника». <http://n-t.ru/nl/mr/icrc.htm>

¹ См.: Kapustinskij G.P. SSSR v uslovijah nachala Vtoroj mirovoj vojny (1939–1941 gg.) // Iдет vojna narodnaja: Materialy vsersossijskoj nauch. konf. «SSSR vo Vtoroj mirovoj i Velikoj Otechestvennoj vojnah. 1939–1945 gg.», posvjawennoj 70-letiju nachala Velikoj Otechestvennoj vojny i Moskovskoj bitve. Krasnojarsk, 2011. S. 12.

² См.: Bun'on F. Pravo Zhenevy i pravo Gaagi // Mezhdunarodnyj zhurnal Krasnogo Kresta: Sb. st. 2001. S. 137–138.

³ См.: Amelin A.B. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie voennogo plena: Dis. ... kand. ist. nauk. M., 1954. S. 22–23.

⁴ См.: Konasov V.B. Problema pravovoj zavity voennoplennyh v istoricheskoj retrospektive // Voinskij podvig zavitnikov Otechestva: tradicii, preemstvennost', novicii: Materialy mezhregion. nauch.-prakt. konf. Vologda, 2000. Ch. 1. S. 42–43.

⁵ См.: Welokaeva T.A. Pravovoj status inostrannyh voennoplennyh v SSSR (1939–1956 gg.): Dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2000. S. 51.

⁶ Конасов В.Б. Проблема правовой завity voennoplennyh v istoricheskoj retrospektive. S. 44.

⁷ См.: Bondarenko E.Ju. Inostrannye voennoplennye na Dal'nem Vostoke Rossii (1914–1956 gg.): Dis. ... d-ra ist. nauk. Vladivostok, 2004. S. 3; Nagornaja O.S. «Drugoj voennyj opyt»: rossijskie voennoplennye Pervoj mirovoj vojny v Germanii (1914–1922). M., 2010. S. 9.

⁸ См.: Urlanis B.C. Istorija voennyh poter' (istoriko-statisticheskoe issledovanie). SPb.; M., 1998. S. 325–326.

⁹ См.: Gergileva A.I. Voennoplennye Pervoj mirovoj vojny na territorii Sibiri: Dis. ... kand. ist. nauk. Krasnojarsk, 2006. S. 49–50.

¹⁰ См.: Mezhdunarodnyj komitet Krasnogo Kresta (International Committee of the Red Cross) // Jelektronnaja biblioteka «Nauka i tehnika». <http://n-t.ru/nl/mr/icrc.htm>

Колодники Святейшего Синода: правовой статус и государственное юридическое оформление

А.Р. ПАВЛУШКОВ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

В статье рассматриваются вопросы оформления юридического статуса колодников Святейшего правительствующего Синода. Они составляли особую категорию арестантов духовного ведомства, находившихся под стражей на время предварительного или повторного следствия. В юридической и исторической литературе научных исследований по этой категории заключенных практически нет, поэтому обращение к данной теме представляет научный интерес. Историко-правовая реконструкция строится исключительно на архивных материалах и документах Синода XVIII в.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Святейший правительствующий Синод; Сенат; церковно-каноническое право; церковная юрисдикция; пенитенциарная практика монастырей; колодники; именные церковные инструкции; церковное судопроизводство; религиозные и государственные преступления; монастырское заключение; судебная секуляризация.

Kolodniki (arrested persons) of the Apostolic Synod: the legal status and legal implementation

A.P. PAVLUSHKOV – docent of the philosophy and history department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, a candidate of history science

The issues of status legal implementation of the arrested persons of the Apostolic Synod are considered in the article. They were a special category of arrested people of the priesthood authority being in custody during preliminary and duplicative investigation. There is no information about this category of convicts in the legal and historic literature, so this field is of a scientific interest. The historical and legal renewal is based on some archive information and papers of the Synod of 18 century.

Key words: the Russian Orthodox Church; the Apostolic Governmental Synod; senate; canon law; church jurisdiction; penitentiary practice of monasteries; kolodniki (arrested persons); nominal church instructions; canon legal procedure; religious and state crimes; monastery imprisonment; judicial secularization.

Святейший Синод – государственный орган управления Русской православной церковью, существовавший в России с 1721 по 1917 гг. Компетенция его была достаточно разнообразной и касалась вопросов регулирования религиозной, семейной и духовной политики Российской империи. Синод стал одним из главных органов управления, встроенных в обширный государственный аппарат. Формально он был уравнен в правах с Сенатом, также носившим название «правительствующий», но фактически по своему статусу имел соподчиненное положение, так как многие решения Синода должны были предварительно получить одобрение Сената. Об этом свидетельствует переписка высших судебных инстанций, содержание которой указывает на то, что все наиболее

важные вопросы Синод всегда согласовывал с Сенатом, тогда как Сенат входил в сношения с Синодом только по делам определенного рода. В частности, Синод был обязан присылать сведения обо всех колодниках, содержащихся в духовном ведомстве¹.

Императорский указ 1722 г. предписывал создание в Синоде органов управления, соответствующих гражданской службе. Уточнялось, что Святейший Синод в духовных делах имеет такую же силу, как Сенат в светских². В соответствии с этим постановлением при Синоде учреждалась специальная канцелярия для ведения следственных мероприятий. При ней создавались помещения для содержания колодников.

Обращение к изучению данной категории лиц представляет интерес в силу ее мало-

изученности, что дает возможность более полно оценить процесс взаимодействия государства и церкви в вопросах разграничения судебной юрисдикции.

Прежде чем рассматривать данную тему, необходимо сделать несколько уточнений.

Во-первых, в качестве мест заключения помещения духовного ведомства использовались и раньше. На Европейском Севере России такая практика была повсеместной. Местами заключения служили не только монастыри, но и специальные помещения при архиерейских домах для проведения предварительного расследования. Поэтому появление при Синоде тюремного помещения вследствие исполнения императорского указа нельзя рассматривать как попытку государственного вмешательства в дела церкви путем наделения церкви несвойственными ей карательными функциями. В данном случае подобная мера является отражением утилитаризма, чем была проникнута вся государственная политика Петровской эпохи.

Во-вторых, вопреки расхожему мнению большинства исследователей, в северные монастыри ссылали не только за религиозные и семейные преступления. Материалы архивов свидетельствуют о многочисленных фактах, когда в монастырские остроги отправляли за уголовные и государственные преступления, а также политических противников в целях их устранения. Можно сказать, что к началу XVIII в. пенитенциарная практика северных монастырей сложилась, она формировалась достаточно хаотично и процессуально не была отрегулирована. Государство и сама церковь были заинтересованы в разграничении тюремной компетенции.

Понятие «колодники» стало широко использоваться в нормативно-правовых актах государства и церкви в начале XVIII в. Его происхождение связано со словами «колода» и «колодка» – деревянные приспособления, которые надевались на ноги заключенным для предупреждения их побега. Отсюда выражение «посадить в колоду». Разграничение колодников по половому признаку, на что указывает С.И. Ожегов, в государственных актах не выявлено³. Понятие «колодница» можно обнаружить только в локально-нормативных документах распорядительного характера, когда речь шла о составлении отчетов о поведении каждого заключенного и требовались поименные сведения о каждом из них. По справедливому замечанию В.И. Даля, «колодник» – это собирательное понятие, обозначающее узника, «подстражного арестанта», «заключенника», неволь-

ника⁴. В нормативных документах XIX в. эта категория стала обозначаться термином «арестант».

Колодники духовного ведомства – это лица, которые находились в местах заключения, относящихся к ведению церкви. Принципиальной особенностью правового статуса этой категории лиц было то, что основная форма наказания сопровождалась мерами увещательного характера. При этом режим изоляции и непосредственная форма исполнения наказания в виде лишения свободы могли иметь широкие разновидности, о чем говорят решения судебных инстанций, *сопроводительные письма* (документ, регламентирующий режим содержания заключенного, который через конвоиров передавался настоятелям) и *именные церковные инструкции*. Последние выписывались Святейшим Синодом и предназначались архимандритам на право осуществления судебных полномочий. Отличием их было то, что они, во-первых, имели конкретного адресата и выдавались далеко не всем; во-вторых, спектр обозначенных судебных полномочий, несмотря на типовую схожесть, все-таки отличался (в каждом случае перечень судебных полномочий перечислялся отдельно с указанием специфики).

Данные инструкции являлись важнейшим источником церковного права и были особенно распространены в XVIII в. Их появление являлось следствием огромного числа коллизий, когда за одни и те же преступления устанавливалась подсудность правонарушителей различным судебным инстанциям: государственным и церковным. Инструкции уточняли судебную компетенцию архимандритов, чтобы снять возможные противоречия при производстве следственных мероприятий и вынесении судебного решения. Например, Судебная инструкция архимандриту Лаврентию, выданная 22 мая 1722 г., в жесткой форме устанавливала пределы субъектной компетенции. Он мог рассматривать только «духовные дела» в отношении лиц духовного звания. Инструкция четко определяла правовой статус архимандрита. Он контролировал исполнение священниками обязанностей в соответствии с духовным регламентом, принимал челобитные с жалобами на духовных лиц и вел по ним расследования, наказывал правонарушителей. Параграф 13 предусматривал возможность применения различных форм наказания (штраф и «держание в узах» в тюремном помещении при монастыре)⁵.

Особую категорию лиц составляли *колод-*

ники Святейшего Синода. Речь идет о лицах, которые обвинялись в религиозных или государственных преступлениях, либо особых случаях, когда требовалось вмешательство высшей судебной инстанции Русской православной церкви (по причине исключительной сословной принадлежности обвиняемого, некомпетентности местных духовных судебных палат и др.). На время следствия колодники находились в изолированном помещении при Синоде под охраной воинской команды.

Для проведения следственных мероприятий в Синоде была создана канцелярия, куда входили как духовные, так и светские чиновники. Будучи высшей судебной инстанцией церкви, Синод рассматривал жалобы, апелляции, ходатайства, доносы (пока они были не запрещены). Члены судебной канцелярии Синода принимали присягу, которая практически не отличалась от присяги военных и гражданских служащих.

Святейший правительствующий Синод проводил дознание лиц, обвинявшихся в тяжких преступлениях, подлежавших компетенции духовного ведомства. Сразу оговоримся, что в начале XVIII в. понятия «тяжкое преступление» еще не существовало. Однако современный контекст содержания этого понятия уже вполне сложился. Он был связан с судебной практикой, когда наиболее резонансные следственные дела производились одновременно церковным и светским ведомствами. К таким относились преступления, связанные с обвинением духовных лиц в совершении уголовных преступлений, а также в причастности к расколу, принуждению к вступлению в другую веру; убийства по неосторожности, убийства незаконнорожденных детей, кровосмешение и некоторые другие деяния.

Для рассмотрения таких дел документы, собранные первичной инстанцией (местными духовными властями), направлялись в Синод вместе с обвиняемыми. Этих лиц называли колодниками. Однако в отличие от «тюремных сидельцев» они находились в Синоде только на время проведения следствия. Количество колодников в разное время менялось. Например, в 1722 г. общее число колодников при всех коллегиях составляло 66 чел. Точных данных по количеству колодников, содержащихся при духовной коллегии, не обнаружено. На основе сопоставления можно предположить, что эта цифра приблизительно могла достигать 20 чел.

Помещений для колодников при Синоде первоначально не было вообще. Они рассылались по ближайшим монастырям или

другим ведомствам. Дальнейший прирост колодников поставил вопрос о необходимости строительства для них специальных помещений. Кроме того, этому способствовало несколько обстоятельств.

Во-первых, некоторые инструкции Синода предписывали настоятелям монастырей «ловить самовольно шатающихся священнослужителей и церковнослужителей» и отправлять их в Синод, если они не возвращались на прежние места службы, для определения их дальнейшей судьбы⁶. В период секуляризационной кампании число самовольных отлучек и случаев бегства священнослужителей заметно увеличилось, однако возможности Синода для временно-го содержания беглых были ограничены.

Во-вторых, был расширен список правонарушений священнослужителей, которые подлежали рассмотрению Синодом с обязательным присутствием обвиняемых. Например, обязательной отсылке в Синод под караулом подлежали священники, которые продолжали службу при лишении этого права. В ряде случаев прямо говорилось, что лица духовного звания, совершившие «важные преступления», должны отсылаться в Синод с «обстоятельными доношениями»⁷.

В-третьих, в начале XVIII в. механизм судебного делопроизводства был регламентирован и требовал соблюдения определенных правил, более жесткого контроля, что в свою очередь заставило Синод более серьезно относиться к вопросам охраны колодников⁸.

В 1721 г. Военной коллегии было предписано выделить помещения в Санкт-Петербурге для колодников, присылаемых из Святейшего Синода. Они должны были содержаться отдельно от колодников Канцелярии тайных розыскных дел. Причиной подобного решения явилось отсутствие у Синода «надлежащей военной охраны и мест под содержание колодников». Синоду с этого момента разрешалось требовать в военном гарнизоне Петербурга «удобные места для колодников, в которых бы они содержались крепко»⁹. В результате было начато строительство нескольких тюремных помещений для колодников Синода и Сената по отдельности¹⁰. Имеющаяся в нашем распоряжении деловая переписка между Синодом и Сенатом говорит о сложности государственно-церковных отношений по вопросам организации охраны колодников. В частности, из Синода постоянно поступали жалобы в Сенат на то, что Военная коллегия плохо организует и контролирует караульную службу колодников¹¹.

24 марта 1721 г. в Синод прибыло 16 военных для несения караульной службы во главе с лейб-гвардии Семеновского полка капралом Семеном Артемьевым из Военной коллегии, однако у прибывших не было ни оружия, ни продовольствия. Синод направил жалобу и просил Сенат «дать распоряжение о присылке для них фузей, шпаг и епанчей в связи с тем, что из Канцелярии тайных розыскных дел в Синод поступает много колодников по обвинению в важных государственных делах». Военная коллегия чуть позже прислала еще 7 военных для охраны, но их определили по монастырям в связи с тем, что они были не нужны в таком количестве¹².

Содержание колодников Синода происходило за счет государства. Для уменьшения расходов их разрешалось отдавать на мануфактуры Московской губернии или отпускать для сбора милостыни. Лица, обвиняемые в государственных преступлениях, могли собирать милостыню только при отсутствии работ. Для поиска «прокорма» женщины направлялись на прядильные мануфактуры, мужчины – на земляные работы. Оплата была единой: первоначально – четыре деньги в день на одного человека, затем – шесть денег в сутки. Оплату производил владелец мануфактуры. На него ложилась и ответственность за охрану колодников. Разрешалось также по просьбе частных лиц использовать колодников и на других работах. В большинстве случаев они находились на месте работы постоянно, проживая в специальных помещениях. Во время церковных праздников и в воскресенье использовать применение трудовой повинности запрещалось. Владельцы мануфактур обязаны были предоставлять питание синодальным колодникам бесплатно.

По всей видимости, условия содержания колодников были плохие. В официальных рапортах Синода говорится, что «многие колодники претерпевают голод, к тюрьмам милостыни никто не приносит, и колодники от голоду лежат при смерти»¹³. Многие владельцы мануфактур отказывались брать колодников по причине неэффективности их труда. Поэтому вопрос об их содержании по-прежнему стоял остро.

Для организации работ колодников Синоду был определен бывший двор адмирала Головина, а на доктора Бидла возлагалось общее руководство. Интересным является тот факт, что лица, обвиненные в преступлениях по челобитным или доносам частных лиц, содержались исключительно за счет последних. Запрещалось их привлекать и к

общественным работам, отпускать для сбора милостыни. Остальным колодникам разрешалось собирать милостыню при строгом соблюдении регламента: их одновременное количество не должно было превышать 20 чел., все они были соединены железной цепью. Однако в дальнейшем сбор милостыни был запрещен¹⁴.

С середины 1722 г. количество колодников в Синоде сократилось. Причиной стало постановление Сената от 04.06.1722 г. о том, что все должники, находящиеся при коллегиях на следствии, должны ссылаться на галеры при невозможности возместить долг государству. При «ревизион-конторе» под руководством двух назначенных офицеров создавался особый стол для осуществления правеха (допроса с пристрастием) и взыскания недоимок. На основании этого распоряжения Синод приказал вывести всех колодников, которые содержались по обвинению в растрате церковных (казенных) денег, и отправить на каторгу, если те не погасят растрату¹⁵. Отправка таких колодников на каторгу происходила неоднократно, что подтверждено официальными документами¹⁶.

К колодникам, находившимся в Синоде, могли применяться пытки. Действующее законодательство разрешало применять пытку даже в отношении несовершеннолетних. Принцип презумпции виновности являлся основой уголовного законодательства того времени. Лицо, обвиняемое в совершении преступления, обязано было самостоятельно предоставить доказательства своей невиновности или, выдержав несколько пыток, подтвердить свое алиби одинаковыми показаниями. Следует, однако, заметить, что по отношению к колодникам духовного ведомства пытки применялись все-таки реже, чем в гражданских следственных инстанциях. Обвиняемое лицо могло жаловаться в Синод на производимые пытки. Так, 17 января 1722 г. в Синод поступила жалоба от секретаря Василия Федорова, который находился в приказе церковных дел по обвинению в «растрате денег государевой казны в сумме 27 рублей». Эти деньги он собрал как штраф с людей, не явившихся на исповедь, но в казну их не зачислил. В. Федоров пишет, что уже 15 недель находится на «правеже» и жалуются на архимандрита Антония, по приказу которого его неоднократно били и истязали. Обвиняемый признался в растрате, однако в высшую церковную инстанцию обратился с просьбой о материальной поддержке, чтобы Синод ему эту растрату простил или дал денег для возврата в казну. Постанов-

ление Синода было предельно лаконично: в течение двух недель деньги вернуть или «сослать на галерные работы»¹⁷.

Подведем некоторые итоги.

В начале XVIII в. среди заключенных духовного ведомства появляется новая категория – колодники Святейшего Синода. Правовой статус этой группы лиц был юридически оформлен несколькими нормативными документами Сената и Синода и касался вопросов их содержания, местонахождения и финансирования. Колодники Святейшего

Синода – это лица, которые направлялись в высшую судебную инстанцию церкви для производства следственных мероприятий.

Выделение этих лиц в особую группу связано с общей тенденцией усиления вмешательства государства в судебную юрисдикцию РПЦ. Регламентация содержания колодников Синода устанавливалась государством и строилась на тех же принципах и правилах, как и предварительное заключение в местах, подчиненных гражданскому ведомству.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений Синода по ведомству православного вероисповедания Российской империи. СПб., 1872. Т. 2: 1722. № 457. С. 108

² См.: Там же. № 693.

³ См.: Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 284.

⁴ См.: Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. Современное написание. М., 2004. С. 99.

⁵ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений Синода по ведомству православного вероисповедания Российской империи. № 630. П. 13. С. 300.

⁶ См.: Там же. № 582. П. 4.

⁷ Там же. № 630. П. 13–14.

⁸ См.: Там же. № 582. П. 6, 16–17.

⁹ Там же. СПб., 1879. Т. 1: 1721. № 36. С. 50.

¹⁰ См.: Там же. № 201. С. 252.

¹¹ См.: Там же. Т. 1: 1721. № 201. С. 253.

¹² См.: Там же. № 50. С. 64.

¹³ Там же. № 874. Т. 2. С. 565–566.

¹⁴ См.: Там же. № 822.

¹⁵ См.: Там же. № 688. С. 345–345.

¹⁶ См.: Там же. № 354, 714, 831.

¹⁷ Там же. № 354. С. 12.

¹ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений Синода по ведомству православного вероисповедания Российской империи. СПб., 1872. Т. 2: 1722. № 457. С. 108

² См.: Там же. № 693.

³ См.: Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 284.

⁴ См.: Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. Современное написание. М., 2004. С. 99.

⁵ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений Синода по ведомству православного вероисповедания Российской империи. № 630. П. 13. С. 300.

⁶ См.: Там же. № 582. П. 4.

⁷ Там же. № 630. П. 13–14.

⁸ См.: Там же. № 582. П. 6, 16–17.

⁹ Там же. СПб., 1879. Т. 1: 1721. № 36. С. 50.

¹⁰ См.: Там же. № 201. С. 252.

¹¹ См.: Там же. Т. 1: 1721. № 201. С. 253.

¹² См.: Там же. № 50. С. 64.

¹³ Там же. № 874. Т. 2. С. 565–566.

¹⁴ См.: Там же. № 822.

¹⁵ См.: Там же. № 688. С. 345–345.

¹⁶ См.: Там же. № 354, 714, 831.

¹⁷ Там же. № 354. С. 12.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Реформа в пенитенциарных учреждениях Германии

О.М. ЧЕРНЫШЕВА – доцент кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук, доцент

В статье рассматривается процесс преобразований пенитенциарных учреждений в ФРГ в рамках объявленной в 2006 г. «реформы федерализма», предоставившей федеральным землям исключительную законодательную компетенцию в сфере исполнения наказаний. Источником актуального материала явились данные сайтов Федерального статистического ведомства ФРГ, Федерального министерства юстиции Германии, журнала «Fokus» и ежедневника «Die Zeit».

К л ю ч е в ы е с л о в а : реформа; законодательная компетенция; ресоциализация; принципы исполнения наказаний; правовой сепаратизм; «Justice by geography».

The reform of penitentiary establishments in Germany

O.M. CHERNYSHEVA – docent of the department for Russian and foreign languages, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of philological sciences, docent

The article deals with the transformation process of penitentiary establishments in Germany within the framework of “the federalism reform” proclaimed in 2006 that gave the federal lands an exceptional legislative competence in the field of penal execution. The source of topical matter was the sites’ data of the Federal statistic service of Germany, the Federal ministry of justice, the magazines “Fokus” and the daily “Die Zeit”.

Key words: reform; legislative competence; re-socialization; the principles of penal execution; legal separatism; “Justice by geography”.

В уголовно-исполнительной системе федеральных земель Германии происходит самая основательная реформа за последние двадцать с лишним лет.

В сентябре 2006 г. правительственным большинством парламента Германии (ХСС/ХДС и СДПГ) было принято решение о «реформе федерализма». С этого момента конкурирующая законодательная компетенция федерации в сфере исполнения наказаний сменилась исключительной законодательной компетенцией федеральных земель.

Для многих ученых и практиков это изменение было и остается спорным, потому что оно может ликвидировать правовое единство в уголовном праве и увеличить существующие различия в исполнении наказаний.

По-разному начали реформу отдельные федеральные земли. В то время как три-

надцать земель создали, как того требовал Федеральный конституционный суд, специальные законы, регулирующие исполнение наказаний в отношении несовершеннолетних лиц (и этим подчеркнули самостоятельность данной сферы), в трех федеральных землях (Баварии, Гамбурге и Нижней Саксонии) были приняты интегрированные законы, обеспечивающие деятельность единой уголовно-исполнительной системы.

Что касается отбытия наказания взрослыми осужденными, то проект-образец закона об исполнении наказаний в отношении взрослых лиц разрабатывался 12 федеральными землями и все еще постепенно внедряется в отдельных федеральных землях. До принятия соответствующего закона федеральной земли, как и прежде, действует Федеральный закон об исполнении наказаний 1976 г. (StVollzG).

Цели и принципы исполнения наказаний

Проводимая реформа не изменяет основных целей и принципов организации исполнения наказаний. В ст. 1 Федерального закона об исполнении наказаний (§ 2 Satz 1 StVollzG) в ФРГ в качестве основной цели исполнения наказаний называется ресоциализация. И все же чаще говорят о «социализации», социальной адаптации, так как предполагается, что часть лиц, осужденных к лишению свободы, в пенитенциарном учреждении впервые знакомятся с общественно-обязательными нормами.

Кроме того, к задачам учреждений, исполняющих наказания, относится защита населения от дальнейших преступлений (§ 2 Satz 2 StVollzG). При этом, по господствующему в Германии мнению, речь идет отнюдь не о равноценной цели. Аспект безопасности, скорее, должен рассматриваться как минимальная задача исполнения наказания в виде лишения свободы. Принимать во внимание другие цели наказания, такие, например, как компенсация вины, общая превенция и т.д., при организации исполнения наказаний, по всеобщему мнению, недопустимо.

Принципы исполнения наказаний регламентируются в § 3 ст. 1 (§ 3 Satz 1 StVollzG):

1. По принципу уравнивания условия внутри учреждения, исполняющего наказания, должны приравниваться, насколько это возможно, к условиям внешнего мира, например, через работу, досуг и образование.

2. По принципу противодействия следует противодействовать вредным последствиям лишения свободы, например, через посещения родственниками или облегчение условий содержания (предоставление выходного, права свободного передвижения за пределами учреждения или отпуска).

3. По принципу реинтеграции осужденного следует готовить к жизни после отбытия заключения, возможно, через отпуск для подготовки к освобождению (§ 15 StVollzG), перенесение освобождения на более ранний срок (§ 16 StVollzG), а также через пособие бывшему осужденному (§ 75 StVollzG).

Немного статистики

В 2011 г. в Германии функционировали 171 пенитенциарное учреждение закрытого и 15 открытого типа.

По федеральной статистике, на 31 марта 2011 г. в Германии отбывали наказание в виде лишения свободы 60 100 осужденных, что значительно меньше, чем на 31 марта 2007 г. (с пока еще рекордной для объединенной Германии цифрой в 64 700 чел.). В пересчете на

100 тыс. чел., достигших возраста уголовной ответственности (с 14 лет), на 31 марта 2007 г. в учреждениях исполнения наказаний находились ровно 90 осужденных, а 31 марта 2011 г. – 84 осужденных. Таким образом, число лиц, находящихся в местах лишения свободы, заметно снизилось.

В немецких пенитенциарных учреждениях отбывают наказание преимущественно мужчины: согласно данным Федерального статистического ведомства (Destatis)¹ число женщин на 31 марта 2011 г. составило 6%. Ровно 38% осужденных были моложе 30 лет, 12% – старше 50. Для 44% предполагаемая продолжительность срока заключения составляла не более одного года, а 2000 осужденных (3%), напротив, отбывали пожизненный срок. В превентивном заключении (Sicherungsverwahrung) находились 504 чел. – в последние годы количество таких заключенных постоянно росло. Обозначенные статистические тенденции характерны в целом для всех федеральных земель.

Однако нужно отметить, что реформа в федеральных землях осуществляется по-разному, с разной степенью успеха, и это создает немалые сложности как для осужденных, так и для сотрудников пенитенциарных учреждений.

Проблемы

В русле реформы каждая федеральная земля самостоятельно выделяет в своем бюджете определенную сумму на содержание осужденных. По сведениям Федерального министерства юстиции², в 2010 г. расходы на содержание одного осужденного в среднем по стране составляли в день 94,28 евро (от 72,45 евро в Баварии до 148,67 евро в Гамбурге). В год получается более 34 400 евро (около 26 400 евро в Баварии и 54 260 евро в Гамбурге). Федеральная статистика по расходам не ведется.

Разница в приведенных цифрах по расходам на содержание уже сама по себе сигнализирует о том, как по-разному организуется жизнь осужденных в отдельных федеральных землях. В прессе нередко пишут о том, что только от места проживания нередко зависят условия содержания, в которые попадает осужденный (так называемая «justice by geography»). Это осложняет обеспечение осужденным единой правовой позиции. Также очевидно, что от смены правительств в землях зависит деятельность пенитенциарных учреждений.

Одно из заметных различий в уголовно-исполнительных системах отдельных зе-

мель касается, в частности, отношения к исправительным учреждениям открытого и закрытого типа (соответственно *offener Vollzug* и *geschlossener Vollzug*).

Внешнее отличие открытого учреждения от закрытого заключается в том, что открытое не предполагает вообще мер против побега заключенных или эти меры незначительные (§ 141 Satz 2 StVollzG). Пенитенциарные учреждения открытого типа существуют в Германии с XIX в. Во времена Веймарской республики и после окончания Второй мировой войны эту структуру постоянно совершенствовали, поскольку она, как показывает практический опыт, дает больше шансов для последующей интеграции в общество лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние.

В соответствии с § 10 ст. 1 Закона об исполнении наказаний (§ 10 Satz 1 StVollzG) осужденный может быть помещен с его согласия в открытое учреждение или отделение, если он удовлетворяет определенным требованиям и (что особенно важно) нет опасений, что он может уклониться от исполнения наказания, связанного с лишением свободы, или будет злоупотреблять возможностями открытого учреждения для совершения преступления. На практике только 10–20% заключенных (2011 г. – 16%) помещаются в учреждения открытого типа. Остальным осужденным приходится отбывать наказание в пенитенциарных учреждениях закрытого типа.

На этом фоне выделяются попытки некоторых федеральных земель изменить сложившуюся ситуацию. Так, например, в Саксонии-Анхальт во всех местах расположения исправительных учреждений имеются учреждения или отделения открытого типа. О Саксонии-Анхальт известно также, что здесь соответствующие здания для размещения осужденных расположены большей частью в жилых районах. Проблем с жителями района отмечено не было. Напротив, отделения открытого типа незаметно включаются в социальную структуру данной городской территории. Так, для заключенных, которые выполняют соответствующие личные и социальные требования, создаются возможности плавного перехода на свободу. Земельные власти Саксонии-Анхальт уверяют, что такое постепенное возвращение в общество является наиболее надежной гарантией того, что осужденный не станет в будущем совершать уголовные деяния и будет жить, осознавая свою социальную ответственность. Однако такого мнения придерживаются далеко не все.

О существенных разногласиях по поводу реформы свидетельствуют, в частности, недавние события. Десять федеральных земель предложили законопроект, по которому лицам, осужденным на пожизненное заключение, может быть предоставлен краткий отпуск по семейным обстоятельствам по истечении 5 (по действующему закону 10) лет пребывания в тюрьме³. Министр юстиции земли Бранденбург, входящей в эту десятку, в качестве аргумента ссылается на Конституцию, требующую добиваться ресоциализации также и тех преступников, которые совершили тяжкое преступление.

Другие земли, такие как Берлин и Бавария, категорически против смягчения наказания после 5 лет заключения. Единым фронтом выступили против сокращения 10-летнего срока общегерманский полицейский профсоюз и профсоюз полиции. Они назвали либеральный проект закона «скандальным» и заявили, что это «насмешка над жертвами». По их мнению, данная акция вызвана перенаселенностью отдельных тюрем, а также нехваткой в них персонала. Однако население, считают они, не должно подвергаться повышенной опасности по причине бюджетных издержек.

Один из экспертов ХДС (правящей партии, председателем которой является канцлер Ангела Меркель), критикуя предложения земель по реформе, высказал надежду, что «ни одна руководимая ХДС федеральная земля не вздумает принять участие в этой инициативе»⁴.

Дебаты по поводу реформы пенитенциарной системы продолжаются, а успешные шаги отдельных земель в силу политических причин не могут стать образцом для других. На правовой сепаратизм сетуют авторы статьи «*Strafvollzug: Die Schlechterungsanstalt*» («Ухудшающее учреждение исполнения наказаний»), опубликованной в августе 2012 г. в еженедельнике «*Die Zeit*»: «В начале настоящей реформы федеральным землям надо бы сначала проверять, какие из различных концепций вообще являются удачными. В Баварии только семь процентов осужденных помещены в открытые учреждения, получить разрешение на выход здесь почти невозможно, заключенные должны носить арестантскую одежду, звонить им разрешается только в особых случаях и под надзором. В Берлине телефоны стоят в холле, выход предоставляется в десять раз чаще, чем в Баварии. В Берлине на одного социального работника приходится 33 осужденных, а в Баварии – 100. Северный Рейн-Вестфалия

делает ставку на открытые учреждения, 28% взрослых помещены в тюрьмы без стен, пожалуй, больше, чем где-либо еще... Удельный вес рецидива между федеральными землями несопоставим, общефедеральных исследований практически нет. В этой непрозрачной системе ни одному земельному политику не придется признаваться, что

его почин функционирует хуже, чем попытки другого политика. Один руководитель подразделения признается: "В конечном счете мы не знаем, что функционирует в местах лишения свободы"⁵.

Эти слова могут стать экспертным заключением в отношении нынешнего состояния реформы пенитенциарной системы ФРГ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Datenbanken des Statistischen Bundesamts. www.destatis.de

² См.: Bundesministerium der Justiz. https://fragdenstaat.de/files/foi/763/2011_12_22_antwort_bmj.pdf

³ См.: Geplante Lockerung im Strafvollzug. http://www.focus.de/politik/deutschland/geplante-lockerung-im-strafvollzug-kritik-an-frueherem-hafturlaub-fuer-schwererbrecher_aid_735235.html

⁴ Там же.

⁵ Kotynek M., Lebert St., Mller D. Strafvollzug: Die Schlechterungsanstalt. S.3. <http://www.zeit.de/2012/34/DOS-Gefaengnisse-Deutschland-Gewalt>

¹ См.: Datenbanken des Statistischen Bundesamts. www.destatis.de

² См.: Bundesministerium der Justiz. https://fragdenstaat.de/files/foi/763/2011_12_22_antwort_bmj.pdf

³ См.: Geplante Lockerung im Strafvollzug. http://www.focus.de/politik/deutschland/geplante-lockerung-im-strafvollzug-kritik-an-frueherem-hafturlaub-fuer-schwererbrecher_aid_735235.html

⁴ Там же.

⁵ Kotynek M., Lebert St., Mller D. Strafvollzug: Die Schlechterungsanstalt. S.3. <http://www.zeit.de/2012/34/DOS-Gefaengnisse-Deutschland-Gewalt>

О зарубежной практике социальной работы по профориентации несовершеннолетних осужденных

А.В. БАРЫШЕВА – преподаватель кафедры социальной работы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России

В статье анализируется опыт социальной работы по профориентации несовершеннолетних в исправительных учреждениях Швейцарии, основные тенденции профориентации несовершеннолетних осужденных на современном этапе в России.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные; социальная работа; профориентация; ресоциализация; исправительные учреждения для несовершеннолетних Швейцарии.

About the foreign practice of social work in the field of career-guidance among young offenders

A.V. BARYSHEVA – lecturer of the department of social work in the penal system, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary System of Russia

The author studies the social work experience in the field of career-guidance among young offenders in some correctional establishments for juveniles in Switzerland and the main career-guidance tendencies among young offenders in a present-day stage in Russia.

Key words: young offenders; social work; career-guidance; re-socialization; correctional establishments for juveniles in Switzerland.

Содействие в профессиональном самоопределении является одной из базовых проблем социализации несовершеннолет-

них осужденных. Представляется, что ее качественное решение возможно только в том случае, если деятельность всех субъектов

профессиональной ориентации будет систематической, грамотно спланированной, максимально интегрированной и согласованной.

В современных условиях профориентационные задачи решаются различными учреждениями, в том числе исправительными, хотя собственно профориентационной деятельностью последние не занимаются. Соответственно, принципы, содержание и функции профориентации в них отличаются от традиционных. Если раньше она была ориентирована на приведение жизненных планов молодежи в соответствие с потребностями общества в кадрах определенного уровня и направлениями подготовки¹, сегодня профессиональная ориентация становится особой формой социальной поддержки молодежи², направлением социальной работы.

В условиях ВК основной функцией профессиональной ориентации, на наш взгляд, является усиление субъектной позиции воспитанников. Субъектность при этом достигается за счет усиления мотивации к самостоятельному выбору, повышения информированности и формирования адекватной самооценки и умения делать самостоятельный ответственный выбор. Это особенно важно, так как несовершеннолетних осужденных, по данным проведенного нами исследования³, отличают следующие характеристики с точки зрения профессионального самоопределения.

Опрошенные респонденты обладают общими представлениями о профессиональном мире (90%), представляют пути получения профессии (87%), при этом их знания не всегда отвечают актуальной социальной ситуации: только 73% информированы о профессиях, наиболее востребованных по их месту жительства. Для большинства опрошенных (91%) труд значим, при этом 81% опрошенных испытывает интерес к конкретному виду профессиональной деятельности. Правда, следует отметить, что только 36% опрошенных действительно желали бы трудиться, приобретая, таким образом, необходимые средства к существованию. Именно этим, наверное, объясняются попытки получения профессии и приобретения необходимых специальных профессиональных знаний и умений 68% опрошенных. Только 80% обладают некоторым опытом профессионального самоопределения: они пытались сопоставить имеющиеся способности с требованиями конкретных видов профессиональной деятельности.

Указанные особенности можно было бы оценить положительно, если не учитывать средний возраст несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательной колонии (16–17 лет). В этом возрасте несовершеннолетний уже должен профессионально самоопределился, так как созданная в России система образования требует от учащегося совершить выбор либо профиля образования в средней школе, либо направления профессионального образования. Нахождение в пределах исправительного учреждения не позволяет несовершеннолетнему прибегнуть к услугам специалистов и учреждений, предоставляющих профориентационные услуги. На профессиональное самоопределение влияют и личностные социально-психологические особенности⁴. Без их учета социальная работа по профориентации не будет результативной.

Вместе с тем анализ пенитенциарной профориентационной практики позволил выявить:

- эпизодичность данного направления работы в большинстве ВК;
- отсутствие закрепления профориентационного направления деятельности в должностных обязанностях конкретного сотрудника;
- неадаптированность методического инструментария, используемого сотрудниками ВК в профориентации, к условиям исправительного учреждения для несовершеннолетних осужденных.

На современном этапе решить подобные проблемы, на наш взгляд, возможно в том числе посредством внедрения зарубежного опыта социальной работы по профориентации несовершеннолетних осужденных. Рассмотрим подробнее опыт Швейцарии в данной области.

В учреждении «АН Basel», оказывающем стационарную помощь по установлению вины, поддержке и развитию несовершеннолетних мужского пола в остром кризисе, учебно-воспитательный процесс организован следующим образом: в первой половине дня одну неделю первая группа подростков посещает занятия в школе, вторая группа в это время занимается в мастерской, на следующей неделе группы меняются. Применение подобного опыта организации учебно-воспитательного процесса, на наш взгляд, актуально в условиях создания ИУ нового типа для несовершеннолетних. Такой подход позволит реализовать принцип сепарации осужденных – «осуществление отдельного содержания осужденных с учетом тяжести

совершенного преступления и криминологической характеристики осужденного; изменение идеологии применения основных средств исправления осужденных в местах лишения свободы с усилением психолого-педагогической работы с личностью и подготовки ее к жизни в обществе; разработка форм проведения воспитательной работы, организации образовательного процесса и трудовой занятости осужденных в новых условиях отбывания наказания»⁵.

В «АН Basel» каждый подросток проходит тест на пригодность к школе. Если уровень его образования не соответствует возрасту, он получает материалы и еженедельно работает с педагогом (раз в неделю проходят встречи, в ходе которых подросток отчитывается о проделанной работе и получает следующее задание). В рамках учебных занятий осваивается школьная программа, но аттестат об образовании ввиду непродолжительности обучения учреждение выдать не может.

В мастерских несовершеннолетние производят различную продукцию (скворечники, органайзеры, подсвечники, сувениры и др.), все изготавливается на заказ. У учреждения есть свой сайт, на котором размещены фотографии с образцами продукции. Каждый желающий может оставить заявку на тот или иной вид продукции. Кроме того, у подростков есть возможность, используя оборудование, имеющееся в мастерской, изготовить предметы для личного пользования, которые они впоследствии могут забрать с собой (например, сноуборд). Все средства, полученные от продажи продукции, переводятся на общий счет учреждения. «АН Basel» поддерживает контакты с учебными заведениями и предприятиями различных профилей. Цель взаимодействия – создание условий для приобретения несовершеннолетними опыта работы по различным профессиям и обучения на предприятиях. Так, введена практика организации стажировок несовершеннолетних по профилю профессии не только в мастерских учреждения, но и на базе производственных предприятий кантона, где возможно последующее трудоустройство.

Специалисты Центра исполнения принудительных мер наказания «Uitikon» особое внимание уделяют организации профессионального обучения несовершеннолетних, считая необходимыми регулярные контакты с профессиональными школами, объединениями и курсами.

Профессиональное образование в центре организуется согласно кантональным

образовательным уставам различных профессиональных объединений, подчиняющихся федеральному ведомству профессионального образования и технологий⁶, – так осуществляется регулирование и контроль за социальной работой по профориентации несовершеннолетних осужденных, что свидетельствует о заинтересованности государства в качественном содействии профессиональному самоопределению несовершеннолетних, совершивших преступление и отбывающих наказание в виде лишения свободы. В отечественной практике, к сожалению, такое подчинение отсутствует, что отражается на качестве организации деятельности сотрудников ВК в данном направлении.

Процесс профессионального обучения каждого несовершеннолетнего осужденного в условиях центра включает два направления: индивидуализированное общеобразовательное обучение и специализированное профобучение, осуществляемое сотрудниками учебно-производственных предприятий.

Содержание профессионального образования в центре составляет передача профессиональных знаний и ремесленных навыков, формирование профессиональной идентичности осужденных. Созданы все условия для получения аттестата об образовании, что является существенной предпосылкой для успешной (ре)интеграции в общество.

Профессиональное и школьное образование – центральное средство интеграции несовершеннолетнего преступника в трудовой процесс, а также его ресоциализации. В учебно-производственных мастерских обучаются несовершеннолетние под руководством опытных учителей-наставников. Специалисты центра пытаются приобщить подростков к труду, привить интерес к профессиональному образованию. Под руководством высококвалифицированного персонала организуются различные этапы образования в соответствии с возможностями несовершеннолетних и выбираются программы обучения от восстановления знаний школьного курса до профессионального образования согласно индивидуально разработанным планам (такой подход был бы логичным и для отечественной пенитенциарной практики, основанной на принципах индивидуального социального сопровождения).

Работа педагогического коллектива школы (как в закрытом, так и в открытом отделениях) также ориентирована на определение

способностей к обучению несовершеннолетних преступников. Посредством применения различных тестов определяются личные ресурсы каждого. Обучение в школе призвано создать предпосылки, наиболее благоприятные для дальнейшего профессионального продвижения.

Переходу несовершеннолетнего к этапу специализированного профессионального обучения предшествует совместное с учителем оценивание проведенной работы и составление отчета. Это формирует субъектную позицию осужденного, вовлекает его в процесс осознанного формирования профессиональной и жизненной перспективы.

В качестве целей работы учебно-производственных предприятий (в закрытом и полукрытом отделении центра) ставятся и выявление уже имеющихся у несовершеннолетних осужденных профессиональных навыков, и формирование новых. Это должно, по мнению специалистов, облегчить им последующее получение профессионального образования.

Подростки, находящиеся в учреждении, могут получить профессиональное образование в следующих сферах: автосервис, садоводство и огородничество, домоводство, кулинария, сельское хозяйство, живопись (роспись), металлообработка, столярное дело и технические службы. Такой перечень оптимален и достаточен. Успешному освоению профессий способствует качественное оснащение мастерских современным оборудованием и полным комплексом технических средств. Выполнение стандартизированных работ в учебно-производственных предприятиях закрытого и полукрытого отделений позволяет выявить профессиональные склонности и способности несовершеннолетнего.

Преподаватели стремятся создать оптимальную учебную атмосферу. Программа обучения в центре достаточно разнообразна. Выбор продукции приближен к реальности и учитывает ситуацию на рынке⁷.

Молодежное учреждение «Schenkung Darples» – это открытое учреждение, осуществляющее оказание помощи молодым людям мужского пола в возрасте от 16 до 22 лет, имеющим трудности в личностном и социальном развитии, с минимальными готовностью, ресурсами и мотивацией к изменению своего образа жизни, а также надзор и содержание. Чтобы пройти полный курс обучения или введения в профессию, осужденным необходима определенная мотивация, уровень образования и умение об-

щаться. Учреждение должно сознательно и планомерно учитывать потребности и поведенческие трудности молодых людей в организации их повседневной жизни⁸.

В учреждении установлены различные формы проживания, имеются собственная профессиональная школа (то же, что профучилище) и четыре учебно-производственных предприятия – столярная, механическая, малярная мастерские, а также мастерская профессионального тренинга и профориентации для проведения занятий по профориентации и подготовке к будущей профессии.

Получение профессионального образования в учреждении осуществляется на базе собственного профучилища (что характерно и для отечественных ИУ), где молодые люди получают индивидуальное обучение и восполняют пробелы в школьных знаниях. Здесь преподаватели для каждого ученика составляют на семестр индивидуальный учебный план, в котором определены цели и конкретные подходы. Каждые полгода эти планы корректируются. Таким образом, с одной стороны, формулируются меры помощи осужденному в достижении необходимого образовательного уровня, а с другой – определяются направления дальнейшего совершенствования практики профессионального обучения в условиях учреждения.

В мастерской профессионального тренинга и профориентации молодые люди готовятся к получению профессионального образования: учатся организовывать свой рабочий день в профессии, определяются с выбором профессии через систему профессиональных проб (им предлагаются работы с различными материалами в сопровождении профессионального консультанта). В советской практике профориентационной работы метод профессиональных проб использовался активно, современные рыночные условия и отсутствие самих институтов профессионального ориентирования (служб, консультаций, центров и др.) практически исключили возможность содействия профессиональному выбору в такой форме. Хотя, на наш взгляд, именно наличие возможности проверить свои способности в конкретном виде деятельности способствует качественному выбору профессии и делает эту работу привлекательной даже для лиц с криминальным опытом.

Учебные мастерские «Schenkung Darples» – это самостоятельные и построенные на принципах рыночной торговли производственные предприятия, выполняющие заказы частных лиц, государства и промыш-

ленности. Именно поэтому осужденные во время обучения профессии сталкиваются с такими требованиями экономики, как успех, точность, надежность и соответствующее поведение на рабочем месте.

Таким образом, в учреждении формируется особая терапевтическая среда, в которой молодой человек, совершивший преступление, получает максимально возможную помощь не только в профессиональном самоопределении, но и в решении актуальных жизненных проблем.

В каждом из учреждений фактически создана авторская модель содействия профессиональному самоопределению несовершеннолетних осужденных, основан-

ная на преобразовании ИУ в площадку для освоения молодым человеком специальных профессиональных знаний, трудовых функций, приобретения профессионального опыта. Такой подход в пенитенциарной практике позволяет обеспечить успешное профессиональное самоопределение несовершеннолетних осужденных, с одной стороны, и их успешную ресоциализацию – с другой.

В условиях отечественного реформирования учреждений для несовершеннолетних осужденных изучение опыта подобных учреждений и внедрение его в массовую практику следует рассматривать как один из источников инноваций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Поляков В.А., Чистякова С.Н. Профессиональное самоопределение молодежи // Педагогика. 1993. № 5. С. 20–25.

² См.: Педагогическая поддержка профессионального самоопределения старшеклассников / Под ред. С.Н. Чистяковой. М., 2004.

³ Исследование проводилось в 2010–2012 гг. на базе 7 учреждений, опрошены 150 несовершеннолетних осужденных.

⁴ См.: Барышева А.В. Особенности профессионального самоопределения несовершеннолетних осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 11. С. 47–50.

⁵ Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р).

⁶ См.: Формы и методы работы уголовно-исполнительной системы, правоохранительных органов, государственных и общественных организаций с несовершеннолетними: пути их совершенствования: Материалы междунар. круглого стола экспертов российско-швейцарского проекта. М., 2010.

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: JugendheimSchenkung Dapples. Konzept.J.Müller-Brockmann, Schenkung Dapples, 2002.

¹ Sm.: Poljakov V.A., Chistjakova S.N. Professional'noe samoopredelenie molodezhi // Pedagogika. 1993. № 5. S. 20–25.

² Sm.: Pedagogicheskaja podderzhka professional'nogo samoopredelenija starsheklassnikov / Pod red. S.N. Chistjakovoj. M., 2004.

³ Issledovanie provodilos' v 2010–2012 gg. na baze 7 uchrezhdenij, oprosheny 150 nesovershennoletnih osuzhdennyh.

⁴ Sm.: Barysheva A.V. Osobennosti professional'nogo samoopredelenija nesovershennoletnih osuzhdennyh // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2010. № 11. S. 47–50.

⁵ Konceptija razvitija ugovovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 g. (utv. rasporjazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14.10.2010 g. № 1772-r).

⁶ Sm.: Formy i metody raboty ugovovno-ispolnitel'noj sistemy, pravoohranitel'nyh organov, gosudarstvennyh i obvestvennyh organizacij s nesovershennoletnimi: puti ih sovershenstvovanija: Materialy mezhdunar. kruglogo stola jekspertov rossijsko-shvejcarskogo proekta. M., 2010.

⁷ Sm.: Tam zhe.

⁸ Sm.: JugendheimSchenkung Dapples. Konzept.J.Müller-Brockmann, Schenkung Dapples, 2002.

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Влияние субкультуры осужденных на ценностно-мотивационную сферу сотрудников УИС

Е.Л. СУЧКОВА – доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Е.Ф. ШТЕФАН – преподаватель кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы к личности сотрудника предъявляются высокие требования, что обуславливает особое внимание к вопросам профилактики профессиональной деформации сотрудников, в частности нейтрализации негативного влияния профессиональной деятельности на ценностно-мотивационную сферу. Деформирующее влияние на личность сотрудника исправительного учреждения оказывает специфическая среда, в которой осуществляется профессиональная деятельность.

Главный экстремальный фактор – взаимодействие с контингентом осужденных. Ситуация общения с осужденными может рассматриваться как постоянная провокация, риск не столько непосредственный (физический), сколько психологический. Взаимодействуя с преступниками, сотрудники УИС подвергаются опасности «криминального заражения», «размытия» социальных и профессиональных ценностных норм. Чтобы минимизировать влияние субкультуры осужденных на персонал исправительного учреждения, необходимы знания о том, каким образом сами сотрудники воспринимают и оценивают степень воздействия на них субкультуры мест лишения свободы.

В 2011–2012 гг. кафедрой организации психологической службы в УИС ВИПЭ ФСИН России было проведено исследование влияния субкультуры осужденных на персонал исправительного учреждения.

На первом этапе исследования изучались особенности ценностно-мотивационной

сферы сотрудников, включенных в служебное общение с осужденными. Эмпирическое исследование проводилось на базе ФКУ ИК-16 УФСИН России по Мурманской области (под нашим руководством в сборе эмпирических данных участвовала Л.В. Коржова). В опросе приняли участие 70 сотрудников (экспериментальная и контрольная группы). Для сбора эмпирических данных использовались «Опросник ценностей личности» Ш. Шварца, методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения "ценности" и "доступности" в различных жизненных сферах». В качестве математических методов обработки данных применялись анализ данных первичной статистики, U-критерий Манна – Уитни.

Анализ средних значений, полученных по методике Ш. Шварца (терминальные ценности), показал, что для сотрудников, включенных в служебное общение с осужденными, более значимы благополучие семьи, отсутствие угрозы для здоровья и жизни членов семьи. Такая ценность, как духовная жизнь человека, представляет для них меньший интерес, чем для сотрудников, не включенных в служебное общение с осужденными (значимые различия при $p \leq 0,05$).

Изучение ценностей по степени их значимости и доступности для сотрудников проводилось на основе данных, полученных с помощью методики Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения "ценности" и "доступности" в различных жизненных сферах».

На первое место по значимости сотрудники, включенные в служебное общение с осужденными, поставили такую ценность, как

счастливая семейная жизнь, а по степени доступности она находится на предпоследнем (десятом) месте. На втором месте по степени значимости сотрудники отметили такую ценность, как общественное признание, то есть уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе, но по доступности она находится на последнем (одиннадцатом) месте.

Как менее значимые (восьмой и девятый ранги) сотрудники, включенные в служебное общение с осужденными, отметили такие ценности, как здоровье, материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений), при этом по степени доступности указанные ценности находятся на первом и четвертом местах соответственно. Наименее значимой для себя ценностью сотрудники, включенные в служебное общение с осужденными, указали такую ценность, как «активная деятельная жизнь», а по степени доступности она находится на втором месте. Можно предположить, что это связано с неупорядоченностью служебной деятельности сотрудника, ее насыщенностью событиями и постоянно происходящими изменениями. Косвенно подтверждает наше предположение тот факт, что полноценный отдых как ценность по степени доступности находится на девятом месте.

Расхождения между показателями «ценность» и «доступность» свидетельствуют о дезинтеграции в ценностно-мотивационной сфере личности и характеризуют ее внутренний конфликт как блокаду ведущих потребностей, с одной стороны, и самореализацию, личностную идентичность – с другой. Полученные данные позволяют говорить о наличии у сотрудников, включенных в служебное общение с осужденными, внутреннего конфликта в различных жизненных сферах по уровню соотношения ценности и доступности. В контрольной группе подобного рассогласования в ценностно-мотивационной сфере не выявлено.

На втором этапе эмпирического исследования сотрудники оценивали характеристики, входящие в их ценностно-мотивационную сферу, до и после контакта с субкультурой осужденных. Эмпирическое исследование проводилось на базе ФКУ ИК-7 УФСИН России по Костромской области, ФКУ ИК-16 УФСИН России по Мурманской области и ФКУ ИК-21 УФСИН России по Архангельской области. Всего в исследовании приняли участие 53 сотрудника (мужчины), чья профессиональная деятельность связана с непосредственным контактом с

контингентом осужденных (под нашим руководством в сборе эмпирических данных принимали участие В.В. Волков и М.А. Калинин).

Для сбора эмпирических данных использовался «Опросник ценностей личности» Ш. Шварца, в качестве математических методов обработки данных – анализ данных первичной статистики, Т-критерий Уилкоксона. Анализ средних значений по методике Ш. Шварца показал, что наиболее значимой терминальной ценностью до поступления на службу в УИС у сотрудников была такая ценность, как истинная дружба: для них очень важными были отношения с людьми, основанные на доверии, искренности, взаимных интересах.

Достаточно значимыми до поступления на службу в УИС также были такие ценности, как внутренняя гармония, свобода выбора, мысли, духовная жизнь, мудрость, честность.

После поступления на службу в УИС у сотрудников по всем обозначенным ценностям наблюдается снижение их значимости. С помощью Т-критерия Уилкоксона выявляются различия в оценке значимости внутренней гармонии (при $p \leq 0,05$), мудрости (при $p \leq 0,01$), истинной дружбы (при $p \leq 0,05$), честности (при $p \leq 0,001$).

Логично предположить, что указанная тенденция является следствием интенсивного общения респондентов с осужденными. Интересен тот факт, что для сотрудников на данный момент такой руководящий принцип, как «принимая жизнь», обладает значительно меньшей значимостью (при $p \leq 0,01$) по сравнению с тем периодом времени, когда они еще не служили в УИС. Полученные данные позволяют предположить, что именно профессиональная деятельность в силу напряженности и нерегламентированности приводит к интолерантности по отношению к различным жизненным обстоятельствам.

На третьем этапе с помощью специально разработанного нестандартизированного интервью изучались представления сотрудников УИС о субкультуре осужденных, ее влияние на личность персонала исправительного учреждения (использовалась аналогичная выборка, что и в предыдущем этапе исследования).

Анализ данных нестандартизированного интервью показал, что, по мнению большинства респондентов (81%), субкультура осужденных помогает поддерживать порядок в исправительном учреждении («стадом легче управлять», «смотрящий способен организовать отряд, что существенно облегчает

жизнь сотруднику», «пока есть смотрящий, в отряде будет порядок»). Таким образом, по мнению опрошенных, сотрудники осуществляют взаимовыгодное сотрудничество с сообществом осужденных, в результате которого одна сторона получает организованное «стадо» со своим «пастухом», а другая – определенные послабления и привилегии. Подобные взгляды свидетельствуют о том, что сотрудники достаточно лояльно относятся к фактам отступления от правил исполнения наказания, используя неформальную нормативную систему осужденных для решения служебных задач.

Большинство респондентов (90,5%) считают, что субкультура осужденных оказывает существенное влияние на персонал исправительного учреждения, заключающееся в том, что в процессе взаимодействия со средой осужденных персонал «принимает культуру общения осужденных», «законы тюремного мира». Практически все (98,1%) указывают на то, что сотрудники используют в своей речи жаргон осужденных («в обиходе с осужденными и между сотрудниками», «на производстве», «при воспитательной работе», «при разговоре дома, в шуточной форме»).

Значительная часть опрошенных (79,2%) считают, что на сотрудников оказывают влияние неформальные нормы и правила, регламентирующие жизнь в среде осужденных, что находит отражение в дифференцированном подходе сотрудников к осужденным (в зависимости от их положения в неформальной структуре отряда), использовании жаргона осужденных. Респонденты отметили, что под влиянием субкультуры осужденных сотрудники становятся более жесткими и менее чувствительными в общении с другими людьми. Полученные данные позволяют говорить о том, что сотрудники в своей профессиональной деятельности ориентируются на неформальную нормативную систему, функционирующую в среде осужденных.

Более половины опрошенных сотрудников (59%) на вопрос «Изменились ли Вы под влиянием субкультуры осужденных?» ответили утвердительно, отмечая, что стали более «требовательны к себе и к окружающим», «более хитрыми, изощренными, подозрительными», «менее доверчивыми». Сотрудники считают, что им «нельзя показывать

слабость» на работе, поэтому приходится воспитывать в себе такие черты, как жесткость и жестокость. При этом часть опрошенных осознает, что их поведение отличается от поведения осужденных («мы не такие, как они, мы лучше», мы «сильные духом»).

Таким образом, влияние субкультуры осужденных на персонал исправительного учреждения, по мнению самих сотрудников, заключается в том, что они в ряде случаев учитывают неформальные нормы среды осужденных, используют жаргон как на работе при общении с коллегами и осужденными, так и в домашнем общении с близкими.

Сотрудники исправительного учреждения отмечают и личностные изменения, которые произошли с ним в процессе взаимодействия со средой осужденных. По мнению опрошенных, под влиянием субкультуры осужденных сотрудники меньше доверяют окружающим людям, становятся более циничными и жестокими. Открытость в восприятии окружающих и доверие к людям для опрошенных были более важными в тот период, когда они еще не были связаны со службой в УИС. Полученные в исследовании данные позволяют говорить о наличии у сотрудников внутреннего конфликта в различных жизненных сферах по уровню соотношения ценности и доступности. Неупорядоченность служебной деятельности, по мнению сотрудников, усиливает отрицательное влияние субкультуры, способствуя неслужебным связям.

В связи с вышеизложенным для уменьшения влияния субкультуры осужденных на ценностно-мотивационную сферу сотрудников необходимо совершенствовать систему организации и управления в исправительных учреждениях, а также разрабатывать и внедрять меры по улучшению морально-психологического климата в подразделениях. Для коррекции указанных изменений, произошедших в ценностно-мотивационной сфере сотрудников под влиянием контакта с субкультурой осужденных, в программы социально-психологической реабилитации сотрудников необходимо включать элементы тренинга личностного роста для углубленного понимания собственных установок, ценностей и мотивации, повышения восприимчивости к внутренней жизни других людей.

РЕЦЕНЗИИ

**Рецензия на учебное пособие
«Психологическая подготовка сотрудников
УИС к действиям в экстремальных
ситуациях», подготовленное кандидатом
психологических наук, доцентом
А.Н. Баламутом.**

В.М. ПОЗДНЯКОВ – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор

Актуальность рассматриваемой темы не вызывает сомнений. В современных условиях происходящих в России коренных изменений в социально-экономической, политической, правовой и иных сферах жизни общества возрастает также и потребность в психологическом обеспечении уголовно-исполнительной системы. В этой связи совершенствование профессионально-психологической подготовки специалистов, в том числе направленное на повышение их коммуникативной компетентности, стрессоустойчивости, ориентации на идеи гуманизма и профессионально-личностный рост, в значительной степени могут позволить приблизиться к достижению основной цели наказания – исправление и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Учебное пособие состоит из двух глав (экстремальные ситуации, их специфика в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы и психологическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных ситуациях), которые в достаточной степени структурированы и содержат теоретический и практический материал (вопросы для закрепления).

К достоинствам представленной работы необходимо отнести подробное описание специфики профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, обусловленной различного рода стресс-факторами, а также условий, основных принципов и содержания психологической подготовки персонала УИС к действиям в экстремальных ситуациях. Важным также является рассмотрение эмоциональной устойчивости, морально-психологической подготовленности сотрудника к решению оперативных-служебных задач, актуализация приемов саморегуляции в преодолении у сотрудника стрессовых состояний.

При очевидных достоинствах выполненной работы необходимо отметить в качестве предложения, содержащего следующий момент. В частности, в первой главе рассматриваемого учебного пособия было бы целесообразным объединение параграфа «Основные теории стресса в зарубежной и отечествен-

ной психологии» с параграфом «Психологическая характеристика экстремальных ситуаций: понятие, классификация». Это позволит более четко расставить акценты рассматриваемых в пособии категорий.

Кроме того, ввиду большей ориентированности представленного материала на слушателей и курсантов психологического факультета, представляется необходимым указать шифр специальности.

С учетом изложенного считаю важным рекомендовать учебное пособие «Психологическая подготовка сотрудников УИС к действиям в экстремальных ситуациях», подготовленное кандидатом психологических наук, доцентом А.Н. Баламутом, к изданию.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Хомяков О.В. Процессы либерализации общественных отношений в России и проблемы формирования социокультурных ценностей личности сотрудника уголовно-исполнительной системы: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 117 с. – ISBN 978-94991-220-1.

В монографии рассматривается влияние процессов либерализации общества в современной России на формирование социокультурных ценностей личности сотрудника уголовно-исполнительной системы, акцентируется внимание на том, что в ходе демократических преобразований российского социума в 90-х гг. XX в. либеральными реформаторами использовалась западная идея деидеологизации общества, в итоге чего российский обыватель предстал беззащитным перед натиском западной идеологии и массовой культуры, произошла утрата основополагающих ориентиров, в том числе и деидеологизация сотрудников правоохранительных органов.

Издание предназначено для исследователей, занимающихся изучением сходных философских проблем. Также материалы монографии могут использоваться в учебном процессе при преподавании ряда социально-гуманитарных дисциплин: философии (тема «Ценность как способ освоения мира человеком»), логики (тема «Основы аргументации»), культурологии (тема «Россия в мировом культурном процессе»).

Актуальные вопросы физической, боевой и тактико-специальной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы: Сборник материалов IV международного научно-практического семинара (Вологда, 25–26 апреля 2012 г.): В 2 ч. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012.

В сборник вошли материалы семинара, организованного кафедрами физической культуры и боевой и тактико-специальной подготовки ВИПЭ ФСИН России, которые освещают современное состояние профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы, некоторые проблемы подготовки профессиональных кадров для силовых структур, вопросы совершенствования методики

проведения занятий по огневой, тактико-специальной и физической подготовке с сотрудниками ФСИН России, организацию взаимодействия ведомственных вузов с практическими органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы по вопросам служебно-боевой подготовки сотрудников.

Материалы могут быть использованы в работе практических органов и учреждений уголовно-исполнительной системы при организации занятий по физической, огневой и тактико-специальной подготовке, в процессе обучения курсантов и слушателей высших учебных заведений ФСИН России, а также для подготовки научных исследований в данной области.

Проблемы выбора средств предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы России: Сборник материалов международной научно-практической конференции (Вологда, 27 апреля 2012 г.) / Отв. ред. В.Ф. Лапшин. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 360 с. – ISBN 978-5-94991-212-6.

В настоящем сборнике представлены материалы научных исследований по проблемам формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, особенностей их уголовной ответственности, эффективности применения средств предупреждения и профилактики преступности несовершеннолетних в современных условиях, особенностей функционирования воспитательных центров, а также вопросов реформирования уголовно-исполнительной системы в части исполнения наказаний, применяемых к несовершеннолетним осужденным. Размещенные в сборнике материалы содержат предложения по совершенствованию профилактических мер, применяемых к несовершеннолетним правонарушителям, изменению действующей в современных пенитенциарных учреждениях системы мер поощрения и дисциплинарного стимулирования правопослушного поведения несовершеннолетних.

Материалы сборника представляют интерес для научных и практических работников, студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений, интересующихся проблемами правовой регламентации деятельности по предупреждению преступности несовершеннолетних.

Перспективные направления развития информационной среды правоохранительной системы в России и за рубежом: Сборник материалов международной научной конференции (Вологда, 1–5 октября 2012 г.) / Отв. ред. канд. пед. наук А.А. Бабкин. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 166 с. – ISBN 978-5-94991-214-0.

Сборник посвящен актуальным вопросам применения современных информационных технологий в правоохранительной деятельности и подготовке специалистов для правоохранительных систем в России и за рубежом.

Особенности уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России: Сборник материалов международного научно-практического семинара (Вологда, 25 ноября 2011 г.) / Отв. ред. канд. юрид. наук, доцент А.М. Лютынский. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 153 с.

В настоящий сборник вошли материалы, представленные участниками международного научно-практического семинара, посвященного проблемам

уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России, который прошел в ВИПЭ ФСИН России 25 ноября 2011 г. В работе семинара приняли участие представители образовательных и научных учреждений ФСИН, МВД и Минобрнауки России, Республики Казахстан, практические работники уголовно-исполнительной системы, прокуратуры, сотрудники иных ведомств.

Сборник будет интересен широкому кругу читателей: курсантам и слушателям, адъюнктам и аспирантам, преподавателям и научным сотрудникам юридических вузов и научно-исследовательских учреждений. Также он может быть использован практическими работниками правоохранительных органов.

Психолого-педагогические аспекты профессиональных ошибок пенитенциарных психологов: преодоление и предупреждение: Сборник материалов межвузовского научно-практического семинара (Вологда, 3 марта 2011 года) / Под общ. ред. канд. пед. наук, доцента О.Б. Пановой, канд. психол. наук Н.Г. Соболева. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 143 с.

В сборнике рассматриваются актуальные проблемы профессиональной деятельности пенитенциарных психологов, среди которых особую актуальность представляет оптимизация деятельности психологической службы в рамках реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, анализ современного состояния развития психологической службы и поиск решения теоретических и прикладных проблем в деятельности пенитенциарных психологов. Определены основные тенденции реформирования деятельности пенитенциарных психологов, выявлены инновации, реализуемые в практике пенитенциарных психологов, а также направления совершенствования их деятельности.

Сборник материалов межвузовского научно-практического семинара предназначен для психологов уголовно-исполнительной системы, может быть использован в учебном процессе для проведения занятий с курсантами, слушателями и адъюнктами, обучающимися в образовательных учреждениях ФСИН России.

Актуальные проблемы производственного сектора УИС: Сборник материалов научно-практического семинара / Отв. ред. М.М. Андропова – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – Вып. 4. – 190 с.

Сборник содержит материалы семинара, подготовленного в соответствии с п. 1.17 плана научно-исследовательской деятельности института на 2012 г., отражает актуальные проблемы организации труда осужденных, дает представление о научных интересах кафедр инженерно-экономического факультета института, содержит некоторые практические решения и рекомендации по проблемам реформирования учреждений УИС. В работе семинара приняли участие сотрудники территориальных органов ФСИН России, ученые, курсанты вузов ФСИН России и гражданских вузов г. Вологды.

Сборник предназначен для профессорско-преподавательского состава родственных кафедр вузов, а также для практических работников учреждений УИС.

Голиков Л.М., Дружининская О.В. Язык и стиль служебной документации сотрудника ФСИН России: Учебное пособие. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 70 с. – ISBN 978-5-94991-216-4.

Учебное пособие предназначено для курсантов вузов ФСИН России и сотрудников органов и учреж-

дений ФСИН России. Содержит теоретические и практические ориентиры для написания служебных документов: в нем описываются сфера использования, функции, специфические стилевые черты, разновидности и жанры официально-делового стиля, языковые средства, используемые в деловой документации; формулируются основные принципы составления документа, рассматриваются типы и виды документов, наиболее частотных в системе делопроизводства ФСИН России.

Оборудование деревообрабатывающих производств: Учебное пособие / А.С. Торопов, Е.С. Шаропов, С.А. Торопов, П.А. Швецов. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 56 с. – ISBN 978-5-94991-217-1.

Рекомендовано УМО по образованию в области лесного дела в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 250400.62 – «Технология лесозаготовительных и деревоперерабатывающих производств».

Издание содержит лабораторные работы по основным темам раздела «Деревообрабатывающие станки» дисциплины «Оборудование отрасли», а также вопросы для самопроверки. Даны методические указания по выполнению лабораторных работ.

Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершенных в условиях исправительного учреждения: Учебное пособие / А.Т. Валеев, А.Т. Ирубаева, А.М. Лютынский, Р.М. Морозов, Е.В. Чернышенко. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 64 с. – ISBN 978-5-94991-219-5.

В учебном пособии, разработанном совместно сотрудниками Академии Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан и Вологодского института права и экономики ФСИН России, на основе действующего уголовно-процессуального, уголовного и уголовно-исполнительного законодательства и с учетом современной следственно-судебной практики рассматриваются основные криминалистические аспекты расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых в исправительных учреждениях ФСИН России.

Издание предназначено для курсантов, слушателей, студентов высших образовательных учреждений юридического профиля, адъюнктов, аспирантов, преподавателей, практических работников органов дознания и предварительного следствия, а также всех тех, кто интересуется проблемами расследования преступлений в учреждениях ФСИН России.

Деятельность уголовно-исполнительных инспекций: Учебное пособие / А.М. Потапов, Е.О. Лукьянчук, А.В. Звонов. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 75 с. – ISBN 978-5-94991-221-8.

На основе изучения истории развития уголовно-исполнительных инспекций, их целей и задач, особенностей правового статуса в пособии раскрываются вопросы, связанные с деятельностью уголовно-исполнительных инспекций по исполнению уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества. Каждая глава дополняется списком рекомендованных источников, а также перечнем контрольных вопросов и заданий.

Данное пособие предназначено для курсантов, слушателей и студентов образовательных учрежде-

ний, практических работников правоохранительных органов и может быть использовано в учебном процессе при изучении курса «Уголовно-исполнительное право» по специальности 030501 – «Юриспруденция».

Свинин Е.В. Законность и правопорядок в правовой жизни российского общества: Учебное пособие. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 73 с. – ISBN 978-5-94991-215-7.

В учебном пособии рассматриваются признаки и гарантии законности. Анализируется соотношение законности и правового порядка. На основе анализа структуры правопорядка определяются направления его укрепления.

Данное пособие предназначено для аспирантов, студентов и курсантов юридических вузов, а также для всех интересующихся проблемами общей теории права.

Рожкова Т.В. Культура речи как часть профессиональной компетенции сотрудника ФСИН России: Методические рекомендации для сотрудников ФСИН России – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 28 с. – ISBN 978-5-94991-213-3.

Методические рекомендации состоят из трех разделов. В первом из них на основе опыта речевого общения с сотрудниками ФСИН автор уделяет внимание наиболее важному аспекту культуры речи – ее правильности. Приведены речевые ошибки, наиболее часто встречающиеся в практике служебной деятельности. Во втором разделе рассматриваются коммуникативные качества успешной речи. Третий представляет собой приложение в виде рекомендаций по культуре речи для сотрудников ОВД (вполне пригодных для сотрудников ФСИН России) и орфоэпического минимума (указана постановка ударения в наиболее «проблемных», с точки зрения произношения, словах).

В целом методические рекомендации имеют целью оказать помощь сотрудникам ФСИН России в повседневной речевой практике.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

29 ноября 2012 г. в Вологодском институте права и экономики ФСИН России состоялась международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России: криминалистические и психолого-педагогические аспекты».

В работе конференции приняли участие ведущие специалисты образовательных учреждений ФСИН, МВД и Минобрнауки России, сотрудники учреждений и органов ФСИН России, МВД России, представители судебных органов власти, органов прокуратуры, образовательных учреждений Украины и Казахстана, профессорско-преподавательский состав Вологодского института права и экономики

ФСИН России и других учебных заведений ФСИН России и МВД России, адъюнкты и курсанты института.

Со вступительным словом выступил заместитель начальника института по научной работе П.В. Голодов, с приветственным словом – начальник института С.В. Бабурин.

При обсуждении докладов участников конференции развернулась горячая дискуссия, в ходе которой были подняты следующие вопросы:

- правовое регулирование уголовно-процессуальной деятельности в уголовно-исполнительной системе;
- формы уголовно-процессуальной деятельности;
- процессуальные и криминалистические проблемы проверки сообщений о преступлениях на стадии возбуждения уголовного дела, в ходе производства неотложных следственных действий и при расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных в исправительных учреждениях;
- процессуальные и криминалистические аспекты производства неотложных следственных действий в исправительных учреждениях;
- процессуальные полномочия органов и учреждений ФСИН России при расследовании уголовных дел;
- прокурорский надзор и ведомственный контроль как факторы совершенствования уголовно-процессуальной деятельности на досудебных стадиях;
- профессиональная деформация личности сотрудников, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность;
- психологические проблемы проведения отдельных следственных действий в исправительных учреждениях;
- профессиональная культура сотрудников органов и учреждений ФСИН России;
- проблемы нарушения этических правил сотрудниками в ходе проведения следственных действий;
- актуальные проблемы психологической экспертизы в пенитенциарной практике;
- актуальные вопросы психологического сопровождения уголовно-процессуальной деятельности в учреждениях УИС.

В завершении работы были обсуждены и приняты рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России, внесены предложения по совершенствованию законодательства, сформулированы алгоритмы криминалистического обеспечения расследования пенитенциарных преступлений, определены рекомендации по психолого-педагогическому обеспечению исполнения наказаний.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баламут А.Н., доцент кафедры организации психологической службы в уголовноисполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: balamut01@yandex.ru

Барышева А.В., преподаватель кафедры социальной работы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России. E-mail: barischan@gmail.com

Зауторова Э.В., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования. E-mail: elvira-song@mail.ru

Кириловская Н.Н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: natasha.8172@mail.ru

Колпакова Л.А., старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: uhova-elena@mail.ru

Корепина А.В., доцент кафедры административного права филиала Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в г. Вологде, кандидат юридических наук. E-mail: anna.corepina@yandex.ru

Кошко О.В., заведующая кафедрой экономической теории, учета и анализа Вологодского государственного технического университета, доктор экономических наук, профессор. E-mail: streamant@yandex.ru

Кузьминых А.Л., доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск). E-mail: istorial@mail.ru

Лапшин В.Ф., начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: kapitan-44@yandex.ru

Нагорных Р.В., директор филиала Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в г. Вологде, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

Нарышкина Н.И., старший преподаватель кафедры уголовного-исполнительного права Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: natanaryshkina@mail.ru

Оботурова Г.Н., профессор кафедры философии Вологодского государственного педагогического университета, доктор философских наук, профессор. E-mail: pror_innov@mail.ru

Павловский С.А., начальник юридической службы ВИПЭ ФСИН России. E-mail: pavlovskiy_sergey@mail.ru

Павлушков А.Р., доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук. E-mail: apavlushkov@yandex.ru

Пролетенкова С.Е., докторант Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: proletenkova@mail.ru

Ромашов Р.А., начальник Самарского юридического института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: romashov_tgp@mail.ru

Спасеников Б.А., профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор. E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Сучкова Е.Л., доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: elizavetasuchkova@yandex.ru

Трудов Н.Ю., аспирант Вологодского государственного технического университета. E-mail: streamant@yandex.ru

Ухова Е.В., начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: uhova-elena@mail.ru

Чернышева О.М., доцент кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: olga-tschernyschewa@yandex.ru

Шибяев Д.В., старший преподаватель кафедры правовой информатики филиала Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в г. Вологде, кандидат юридических наук. E-mail: 013600@inbox.ru

Шнурр Ш., профессор Института исследований социальных услуг детям и молодежи Высшей школы социальной работы Северо-Западной Швейцарии (FHNW), доктор наук. E-mail: stefan.schnurr@fhnw.ch

Штефан Е.Ф., преподаватель кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: evg-shtefan@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTORS

Balamut A.N., docent of the organization of psychological services in the penal system department, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, docent. E-mail: balamut01@yandex.ru

Barysheva A.V., lecturer of the department of social work in the penal system, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary System of Russia. E-mail: barischan@gmail.com

Chernysheva O.M., docent of the department for Russian and foreign languages, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of philological sciences, docent. E-mail: olga-tschernyschewa@yandex.ru

Kirilovskay N.N., docent from state law department, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of law sciences, docent. E-mail: natasha.8172@mail.ru

Kolpakova L.A., senior lecture of the criminal procedure's and criminalistic's department of the Vologda Institute of Law and Economic of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of law sciences, docent. E-mail: uhova-elena@mail.ru

Korepina A.V., docent of administrative law's department of the branch of the Moscow State Law Academy named after Kutafin O.E. in the Vologda town, candidate of law science. E-mail: anna.corepina@yandex.ru

Koshko O.V., head of the department for Economics, accounting and analysis of the Vologda State Technical University, doctor of Economics, professor. E-mail: streamant@yandex.ru

Kuzminykh A.L., docent of the philosophy and history department, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of historical sciences, docent, doctoral candidate of the russian history department in the Northern

(Arctic) Federal University named after Lomonosov M.V. E-mail: istorial@mail.ru

Lapshin V.F., head of the department of Criminal Law and Criminology, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of law sciences, docent. E-mail: kapitan-44@yandex.ru

Nagornyykh R.V., director of the branch of the Moscow State Law Academy named after Kutafin O.E. in the Vologda town, candidate of law science, docent. E-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

Naryshkina N.I., senior lecturer of department of Penal Law Vladimir Institute of Law of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of law sciences. E-mail: natanaryshkina@mail.ru

Oboturova G.N., professor of philosophy department, Vologda State Pedagogical University, doctor of philosophy, professor. E-mail: pror_innov@mail.ru

Pavlovskiy S.A., head of legal service, Vologda Institute of Law and Economic of the Federal Penitentiary Service of Russian. E-mail: pavlovskiy_serгей@mail.ru

Pavlushkov A.P., docent of the philosophy and history department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, a candidate of history science. E-mail: apavlushkov@yandex.ru

Proletenkova S.E., doctoral candidate of the Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, candidate of law sciences, docent. E-mail: proletenkova@mail.ru

Romashov R.A., director of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, doctor of Law, professor, Honored Scientist of Russian Federation. E-mail: romashov_tgp@mail.ru

Schnurr S., doctor of sciences, professor, Higher School of Social Work of North – Western Switzerland (FHNW), Institute for Social Work Institute for Studies in Children and Youth Services. E-mail: stefan.schnurr@fhnw.ch

Shibaev D.V., senior lecturer of legal Informatics department, branch of the Moscow State Law Academy named after O.E.Kutafin in the Vologda town, candidate of law sciences. E-mail: 013600@inbox.ru

Shtefan. E.F., teacher of the chair of psychological service organization in the penal system, the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Penitentiary System, candidate of psychological science. E-mail: evg-shtefan@yandex.ru

Spasennikov B.A., doctor of Law, doctor of medicine, professor the department of Criminal Law and Criminology, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia. E-mail: boris-spasennikov@yandex.ru

Suchkova E.L., associate professor of the department of psychological service in the Penal System, Vologda Institute of Law and Economics of Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of psychological sciences, associate professor. E-mail: elizavetasuchkova@yandex.ru

Trudov N.U., postgraduate student of the Vologda State Technical University. E-mail: streamant@yandex.ru

Uhova E.V., head of the criminal procedure's and criminalistic's department of the Vologda Institute of Law and Economic of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of law sciences, docent. E-mail: uhova-elena@mail.ru

Zautorova E.V., professor of legal psychology's and pedagogy's department, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, doctor of pedagogical sciences, professor, corresponding member of the International Academy of Science Teacher Education. E-mail: elvira-song@mail.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

С.В. Бабурин

Ответственный секретарь:

С.П. Серeda

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-36704
ISSN 2076-4162

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.
Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.
Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес издателя:
160000, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
160035, г. Вологда, ул. М. Ульяновой, 9

Телефоны:
(8172) 51-82-50
(8172) 53-60-79
(8172) 51-82-48 факс
E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России
Подписано в печать 24.12.2012
Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12. Заказ № 4107
Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал уже в недалеком будущем займет достойное место среди ведомственных периодических изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширит ряды авторов и читателей.

Решением Президиума ВАК 22 октября 2010 года журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и требованиям в оформлении.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте www.vipe-fsin.ru

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России. Отпускная цена за минимальный срок подписки (6 месяцев, два номера журнала) – 560 руб. 00 коп., в том числе НДС – 10%.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.